Константин Преображенский

КАК СТАТЬ ЯПОНЦЕМ

Константин Преображенский

КАК СТАТЬ ЯПОНЦЕМ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

ББК 66.75(5Я)
П 72

П $\frac{1102050100-313}{078(02)-89}$ 052—90

© Издательство «Молодая гвардия», 1989 г.

ISBN 5-235-00870-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале шестидесятых годов Японию посетила очень важная советская делегация. Ее возглавлял А. И. Микоян. Мы энергично приступали к освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока, и наш энтузиазм нуждался в подкреплении японской техникой и технологией. Вряд ли делегация рассчитывала вызвать у японцев дружеские чувства к Советскому Союзу — предубеждение, въевшееся в их сознание за многие десятилетия далеко не мирных русско-японских и советско-японских отношений, было слишком сильным, — но добиться доброжелательного отношения к нашим экономическим планам, пробудить у японцев интерес к ним делегация надеялась. И надеялась, надо сказать, не без основания, что и подтвердили итоги визита. Его успеху в немалой степени способствовали встречи А. И. Микояна с японскими журналистами, к которым он основательно подготовился — это было заметно, — еще в Москве. «Домашней заготовкой» воспользовался А. И. Микоян и в заключительной пресс-конференции, На вопрос, что произвело в Японии наибольшее впечатление, он уверенно ответил: «Необыкновенное японское трудолюбие».

Телевидение, радио, газеты растиражировали слова А. И. Микояна на всех языках мира. Освещавшие поездку делегации советские журналисты — и я в их числе — приложили максимум старания, чтобы о «необыкновенном японском трудолюбии» узнало как можно больше людей. Японцы тогда говорили: мы, как Байрон, однажды утром проснулись и узнали, что знамениты. Слава о «необыкновенном японском трудолюбии» перешагнула океаны, О ней заговорили в Европе и в Америке.

А. И. Микояну выпала удачливая судьба. Мы всегда имели возможность его цитировать. И двадцать с лишним лет подряд каждый, кто в окружении внушительной свиты приезжал в Японию из СССР, с готовностью использовал апробированную на высоком уровне сентенцию. Это избавляло от необходимости думать, что в те годы означало рисковать. И опять телевидение, газеты — советские в первую очередь — широко разносили по свету пропагандистское клише, отлитое для конкретного случая и ради конкретной цели.

У меня и у некоторых моих коллег уже тогда зашевелилась казавшаяся крамольной мысль: прав ли Микоян? Может ли существовать какое-то особое японское трудолюбие, трактуемое чуть ли не как генная заданность? Не получается ли, что есть народы изначально трудолюбивые и изначально ленивые? Звучит парадоксально, но чем отчетливее мы понимали, что трудолюбие не является даром небес, а создается экономическим давлением и общественным воспитанием, тем шумливей твердили о «необыкновенном японском трудолюбии», словно о чем-то сверхъестественном. Парадокса, однако, здесь нет. Действовал «закон лозунга». Согласно закону лозунг выражает стремление людей не к тому, что у них имеется в избытке, а к тому, чего им недостает. Нам недоставало экономических стимулов и общественного воспитания, чтобы старательно работать, и, следовательно, нам не хватало трудолюбия.

Усердно культивировавшийся стереотип «необыкновенного трудолюбия» долго мешал нам разглядеть главную, на мой взгляд, причину японских экономических достижений. Мы объясняли их, помимо «необыкновенного трудолюбия», и нещадной эксплуатацией японских трудящихся, и проникновением американского капитала, и работой японской промышленности на агрессию США в Корее, и еще десятком других причин, сыгравших, разумеется, определенную роль, но отнюдь не решающую. И лишь теперь мы обратили наконец внимание на то, чему сами в своей экономической политике никогда не придавали значения, хотя должны были, если исходить из нашей идеологии и наших конечных целей. Мы поняли, что прежде всего правильное использование «человеческого фактора» принесло успех Японии.

Термин «человеческий фактор» в Японии не в ходу. Но вся система японского менеджмента, то есть организация производства, направлена на максимальное раскрытие способностей человека, на эффективное их использование, на пробуждение у персонала потребности постоянно учиться и на стимулирование желания применять полученные знания. Японские предприниматели раньше своих американских и западноевропейских конкурентов пришли к выводу: по мере развития научно-технического прогресса все больше возрастает значение человека в производственном процессе.

В 1983 году на заводе автомобильной фирмы «Ниссан» стои-

мость оборудования на одном рабочем месте составляла примерно 40 тысяч долларов, тогда как на заводе, скажем, «Дженерал моторс» в США — только 12 тысяч долларов. Чтобы механизмы стоимостью 40 тысяч долларов не оставались бесполезной грудой металла, чтобы рабочему хотелось механизмы применять и чтобы он умел это делать, мало ему приказать. Надо поставить рабочего в такие условия, в которых он сам, без принуждения, стремился бы задействовать максимально эффективно все предоставленное в его распоряжение оборудование. Это, конечно же, требует средств. Японские предприниматели в данном случае не скупятся.

Когда американский и японский предприниматели задумывают образовать фирму или построить завод, оба они озабочены, как бы порациональнее произвести капитальные вложения. С точки зрения американца, главное — построить здание фирмы или завода, приобрести или разработать передовую технологию, купить самое современное оборудование. У японца — иные приоритеты. Самые крупные денежные вложения он планирует направить в персонал, а уж потом следуют средства, предназначенные для капитального строительства, для приобретения технологии и оборудования.

«Вложения в персонал» — это расходы на непрекращающееся обучение рабочих и служащих вплоть до их ухода из фирмы по возрасту, на создание того, что мы именуем соцбытсектором — Дворцов спорта и мест для семейного отдыха, сравнительно дешевого жилья и даже бесплатных фирменных кладбищ, на финансирование порядков, при которых очень доходно быть преданным фирме, дисциплинированным, старательным, честным, аккуратным и всегда здоровым и совсем невыгодно менять место работы, опаздывать, приходить в цех или в контору в нетрезвом состоянии, допускать брак, не выполнять производственную норму и часто болеть. Нетрудно догадаться, сколь велики вложения в персонал. В расходных книгах японских бизнесменов они занимают самую верхнюю строчку.

Однажды я поинтересовался у руководителя большой японской фирмы, ведавшего кадрами, по какому принципу отбираются им рабочие и служащие? «Нам не нужны специалисты, — услышал я в ответ. — Нам требуются чистые листы бумаги. А что на них написать, это мы решим сами». Действительно, фирмы стараются са-

мостоятельно формировать моральные и деловые качества своих работников. И в этом смысле «чистые листы бумаги» предпочтительнее готовых рисунков. Однако не только белизну бумаги проверяют фирмы на вступительных экзаменах, без сдачи которых в число постоянных рабочих и служащих не попасть. Фирмы подвергают контролю и качество листа. Каким оно должно быть, чтобы удовлетворить фирмы? Кто и как нужного качества добивается? Вы узнаете об этом, прочитав книжку, которую держите в руках.

Даже если К. Преображенский, написавший книгу, не провел бы параллелей между японской и нашей системами воспитания и образования, читатель предпримет такой шаг сам. А сделав это, неизбежно задастся вопросом: реально ли перенести на нашу почву лучшее из того опыта, что накоплен японцами в области воспитания и образования? Вероятно, какие-то воспитательные приемы, что-то из организационных форм процесса образования мы могли бы заимствовать. Однако воспользоваться целиком японскими принципами мы не сумели бы. Да и выглядела бы такая попытка нелепо. И привела бы она к плачевным результатам. Японию и все японское невозможно скопировать. Японию можно использовать лишь как зеркало, в котором отражаются достоинства и недостатки того, кто в зеркало смотрится. И если, прочитав книжку, вы по-новому оцените наши достоинства и задумаетесь, как избавиться от недостатков, все причастные к изданию книжки будут считать, я уверен, свою задачу выполненной.

Они испытают удовлетворение и в том случае, если книжка побудит вас отринуть наивное представление, что способность к высокопроизводительному труду может появиться благодаря одним лишь постановлениям, хотя бы и очень революционным, а желание трудиться с полным напряжением сил может быть вызвано пламенными призывами. Трудолюбие, как и все другие качества, необходимые, чтобы жить в обществе и не чувствовать себя чужим в нем, воспитывается в человеке с момента появления на свет. Если говорить о Японии, то с первого дня, который маленькие японцы проводят в просторной больничной палате, омываемые потоками теплого воздуха.

Впрочем, обо всем этом вы сейчас прочтете сами...

ВЛАДИМИР ЦВЕТОВ

Посвящаю вечной памяти отца моего,
ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

МИР ЯПОНСКОГО ДЕТСТВА

Отношению японцев к своим детям присуще все то, что и другим народам — желание накормить их, уберечь от болезней и других превратностей судьбы, сохранив этим их жизнь; воздействовав воспитанием, сделать подобными себе.

Но есть у них и такая черта, которую, пожалуй, не отыскать у других — уважение к личности малыша, стремление сделать короткое детство человека поистине безоблачным, обеспечив ему душевный покой.

СО ВТОРОГО ДНЯ ЖИЗНИ

Первый день жизни маленькие японцы проводят в просторной больничной палате, омываемые потоками теплого воздуха. Измученные недавним появлением на свет, малыши спят, обернутые в пеленки и разложенные аккуратными рядами. Время от времени нянечка в белой маске привычно-осторожным движением берет кого-нибудь из малышей и подносит его к широкому окну в коридор, за которым, подглядывая сквозь розовые занавески, стоят растерянно улыбающиеся отцы.

На второй день, в шесть часов утра, малышей приносят в палаты к матерям и оставляют там до позднего вечера. С утра сюда один за другим заходят приодетые гости, приносят матери цветы и сладости, рассматривают новорожденных малюток, и весь день в палатах царит праздничное оживление. А младенцы мирно посапывают здесь же, в розовых кроватках-каталках, отделанных никелированным железом.

На третий день детей принесут сюда снова и оставят в материнской палате до конца, до выписки из родильного дома.

С момента рождения младенцам ни разу не надевают чепчики, и их головы всегда остаются непокрытыми. После мытья малышей завертывают лишь в тонкую махровую простыню. Так начинается их закаливание...

Не признают здесь и тугого пеленания, считая, что оно сковывает не только мышцы, но и волю и препятствует утверждению в человеке чувства свободы.

Когда я впервые увидел токийскую зиму с ее снегопадами в феврале, меня поразили две вещи: розовые цветы на вечнозеленых кустах, выглядывающие из сугробов, и первоклассники в черных мундирчиках и коротких штанишках, пробирающиеся снежными тропинками в школу. Их шеи были закутаны шарфами, на руках надеты теплые перчатки, но ноги оставались голыми, несмотря на мороз.

В эти зимние дни на улицах часто встречаешь состоятельные семьи, одетые, по нашим понятиям, весьма странно — мать в дорогой шубе, отец в английском пальто, а с ними — двое-трое детей, одетых в кургузые пиджачки и короткие штанишки. Их ноги и носы посинели от холода.

— Почему вы так легкомысленно одеваете детей зимой? — часто спрашивают их женщины-иностранки.

— Наши дети не болеют, — отвечают японские матери с оттенком гордости...

Войдите зимой в традиционный японский дом — и вас сразу обдаст застоявшимся холодом. Когда вы будете проходить через маленькую террасу, вам покажется, что вы приехали в конце зимы на выстывшую нежилую дачу.

В комнатах дует ветер, проникающий сквозь шаткие стены и бумажные двери. Тепло здесь не задерживается, и отапливать эти домики нет смысла.

Днем его обитатели ходят в теплых кофтах и свитерах, и изо рта у них при разговоре вылетает морозный пар. Вечерами, сидя у телевизора и ужиная, они греют ноги под столом, где в нише стоит, укрытый ватным одеялом, электрический обогреватель.

В такие дни на ужин готовят горячее варево «о-дэн», в коричневом бульоне кипят вареные яйца, сосиски, щупальца осьминога, куски соевого творога. Их выхватывают палочками и, окунув в горчицу, отправляют в рот. Малышей рано приобщают к общему столу, учат их пользоваться палочками для еды.

Ночью все укладываются на соломенном полу и накрываются ватными матрасами.

Согреться удается только в одной из ближайших бань, каких в одном Токио насчитывается многие тысячи, — ведь домов с ваннами здесь и сейчас немного.

Для малышей, возвращающихся из бани по зимней улице, выпускают стеганые костюмчики-колокола, в ко-

торых трудно бегать, зато можно, не простудившись, дойти домой под порывами ледяного морского ветра.

Даже фешенебельные многоквартирные дома с залитым светом фойе, со швейцаром за стеклянной стойкой, здесь часто не имеют отопления.

Однажды я по ошибке вселился в такой дом, но с приходом зимы сбежал, не выдержав холода его каменных стен, — при найме квартиры мне и в голову не пришло спросить, есть ли в доме отопление... Однако все остальные жильцы, японцы, не чувствовали в доме никаких неудобств.

В дни зимы на мелких фирмах и в других не очень богатых учреждениях железная мебель, кажется, сама источает холод, и меж столов там ставят электрические печурки. Они очень мощные, и от них сразу согреваешься, придя с промозглой улицы. Но растворяется их тепло также очень быстро...

Японцы не любят разговоров о скученности своей жизни, о плохом отоплении, об отсутствии ванн в городских домах. Действительно, все это как-то не соответствует сложившемуся за рубежом образу Японии — страны, за короткий срок вырвавшейся на передовые рубежи научно-технического прогресса: начисто лишенной природных ресурсов и вынужденной умещать огромные заводы на клочках земли, но теснящей на мировом рынке самые богатые страны. Однако без знания этих теневых сторон японской жизни не понять причин спартанского воспитания японских детей, оказывающего влияние на характер всей нации...

Однажды в Токио пронесся слух, что японские фирмы начали выпускать приспособления для обучения хождению маленьких детей. Речь идет о знакомом в нашей стране легком сооружении на колесиках, похожем на паука, в центр которого ставится малыш, привязанный помочами. Куда малыш сделает свой неверный шаг, туда и катится все сооружение, однако младенец не падает и делает второй шаг. Это приспособление было изобретено

европейскими врачами в прошлом веке и известно давно.

Решив приобрести его для своей новорожденной дочери, я зашел в токийский универмаг «Мицукоси».

Служащий универмага разложил передо мной проспекты фирм, поставляющих товары для «Мицукоси». Среди представленных в них предметов были и приспособления для обучения детей ходьбе.

— Этого товара вы не найдете ни в нашем магазине, ни в любом другом магазине Японии, — улыбнулся служащий. — Они идут только на экспорт. В наших домах так мало места, что эти приспособления там невозможно использовать. Но, кроме того, — пояснил он, — мы считаем, что дети должны приобретать все навыки естественным путем. Их воспитание, весь образ жизни, особенно в самом раннем возрасте, должны проходить в условиях, максимально приближенных к природе. Например, мы приучаем их ходить босиком и дома, и по возможности вне его. Для этого мы выпускаем носочки с пластмассовыми вкраплениями в подошве, чтобы предотвратить скольжение по полу. Их я могу предложить вам...

В конце зимы, когда чуть потеплеет, матери выносят на улицу привязанных за спиной младенцев с голыми ножками, в шерстяных штанишках до колен, и в одних носочках, очевидно, с пластиковыми вкраплениями. Головы малышей не покрыты, и на их нежных, как пух, темных волосах тают снежинки. Малыши или спят, запрокинув голову, или с интересом посматривают вокруг.

Прямо в этих носках матери опускают младенцев на холодный песок детских площадок, и те подолгу ползают там, набивая носки и штаны серыми океанскими песчинками...

У японских малышей нет строго установленных часов сна после обеда — они засыпают когда захочется. Зачастую нет и детских кроваток — ночью они лежат вместе с родителями и братьями, на одном большом матрасе, который расстелен на полу. Днем малыши спят, привя-

занные за спиной у матери, всегда на воздухе, на ходу.

Болеют ли японские дети простудой? Конечно, болеют, хотя тяжелые простуды здесь сравнительно редки. Зато легкие очень часты — но их никто не считает болезнью. На обычный насморк же вообще не обращают внимания. В сильные морозы большинство японских детей разговаривает простуженными голосами, но никто не делает из этого проблемы.

С ранних лет они приучаются носить во время простуды белую марлевую повязку на лице. Она закрывает нос и рот, как у врачей. При чихании эта повязка предохраняет окружающих и, таким образом, имеет еще и определенное воспитательное значение для ребенка.

Этот обычай, связанный в первую очередь со скученностью жизни, представляется вполне применимым и в других странах, хотя многих иностранцев поначалу пугает обилие людей со странными повязками на лицах в японских городах...

Даже детская медицина здесь проникнута идеей скорейшего возвращения ребенка в обычные для него спартанские условия жизни. Например, через два-три часа после операции по удалению грыжи, сделанной под общим наркозом, детям разрешается вставать, играть на полу больничной палаты. На следующий день после операции их выписывают из больницы. Больших ограничений на обычный для детей подвижный образ жизни не делается. Приезжать в больницу для снятия швов не надо — нитки сами рассасываются.

Среди показателей социального здоровья общества есть один, при упоминании о котором в неосознанной тоске на мгновение сжимается сердце, — детская смертность.

В Японии она самая низкая в мире, всего 4,9 случаев на тысячу младенцев. Только Финляндия и Швеция приближаются к уровню Японии, в них погибает лишь

шесть младенцев из тысячи, а Соединенные Штаты уже заметно отстают, и там эта цифра вырастает до 10,6. Советский Союз отстает, к сожалению, еще больше: детская смертность у нас составляет 19,6 на тысячу.

Средняя продолжительность жизни здесь такая же, как в Исландии, — 75 лет для мужчин и 81 год для женщин, самая высокая в мире. «Правда, — неизменно уточняют японцы, — в Исландии живет только 230 тысяч человек, а у нас — 117 миллионов, и наши цифры точнее...»

Изначальную скудость условий жизни здесь компенсируют тем, что приносит японцам успех во всем, — блистательной организацией дела, добросовестностью и трудолюбием, изобретательностью в большом и малом.

Не нужно быть большим специалистом для того, чтобы, сравнив нынешний уровень детской смертности с послевоенным, составлявшим 60 человек на тысячу, уяснить, что за сорок лет он снизился в Японии более чем в двенадцать раз. Разве этот социальный результат не достоин высокой оценки?

В первую очередь, как считают специалисты, он был достигнут за счет отлаженной системы медицинской помощи будущим матерям. Основную часть их составляют замужние женщины 27—29 лет, и этот возраст, как считают врачи, наиболее безопасен для родов.

Каждая из будущих рожениц получает у врача небольшую книжку в твердом глянцевом переплете. В ней всего 58 страниц, однако на них подробно и тщательно расписан не только каждый день беременности, но и послеродового периода. В доступной и легкой для запоминания форме в этой Книге матери и ребенка перечислены симптомы всех возможных заболеваний роженицы и малыша, отмечено, какие блюда и когда можно есть, сколько пить молока и даже указано, когда следует пойти на очередной прием к врачу. Как считают многие, сама эта книга, введенная правительственным указом в

первые послевоенные годы, во многом способствовала сокращению детской смертности.

По установленным здесь правилам, будущая мать должна посетить женскую консультацию двенадцать раз, причем два из них — за счет государства, установившего, кстати, для врачей пониженные льготные налоги, что положительно сказывается на здравоохранении в стране. Оно же в принципе может взять на себя ту часть платы за роды, которую должен внести сам пациент. В этом проявляет себя правительственная программа помощи материнству.

Средняя стоимость родов в японской больнице составляет примерно 200 тысяч иен — немалую сумму, равную двум третям среднемесячной зарплаты, однако львиная доля ее погашается за счет внесенных ранее страховых взносов, и пациент доплачивает оставшееся, около трети.

Здоровье новорожденного ребенка и матери не разделено бюрократической преградой, и первое не пущено по ведомству педиатрии, а второе — гинекологии. Они рассматриваются как неразрывное целое. Сделать так, чтобы матери и ребенку было удобно и хорошо жить, — в этом японские медики видят свою задачу, а вовсе не в том, чтобы различные показатели самочувствия их пациентов механически совпадали с теми нормами, которые изобрели другие медики. Если что-то немного отклоняется от изложенных на бумаге показателей и критериев, но в целом положение нормальное, то неизменно приветливые врачи и медсестры не усматривают в этом большой проблемы. Природа, убеждены они, неизмеримо многообразнее и богаче любых рамок, которые пытается выдумать для нее человек — вовсе не царь природы, а один из ее многочисленных жителей.

Не последнюю роль в становлении здоровья японских младенцев — а значит, и всей нации — играет существование здесь мощной индустрии детского питания, использующей, как и любая здешняя отрасль, лишь са-

мые последние достижения науки и техники. Яркие баночки с изображением краснощекого младенца на этикетке не только всегда и везде имеются в продаже: их выбор огромен — индейка с творогом, телятина с бананами, говядина со шпинатом... На каждой баночке, стоящей очень дешево, указан возраст младенца, которому это предназначено.

Так же велик ассортимент стерильных соков. Каждый из них можно приобрести и в бутылочке с припаянной соской, чтобы можно было дать его младенцу тут же, во время прогулки, сняв лишь слой целлофана.

Общеизвестна протекционистская политика правительства Японии в отношении импорта иностранных товаров, особенно продуктов питания. Устанавливая непомерно высокие таможенные пошлины на зарубежные продукты, оно старается поддержать этим хозяйства собственных фермеров. Однако на еду для младенцев «боевые действия», похоже, не распространяются, и известные на весь мир американские детские питательные смеси продаются везде и даже стоят не дороже японских.

Детское молоко выпускают несколько крупных японских фирм, но конкуренции между ними тоже почему-то не чувствуешь. В аптеках и детских поликлиниках большие металлические банки с молочным порошком всегда стоят рядком — выбирай ту, которая больше понравится малышу...

Немало телевизионных передач в Японии посвящено детскому питанию. Они предназначены для матерей и передаются в утренние часы. Лозунг этих передач таков: перекармливание ребенка, равно как и кутание его в чрезмерно теплые одежды, не есть проявление истинной любви к нему...

— Какие проблемы японских детей вы считаете наиболее острыми сейчас? — спросил я у одного из активистов Всеяпонского профсоюза учителей. В жаркий летний день мы сидели в его крошечном кабинете-закутке в здании штаб-квартиры профсоюза на Канде. В окнах

были опущены жалюзи, прохладный воздух кондиционеров ласкал лицо.

— В первую очередь это проблема питания, — сказал он. — После школьных занятий, во второй половине дня, многие дети оказываются предоставленными самим себе, потому что все больше матерей сейчас работает. Ведь у нас нет групп продленного дня, как в Советском Союзе. Детей некому занять, а главное — некому накормить их обедом, что особенно важно для младших школьников. Детям приходится готовить еду самим. Самое простое для них — приготовить суп из сублимированной лапши, залив ее кипятком. Но в такие продукты входят химические вещества, вредные для здоровья. Это нередко вызывает желудочные заболевания.

— Ну а проблема детского досуга?

— Вы имеете в виду низкое качество многих детских фильмов? — переспросил педагог.

— Нет, летний отдых детей, например, организованный вывоз их в сельскую местность, к морю...

— Ну, этого у нас нет и никогда не было! Никто даже не ставит такой проблемы, — рассмеялся мой собеседник. — У нас нет пионерских лагерей, детсадовских дач... Не случайно в буржуазной прессе вы не найдете даже упоминания о существующих в Советском Союзе. Их как бы нет в природе... Летний отдых — забота исключительно родителей. Некоторые фирмы, правда, имеют свои дома отдыха, куда можно приехать и с детьми, но выезды туда носят разовый характер. Свои собственные дачные участки у нас имеют только очень состоятельные люди. Некоторые отправляют детей к родственникам в деревню, другие берут их с собой в поездки по стране или за границу. Но отпуск японцев очень короток, не более двух недель, и за это время дети, конечно, не успевают отдохнуть. Однако многие у нас вообще работают без отдыха, например, работники мелких фирм, лавочники. Куда деваться летом их детям?.. Поэтому большинство наших детей проводит лето в горо-

дах, таких, как огнедышащий Токио. Все считают это нормальным, потому что так было всегда. В маленьких городках, близких к природе, эта проблема не так остра. А в таких крупных центрах детей спасает физическая закалка, спорт. Иначе здесь просто не выжить. Это одна из причин, почему спорт у нас является настоящим культом.

— А в каком возрасте дети проникаются любовью к спорту?

— Со второго дня жизни. Ведь бытовой спорт у нас вынесен на улицы, потому что дома им заниматься негде. Дети видят, что на автобусных остановках, в парках, в узких переулках все, улучив минуту, делают спортивные упражнения. Большой вклад в физическую закалку наших детей вносят учителя... Вы, наверное, заметили, что около каждой японской школы, в какой бы гуще домов она ни стояла, непременно есть свой небольшой стадион. Этого добились учителя от муниципальных властей за годы борьбы...

В бесшумном лифте я спустился в первый этаж здания профсоюза, миновал прохладный вестибюль и вышел на улицу.

Жара сковала мою грудь.

По широкой улице медленно текла река автомобилей. В наши дни японские машины выпускают в воздух совсем мало гари, но их собралось так много, что горячий воздух был наполнен сладковатыми парами переработанного отличного бензина.

В узеньком переулке, уходящем вкось от магистрали, было не так шумно. Кусты, росшие на каждом свободном сантиметре земли, вбирали в себя запах бензина. Вплотную прилегая друг к другу, прятались за ненадежной зеленью садиков двухэтажные дощатые дома. Сейчас в них было очень жарко. Но охлаждать домики кондиционерами не имело смысла так же, как отапливать их зимой — прохлада уходила сквозь щели.

Окна и двери домов были раздвинуты, и на фоне

темноватых стен блестели стекла посудных шкафчиков, белели под потолками домашние божницы из резного дерева. У порогов домов, свесив ноги в сад, сидели старики в белых кальсонах и грелись на солнце. Рядом с ними ползали по соломенному полу младенцы. Начав ходить, они быстро научатся сползать в сад, своими размерами едва превышающий письменный стол.

Теснота кругом. Здесь, на Канде, в старинном районе Токио, земля так дорога, что, продав ее, старики, наверное, смогли бы возвести свои домики из серебра, только стоять им уже было бы негде. Однако эти клочки земли, передаваемые веками от поколения к поколению, растут в цене год от года, и их берегут как капитал...

По переулку то и дело проползали автомобили, едва не касаясь своими крыльями детских велосипедов, прислоненных к заборам и стенам домов. К ним же нехотя прижимались и дети, пропуская машины.

Когда переулок вновь на несколько минут становился свободен, дети возвращались к своим шумным играм. Летали большие и малые мячи, воздух оглашался бодрыми криками.

Казалось бы, обстановка вокруг не способствовала их здоровью. Однако все дети были краснощекими, подвижными, вполне здоровыми на вид, словно проводили лето не здесь, в душном переулке, а на берегу лесной речки.

Конечно, это здоровье не было даром природы. Оно было результатом огромного, многократно усложненного скудостью условий труда, начатого семьей в раннем детстве.

В последние годы здесь получил широкое развитие внешкольный детский спорт. В каждом городе работают секции бейсбола, волейбола, футбола. Клубы национальных видов спорта дети посещают наравне со взрослыми. Там они с ранних лет занимаются дзюдо, кэндо, каратэ.

Одним из самых распространенных является, пожалуй, плавание. За какие-нибудь четыре-пять лет неболь-

шие школы плавания выросли как грибы во всех концах страны.

Хотя Япония со всех сторон окружена океаном, японцы не стали нацией моряков. На протяжении столетий им под страхом смерти запрещалось заплывать на кораблях за линию горизонта.

Среди их национальных видов спорта, родившихся в средневековье, ни один не связан с плаванием. Все они посвящены только одному — беспощадной борьбе, которую вели между собой самурайские кланы.

Однако вряд ли найдется вид спорта, который, подобно плаванию, оказывал бы благотворное воздействие на все функции растущего организма. Похоже, здесь решили ликвидировать этот пробел...

Школы плавания, как правило, расположены в двухэтажных зданиях из стекла и бетона. В первом этаже находится бассейн, во втором — маленький спортивный зал, помещения для администрации, которая, как везде в мире частного бизнеса, сведена к минимуму.

Эти школы легко узнать по скоплению детских велосипедов у входа. У велосипедной стоянки висят две таблички. На одной написано: «Так ставят свои велосипеды хорошие дети», на второй — «Так хорошие дети велосипеды не ставят». На первой во всех подробностях показано, как надо расставить велосипеды на данной стоянке площадью в несколько квадратных метров. На второй нарисованы два-три велосипеда, небрежно брошенные и перегородившие вход в здание, закрывшие дорогу для других велосипедов.

Так, волей-неволей школы плавания уже у своего входа учат детей донельзя экономному использованию земли, в постоянной нехватке которой растет японский ребенок.

Землю здесь измеряют не на гектары, а на татами — участки площадью в соломенный коврик, на котором может уместиться один человек.

Говорят, что в Японии детям позволяются многие

шалости. Однако и в самые упоительные мгновения игр ни один ребенок не переступит сантиметра чужой земли, словно это кусочек заколдованного царства.

Однажды по узкой улочке, в которую выходят ворота токийского отделения ТАСС, трое малышей, возвращающихся из школы, гнали мяч. Один из них, не рассчитав своего бега, влетел в наш двор. Сообразив, что он находится уже не на улице, а на чьей-то земле, малыш присел от испуга. Его желтая панама-гриб сбилась на затылок.

— Извиняюсь! — закричал он во всю силу легких и опрометью выскочил за ворота. Товарищи встретили его дружным смехом...

Пройдя такую суровую школу, этот малыш, став строителем, будет считать для себя вполне естественным и ничуть не странным обертывать каркас строящегося здания, будь то двухэтажный дощатый дом или небоскреб, огромным куском полиэтилена, чтобы стройка не вышла ни па сантиметр за отведенный ей предел, чтобы ни кирпич, ни горсть песка не упали в чужой двор.

Став шофером, он не будет горячиться, когда его многотонный грузовик, с трудом разворачивающийся на стыке двух невероятно узких переулков, будет то и дело замирать, пропуская пешеходов, идущих привычно-неторопливой походкой: улица — это общее достояние...

Каждый год каждая из тысяч улиц в городах Японии отмечает свой праздник. Разумеется, отмечают свои праздники и деревни.

В этот вечер улица бывает ярко освещена, украшена бумажными цветами, прикрепленными к столбам фонарей. Громко звучит резкая, ритмичная музыка. По обеим сторонам улицы стоит толпа зрителей, оставив в середине неширокий проход для танцоров.

По нему движется колонна танцующих. Среди них узнаешь знакомых лавочников, официантов, хозяев фото-

мастерских. Все одеты в синие куртки и белые штаны до колен, как предписывает народный обычай.

С японской предусмотрительностью для каждой колонны танцующих заготовлен свой транспарант. Его несет ведущий. На одном из них написано «Колонна рабочих парфюмерной фирмы «Сисэйдо» — один из ее заводов расположен неподалеку. За ней следует «Колонна домохозяек», в которой почтенные матроны демонстрируют плавность движений. В конце движется колонна школьников — идущие в ней подростки старательно повторяют движения танца. Последней идет колонна малышей. Ее ведет хозяин книжной лавки, приплясывая, отбивая счет транспарантом и озабоченно поглядывая на часы. Пятилетние малыши в синих курточках и белых трусах старательно разводят руками в танце, подражая движениям взрослых...

Улица коротка, и танцующие проходят ее снова и снова, но толпа зрителей не устает наблюдать за ними, не расходится по домам. Бодрое, радостное настроение царит вокруг...

Праздники улиц раньше существовали и у нас. Они обостряли чувство родины...

Открылась детская школа плавания и недалеко от здания ТАСС. Она располагается на двух нижних этажах отеля «Сэвэн сити».

У ее входа также красуются таблички о хороших и не очень хороших детях-велосипедистах (слово «плохой» в японском языке имеет гораздо более сильное отрицательное значение, чем у нас; плохой человек значит конченый человек, и по отношению к детям это слово никогда не употребляется).

В эту школу плавания мы решили записать нашего пятилетнего сына.

— У нас слишком много желающих, и свободных мест пока нет. Мы можем только поставить вас на очередь и, когда она подойдет, вызвать открыткой, — объяснила мне любезная пожилая женщина в белом ха-

лате, и я покорно записал свое имя в длинном списке очередников. На этом листе среди имен, записанных иероглифами и принадлежащих японцам, только моя фамилия была записана азбукой «катакана», которой записываются иностранные имена...

Через полгода я получил извещение о том, что наша очередь в школу плавания подошла.

В назначенный день мы с сыном пришли в бассейн и внесли за месяц вперед плату в размере пяти тысяч иен, что приблизительно соответствует 15 рублям. Это — стоимость двух-трех книг, килограмма говядины или пары туфель. Более дешевой месячной платы за спорт в Японии нет. В этом, видимо, коренится одна из причин популярности детских школ плавания.

Любезная пожилая женщина, уже знакомая мне, быстро изготовила пропуск — сделала цветную фотографию, закатала ее в пластик.

Эти пропуска никто никогда не проверяет, и поэтому потерять их — милое дело. Каждый день уборщицы приносят десятки пропусков, оброненных малышами и найденных в самых неожиданных местах. Специально для них при входе в бассейн стоит большой ящик.

В крошечном вестибюле школы шумно. Из взрослых присутствуют в основном молодые матери, многие из них — с грудными детьми. Не обращая внимания на шум и беготню вокруг, они неторопливо перепеленывают младенцев, пока старшие дети готовятся к плаванию. Потом матери возьмут младенцев на руки, пройдут в бассейн и рассядутся на деревянных скамьях вдоль стен, наблюдая за купающимися детьми. Поднявшись этажом выше, они могут зайти в чайную и смотреть на детей сверху, попивая кофе. Под гулкий шум воды малыши хорошо спят...

Перед входом в раздевалку школы положено, как и везде в Японии, снять обувь. В раздевалке, размерами своими едва превышающей большую комнату в европейской квартире, все стены от пола до потолка устав-

лены железными ящичками для детской одежды. Народу здесь так много, что, кажется, и яблоку негде упасть, однако все как-то пробираются к своим ящикам, стараясь не толкать друг друга.

Присев на корточки, матери, не торопясь, переодевают детей, а в это время младенцы, привязанные у них за спиной, или мирно спят, давно привыкнув к шуму, или внимательно смотрят по сторонам. На случай, если малышей понадобится срочно перепеленать, в раздевалке установлена деревянная кроватка для младенцев.

В бассейн дети постарше спускаются одни, младшие идут с родителями. Ниша перед входом залита дезинфицирующей жидкостью, и все ступают в нее босыми ногами.

Пока родители рассаживаются по скамьям, тренеры разбирают детей по группам, ориентируясь по цвету их купальных шапочек — у начинающих они желтые, у чуть более опытных — розовые, затем темно-зеленые и так далее. Всего ступеней мастерства, отмечаемых цветом шапочки, двенадцать. Для перехода из одной ступени в другую никаких экзаменов не требуется: тренеры сами решают, кого куда перевести.

Большинство тренеров — студенты и работают по временному найму. Однако чувствуется, что все они прошли специальную подготовку для детских школ плавания. Малыши любят их. В конце тренировки студенты объясняют каждому, не исключая и самых маленьких, его успехи и ошибки. Дети внимательно выслушивают объяснения, кивая головой.

Группы из детей постарше, лет восьми-десяти, составлены или из одних мальчиков, или из одних девочек. С ними занимаются тренеры своего пола. Ну а группы малышей — смешанные. В каждой из них по пять-шесть человек.

Одновременно в бассейне тренируется несколько таких групп. Пока малыши скатываются в воду с горки

или учатся погружаться с головой, старшие дети отрабатывают более сложные приемы плавания.

Почти каждый день кому-нибудь из них вручают дипломы о переходе в новую ступень мастерства. Получив эти кусочки картона размером с ладонь, дети очень радуются. Тогда родители здесь же, в бассейне, покупают для них шапочки другого цвета. Тех, у кого обучение плаванию идет медленнее, собирают в группы, вновь и вновь отрабатывают с ними те же приемы, и в итоге они также получают и дипломы, и новые шапочки.

Как и жизнь любого коллектива в Японии, жизнь бассейна насыщена церемониями, которые цементируют, укрепляют коллектив. В конце каждого занятия тренер напоминает малышам, что сейчас надо отвесить три поясных поклона — учителю, друг другу и всему залу. По его команде дети склоняются, и учитель сам кланяется вместе с ними. Потом все забираются в небольшой бассейн с горячей водой и громко выкрикивают хором четверостишие: «Уходит последний паровоз, ту-ту! Вот и мы попыхтим как паровоз и уйдем домой».

Во время одного из занятий я поднялся в кабинет к директору школы. Меня встретил мужчина лет пятидесяти, одетый в униформу всех работников школы — легкий голубой спортивный костюм.

— Честно говоря, я завидую своим советским коллегам, — признался он. — Ваши тренеры могут принимать в школы только самых одаренных детей, будущих чемпионов; мы же, работающие на коммерческой основе, вынуждены брать всех...

Я ничего не ответил на слова директора. По-моему, это хорошо, когда в школу плавания принимают всех желающих независимо от наличия у них чемпионских задатков — ведь не горсткой же чемпионов определяется здоровье нации. Что же касается существующей у нас системы поощрения тренеров, целиком зависящей от числа подготовленных ими чемпионов, то она давно

нуждается в пересмотре, как и сам спорт, который все-таки должен наконец стать массовым...

По воскресеньям тренеры в школе плавания не работают, но бассейн все равно открыт. Дети могут плавать в нем вместе со своими родителями под присмотром дежурного тренера.

В эти дни бассейн посещает молодая мать со своей двухмесячной дочерью. Девочка одета в такой же строгий купальник и шапочку, как и мать. Она еще не умеет плавать, но уже спокойно лежит в воде, покачиваясь в такт движениям матери, плывущей по дорожке бассейна...

Когда занятие в школе плавания заканчивается, дети, переодевшись, бегут к лифтам. Почти каждый из них останавливается у автоматов с газированными напитками. Когда в них опустишь монету, сверху опускается картонный стаканчик. Прежде чем в него польется напиток, туда с шорохом опустится горка льда. Разгоряченные после купанья, дети с наслаждением сосут и грызут его.

Выйдя на улицу, они разбегаются по домам. Многие, особенно мальчишки, небрежно вытирают голову после купанья, и зимой на их мокрые волосы садятся снежинки. Однако на моей памяти никто из детей не пропустил занятия по болезни. Должно быть, в этом им помогла суровая школа младенчества.

ИСКУССТВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

Отношению японцев к своим маленьким детям присуще все то, что и другим народам Земли — желание накормить их, уберечь от болезней и других превратностей судьбы, сохранив этим их жизнь; воздействовав воспитанием, сделать их подобными себе.

Но есть у них и такая черта, которую, пожалуй, не отыскать у других: уважение к личности малыша, почти

такое же, как если бы это был зрелый человек, немало потрудившийся для общества; стремление сделать короткое детство человека поистине безоблачным, обеспечив ему душевный покой...

Когда мы принесли свою новорожденную дочь на первый в ее жизни медосмотр в детскую поликлинику в токийском районе Роппонги, врач, мельком взглянув на малютку, повел речь не о ее здоровье и даже вообще не о ней.

— Судя по заполненным вами анкетам, — сказал он, — у вас есть еще один ребенок, мальчик пяти лет. Для него наступает трудное время: внимание матери, раньше всецело принадлежавшее ему, теперь будет отдано малышке. Постарайтесь скрасить ему эти дни. Пусть сама мать, какую бы она ни чувствовала усталость, играет с ним, ходит на прогулки...

Но когда за девять лет до этого, двадцатилетним студентом-японистом из Института стран Азии и Африки при МГУ я приехал на стажировку в японский университет Токай, своих детей у меня еще не было, и вопрос их воспитания занимал меня очень мало. Но тем не менее я заметил, что администраторша небольшого общежития для иностранных студентов, моложавая красавица Ониси, относится к двум своим маленьким шаловливым сыновьям как-то странно.

Вместо того чтобы хорошенько прикрикнуть на них, как это сделали бы, наверное, наши воспитатели, она с непонятным упорством делала вид, что ничего особенного не происходит.

Когда ее сыновья — пятилетний и двухлетний — с хохотом раскачивали обеденный стол и белые чашечки скатывались на пол, но не разбивались, ибо пол был сделан из соломы; когда, выбежав в общий коридор, малыши швыряли друг в друга горсти сладких рисовых хлопьев, Ониси тотчас подбегала, присаживалась на корточки и начинала увещевать мягким, спокойным голосом.

Сыновья с воплями удирали от нее, но она мчалась за ними, грациозным движением придерживая длинную юбку из переливающегося фиолетового шелка...

Снова и снова присаживалась она около сыновей, пока те, выбившись из сил, не уставали от бега. Полулежа в изнеможении на полу, сыновья охотно позволяли себя упрашивать, особенно старший: как и подобает самураю, он с надменной усмешкой отворачивал лицо, многозначительно хмурил брови. Младший, как мог, подражал ему...

Рядом хлопали деревянные двери комнат, по коридору, громко переговариваясь, пробегали группки студентов, и иные из них задевали за лицо сидящей на корточках Ониси краями своих одежд, но ничто не могло согнать с ее лица милую, безмятежную улыбку...

Если, выбежав во двор, младший сын падал в лужу, Ониси не всплескивала руками и не ругала его, но и не помогала вылезти, а молча наблюдала за тем, как он выберется сам. Когда старший, взобравшись в парке на слишком высокую и крутую бетонную горку с гладкой железной дорожкой, рассчитанную на больших детей, боялся съехать вниз, Ониси поднималась к нему по лесенке и, обхватив за плечи, весело смеясь, скатывалась вместе с ним. Никогда не задевая достоинства своих сыновей, она властно льнула к ним, обволакивая и побеждая их своей любовью...

Какая бы густая толпа ни текла по узкой японской улице, огибая стоящие у стен домов автомобили и велосипеды, в ней не толкают друг друга, а если кто и наступит случайно на ногу, то никто словно бы не заметит этого.

Если поодаль затормозит фургон, принадлежащий телевизионной компании, и оператор, взобравшись на крышу, направит свой объектив на толпу, а корреспондент, нырнув в нее с микрофоном, станет обращаться к первым попавшимся молодым людям с неожиданными, а то и нелепыми вопросами, те будут отвечать непри-

нужденно и громко, а если речь зайдет о песнях, то и споют. Стоя перед камерой, они не будут озираться пугливо по сторонам, морщить лоб, повторять одни и те же выражения, как это делают пока в такой же ситуации некоторые наши сограждане. Никто и никогда не кричал на них в детстве, их гордость ни разу не была уязвлена, и они выросли без комплекса неполноценности. Их здоровый дух укрепляет собою тело, и в этом, видимо, состоит одна из причин долголетия жителей этой перенаселенной страны.

В общежитии для иностранных студентов университета Токай жили стажеры из разных стран, в основном из Азии. По вечерам они часто устраивали вечера национальной кухни в небольшой гостиной, наполнявшейся дразнящими аппетит ароматами восточных блюд. Особенно интересны были китайские вечера. В полутьме, с горящими на столах красными фонариками, с горами желтоватой сухой лапши, с бьющим в ноздри горячим запахом чеснока, они были в большей мере наполнены экзотикой Востока, чем сама окружавшая нас японская жизнь.

Впрочем, кончались все вечера одинаково — механическим грохотом стереосистемы и танцами, продолжавшимися порой до поздней ночи.

Рядом, за тонкой стенкой, жила в крошечной квартирке Ониси со своей семьей, но она никогда не проявляла и тени недовольства.

Иногда она и сама была приглашаема на наши вечера. Ониси приходила туда с мужем — плотным широкоплечим человеком лет сорока с трезвыми, внимательными глазами.

Как подобает главе японской семьи, он все время проводил вне дома, посвящая всего себя делу, и, лишь оставаясь без работы, целыми днями слонялся по общежитию, делая вид, что не узнает никого.

То он нанимался официантом в университетский ресторан, и мы видели его одетым в белую куртку, бес-

престанно кланяющимся и разговаривающим тихим, словно бы виноватым голосом; то вдруг основал в соседнем городке крошечное кафе на четыре стола и проводил там все дни и ночи, возвращаясь по утрам таким усталым, что Ониси, дробно стуча каблучками, выбегала во двор, чтобы помочь ему вылезти из машины.

Он отвечал образу японского отца в главном — всегда был озабочен и устал, ибо работал сверх меры.

— Мы — нация перерабатывающих! — произносят японцы с оттенком гордости. Слово «перерабатывать» там прочно вошло в обиход и как бы означает «заниматься настоящим делом».

Когда ведущие детских передач рассказывают, чем занимаются члены семьи малыша, они, как правило, говорят так: «Мама хлопочет по хозяйству, брат ходит в школу, дедушка читает газеты, папа перерабатывает».

Своими сыновьями муж Ониси не занимался совершенно, целиком передав это дело жене, и та воспитывала детей в преклонении перед отцом, словно перед императором Японии, который царствует, но не правит...

Войдя в гостиную, где начинался устроенный нами русский вечер, муж Ониси отвесил легкий общий поклон, слегка, впрочем, пренебрежительный, ибо все присутствовавшие были намного младше его по возрасту. Одетый в черные бархатные брючки и рубаху розового шелка, он походил на толстого общительного цыгана. Гость с достоинством опустился в кресло, на подлокотник которого тотчас присела жена...

Покрытый белой скатертью стол был уставлен тем небогатым набором русских национальных блюд, которые остаются пока в памяти нашего поколения. В качестве закуски гостю поднесли блин с красной икрой, продающейся в Японии горько-соленой. Откусив край жирной трубочки из теста, он без слов сбросил тарелку на колени жене, и та покорно съела блин, чтобы не обижать хозяев. В ее темном взгляде читались отвращение и несокрушимая вера...

А в это время на далекие горы, темневшие за широким окном, наплывал лилово-розовый свет заката, такой же, какой опускался на них и через несколько лет, когда я, уже корреспондентом ТАСС в Токио, вел свой автомобиль по извилистой горной дороге.

Осень вступила в свои права, и горы расцветились желтыми и красными коврами. Только редкие бамбуковые рощи, словно гости с вечнозеленого юга, радовали взор своей свежей матовой зеленью.

Было тихо, и в приоткрытые окна машины лился свежий горный воздух, наполненный запахом осенней листвы.

Я спешил домой и решил объехать грузовик, шедший впереди, нажал на педаль газа и тут же увидел девушку-полицейского в сером форменном платье и белом шлеме. Приветливо помахивая жезлом, она указала мне место на обочине дороги.

— Вы превысили скорость! — сообщила она, подойдя к машине и нагнувшись к моему окошку. — Максимальная скорость на этой дороге — сорок километров, а вы нажали на газ...

Тут из электронного прибора, которым она замеряла скорость, вылезла полоска бумаги, на которой значилось, что на участке в 10 метров скорость составляла шестьдесят семь километров в час...

— Десять метров! Это же такая мелочь!..

Раздосадованный, я вышел из машины, чтобы посмотреть, есть ли поблизости знак ограничения скорости. И тут хлынул прохладный горный дождик.

— Сядьте в машину, а то промокнете, — посоветовала девушка, но сама осталась стоять под дождем, заполняя бланк протокола. Ее серое платье скоро потемнело от воды.

Спорить с ней, убеждать в ничтожности нарушения было бесполезно. Я знал, что за кажущейся покладистостью японок прячется сильная воля и несокрушимая

уверенность в том, что дело, которое ей поручили, она должна сделать правильно.

И оттого продавщица в магазине умудряется подробно отвечать на вопросы сразу пяти покупательниц, и вывести ее из себя невозможно.

Секретарша на фирме по вашей просьбе неторопливо перероет горы бумаг, обзвонит всех сотрудников большой компании, но непременно найдет нужную вам справку или отыщет нужного человека.

Рассказывают об одной стюардессе, узнавшей о том, что в двигателе самолета обнаружено опасное повреждение и он идет на вынужденную посадку, до которой может не дотянуть. На спокойном лице стюардессы не дрогнул ни один мускул. Она по-прежнему с улыбкой отвечала на вопросы пассажиров, приносила им кофе и сок, неторопливо-грациозными движениями протирала белым платком полированные ручки кресел. Когда самолет приземлился, она покинула его последней — и только после этого упала в обморок...

Таковы и японские матери. Это они тоненькими голосками подзывают к телефону врачей, у которых лечатся их дети, и с методичной неторопливостью заставляют рассказать все, что тем известно об их здоровье, и врачи, забыв о времени, отвечают на вопросы деловито и подробно, как принято здесь делать любое дело.

Это они с непробиваемой любезностью допрашивают учителей школ, остановив их в переулке по пути с работы, и те, нервно поправляя очки, выкладывают им все без утайки, словно сами находятся на уроке.

Жизнь японских матерей и легче, и труднее, чем наших. Легче потому, что они избавлены от бытовых тягот и неудобств, а в большинстве своем даже и от работы, что, впрочем, не мешает им активно заниматься общественной деятельностью; труднее — потому что на них лежит ответственность за семью, и нет причин, на которые они могли бы сослаться, недобросовестно выполнив свой материнский долг.

Японские мужья по традиции мало внимания уделяют женам, проводя все время на работе, а оставшиеся вечерние часы тратят на посещение увеселительных заведений в компании коллег, что всячески поощряется начальством, видящим в этом сплочение коллектива; нередко, по самурайской привычке, бывают неверны им.

Иной раз здешние мужья по полгода не подходят к своим женам, и те, с первых лет супружества привыкнув всегда чувствовать себя одинокими, отдают нерастраченную любовь одному: детям, посвящая им все свои дни. Так рождается широко распространенный в Японии образ матери, получившей имя «мать-наставница». Слова эти стали нарицательными.

Собравшись в кафе, они тихими и спокойными голосами, в которых слышится несгибаемое упорство, часами обсуждают, как готовить традиционную коробочку «бэнто» с рисом и приправами к нему для школьных завтраков детям, хотя такие коробочки в ходу на протяжении уже целых столетий, и придумать что-нибудь новое в их укладке трудно; недовольные слабым спросом с учеников в школе, матери-наставницы покупают детям дополнительные учебники и занимаются с ними дома; с выражением несокрушимой уверенности и покоя на лицах поджидают они учителей у порогов школ...

Положение в японской семье в целом благополучное. Разводов здесь почти не бывает. Лишь десять процентов детей жалуются на свою отчужденность дома, все же остальные говорят социологам, что довольны судьбой. Более восьмидесяти процентов детей мечтают заботиться о своих родителях в старости.

Ведущая роль в японской семье принадлежит матери. 77,2 процента детей признают, что матери понимают их лучше, чем отцы, и с ними легче находить общий язык.

Но так рассуждают не только дети. Как показал опрос, проведенный недавно газетой «Асахи» в Токийском университете, большинство студентов указали своих

матерей одними из первых в списке наиболее уважаемых людей, который каждому было предложено составить.

Есть в Японии телепередача, пользующаяся большой популярностью. Она называется «Семейное пение». В ней участвуют родители и дети, и поют они то вместе, то поодиночке. Подспудно в этой передаче звучит мысль о важности семьи как таковой, ее единства в любых невзгодах.

Певцы иногда ошибаются, сбиваясь с ритма, и это вызывает взрывы непринужденного смеха.

В одной из таких передач принимали участие сразу четыре поколения одной семьи — от дошкольников-внуков до столетней бабушки. Она, конечно, не пела, а только сидела в кресле-каталке, ласково наблюдая за внуками. Когда все песни были исполнены, большая семья выстроилась хороводом вокруг кресла бабушки. Ударил барабан, запела флейта, и все, как один, воздели руки, слегка вывернув ладони и локти, и, помахивая ими в такт, прошли в ритмичном и быстром танце. Можно ли найти более лаконичное и трогательное выражение сыновней любви, крепости родственных связей? Когда-то хороводы водили и у нас. Горько сознавать, что они ушли из жизни...

В Японии, как и у нас, сложено немало песен о матери, но они отличаются от наших, хотя тоже поются преимущественно мужскими голосами.

Если наши песни, как правило, сдержаны, величаво-спокойны и нередко перекликаются с военной темой, то японские исполнены болезненного надрыва, напоминая о беззащитном, горько плачущем ребенке.

Когда в шестидесятые годы Токийский университет, как и многие высшие учебные заведения страны, был охвачен студенческими волнениями и находился на осадном положении, то на стенах его зданий из желтого кирпича, окруженных баррикадами, среди множества вывешенных там политических лозунгов и транспаран-

тов, был такой, какого не найти, наверное, в других университетах мира, хотя взрывы недовольства происходят и там: «Мама! Ты одна понимаешь, как мне тяжело! Не заставляй меня прекращать борьбу — посмотри, как плачут деревья...»

Возвращаясь по вечерам в свой московский дом, я часто встречаю молодую худощавую женщину, медленно идущую по улице. Она держит за руку свою дочь. Увидев вдалеке подружек, девочка, подчиняясь неясному порыву, хочет побежать к ним, но мать, не оборачиваясь, дергает ее за руку. Пройдя несколько шагов и увидев желтый цветок одуванчика, пробившийся к солнцу сквозь толщу асфальта, она пробует присесть на корточки, рассмотреть его или сорвать, но мать озабоченно и сердито говорит: «Пошли, кому сказала!» — зная о том, что дома ее ждет много тяжелой работы.

Быстро накопившаяся обида вскипает в девочке, и она решительно садится на землю, отказываясь идти.

Мать недовольно оборачивается, и на ее лице на секунду мелькает удивление — она не знает, отчего вдруг расхныкалась дочка и как в этом случае следует поступать ей самой. Никто и никогда не учил ее этому. В школе ей говорили только о главном — что надо быть лояльной гражданкой, всегда готовой к труду. Ее не учили заглядывать в чужую душу, но и сама она не старалась понять важность этого.

Я вижу ее тихо бредущей не только мимо грубовато сработанных небоскребов столицы, но и меж грязно-белых пятиэтажек провинциального городка России. Вижу ее стоящей в длинной очереди за каким-нибудь простым товаром, с понимающе-спокойным выражением на лице, и кричащей от праведного ужаса, когда эту очередь начинают фотографировать иностранные туристы.

Законопослушная и упрямая, достойная и порицания и жалости, она давно пришла в нашу жизнь. Все перепуталось в голове ее — и то, что надо считать хорошим,

и что плохим, — критерий потерян, а потому в душе нет покоя. И ей, и матери ее, и даже бабке всегда говорили, что хорошо лишь то, что выгодно в данный момент государству. Существовали, правда, народные традиции нравственного воспитания — и крестьянские, и трех других сословий России, — но их решено было забыть, и даже мать уже ничего не рассказывала ей об этом.

Не чувствуя корней в этой жизни, она ощущает себя словно гостьей на новой планете и беспомощно машет руками в пустом воздухе...

Когда я рассказываю своим японским знакомым, простым людям этой страны, что каждый третий брак у нас заканчивается разводом, что сотни тысяч отцов не останавливаются перед тем, чтобы бросить семью на произвол судьбы и завести новую, что сотни тысяч матерей, уязвленные супружеской неверностью, сами требуют расторжения брака, принося в жертву своему самолюбию маленьких детей, обрекая их на безотцовщину и бедность, многие отказываются верить мне. С их точки зрения, особенно матерей-домохозяек, такое невозможно на белом свете. «Люди не могут не понимать, — говорят они, — что будущее семьи — это не личное дело супругов, а нечто качественно более высокое, чем они сами».

В японской системе воспитания удивляет активное и полноправное участие взрослых в детской жизни. Помню, как поражен я был, увидев молоденькую воспитательницу детского сада, игравшую с малышами в мяч на детской площадке и вприпрыжку бегавшую по ней, словно девочка. Она ловко перебрасывала мяч то одному, то другому из детей, и ее кофточка из красного шелка ярким фонариком вспыхивала то у одного, то у другого края площадки.

Если бы воспитательница нашего детского сада столь жарко включалась в игру детей, не проявляя тени насмешливого снисхождения взрослой, ее, наверное, засмеяли бы подружки: слишком уж закоснели, застыли у нас понятия старшего и младшего, воспитателя и воспи-

туемого, и непроходимая грань пролегла между ними...

Приход в детский сад всегда драматичен для ребенка. Впервые в жизни отойдя от семьи, он волей-неволей должен постигать болезненную науку вхождения в коллектив сверстников, руководимый незнакомыми ему взрослыми.

Конфликт между личностью и группой не затихает на протяжении истории человечества. Он неизбежен, ибо коллектив и личность несут в себе противоположные тенденции — центростремительную и центробежную.

Кто объяснит маленькому человеку, каким образом ему следует входить в коллектив — уверенно и спокойно, как в дом своих родителей, или настороженно вобрав голову в плечи?

Наша официальная педагогика, настоянная на сталинской традиции полного подчинения личности коллективу и стоящей над ним государственной власти, оставляет ребенку только второй путь: — если ты в чем-то не согласен с коллективом, говорит она, то сломай себя, ибо коллектив всегда прав (последнее утверждение, правда, произносится в последние годы все менее уверенным тоном)... В этом, должно быть, состоит одна из главных причин появления у нас огромного количества людей духовно пассивных, привыкших к приспособлению и подчинению, да и ради чего бороться, если ты заведомо не прав?..

Японские педагоги придерживаются на этот счет другого мнения. Разумеется, ребенку необходимо умерить свой эгоцентризм, свойственный раннему детству, но и коллектив должен не равнодушно пропустить его через свою мясорубку, а с готовностью податься к нему навстречу, обнять его, как властно обволакивала лаской своих сыновей мадам Ониси...

Главной целью своей они считают научить ребенка безболезненно входить в коллективы, провести в которых ему придется потом всю свою жизнь. Ведь японское общество расколото на группы и кланы, соревнующиеся

между собой: фирмы, политические партии и фракции, научные школы и спортивные клубы. Зачастую не отдельные лица, а сами эти кланы взаимодействуют в жизни друг с другом...

В детском садике, как и во взрослой жизни, коллектив поделен на группы, название которым дают сами дети — Яблоко, Шоколад, Жевательная резинка... Но и у нас в детском саду есть группы, разве что существуют они под номерами. В чем же разница?..

В том, что принадлежности маленького человека к группе придается большее значение, чем у нас.

Детсадовские группы в Японии создаются не механически, исходя из возраста, пола и места жительства, а творчески, в стремлении достигнуть внутренней гармонии коллектива. Вот что пишут авторы книги «Детский сад в Японии», вышедшей в 1988 году в русском переводе в Москве:

«Подготовка к физкультурному празднику и деление на команды показали, что дети уже могли более мобильно действовать, что круг общения у них расширился, а с появлением новых товарищей игры стали интереснее И разнообразнее. С другой стороны, выяснилось, что отношения между друзьями в отдельных случаях стали слишком тесными, у некоторых ребят чаще стали проявляться черты потенциального лидерства. Учитывая эти тенденции, мы решили переформировать группы.

При создании новых групп мы руководствовались следующими соображениями:

— детей с наклонностями к лидерству распределить таким образом, чтобы они могли образовать ядро новой группы;

— детей, склонных к активной позиции, объединить в одной группе;

— детей с широким кругом общения тоже помещать вместе;

— необщительных детей соединять с сердечными и приветливыми;

— чрезмерно близких приятелей разъединять».

Благодаря этой внутренней слаженности, искусно поддерживаемой воспитателями, ребенок учится сообразовывать свои действия с мнением коллектива. Нет, это не будет формальным или жертвенным приспособленчеством: общее дело воспринимается как личное дело каждого, ибо оно не продиктовано силой массы, а словно бы вызрело внутри ее.

Обсудив какое-либо совместное действие, дети решают: Яблоко остается ночевать в саду, чтобы проверить, сможет ли оно ночевать без мам! Шоколад разучивает танец шахтеров! Жевательная резинка строит дом из песка!..

Отколовшихся не бывает, ибо все соображения несогласных уже были выслушаны и обсуждены и повлияли на общее мнение, а некоторые из детей, увидев, что товарищи не одобряют их, подчинились большинству. И немыслимым стало то, чтобы кто-нибудь из Яблока передумал ночевать в саду и в слезах помчался домой, чтобы один из членов Шоколада охладел к изучению старинного танца шахтеров, а маленький участник Жевательной резинки строил бы свой небольшой песочный домик поодаль...

В книге «Детский сад в Японии» рассказывается о трудном вхождении в коллектив мальчика Арихиро, который до этого, как и многие дети, не имел навыков общения. История эта, произойди она на иной почве, могла бы стать источником душещипательной повести, однако японские воспитатели избегли излишнего драматизма, мудро направив развитие конфликта по традиционному пути...

«Арихиро был очень неразговорчивым мальчиком. С первых дней жизни он был слаб здоровьем, и потому дома ему во всем потакали. Арихиро уже два года ходил в наш сад, он заметно продвинулся в своем развитии, но все еще не любил играть с другими детьми. Когда у него было хорошее настроение, его обычная пассивность

исчезала, и он, даже не будучи дежурным, активно принимался за уборку, делая все очень быстро. Но в большинстве случаев ему не хотелось ничего делать и, если его назначали дежурным, он отказывался исполнять свои обязанности, сваливая их на других ребят. Капризы Арихиро не приносили ничего хорошего ни группе, ни ему самому. Поэтому я решила при первом подходящем случае вынести эту проблему на обсуждение всей группы...

Воспитатель: Если Ари не будет дежурить, наша группа окажется в затруднительном положении. Может, вы все ему об этом скажете?

Кодзи: Ари, подежурь, мы же останемся без обеда.

Хаяси Юри: Почему ты не дежуришь?

Хироко: Скажи нам, почему? Ты же ставишь всех в затруднительное положение, и Кэйко, и Коёси, и Масанори, и Хаяси Юри. Ари, ты должен дежурить!..

У детей в этом возрасте бывают такие периоды, когда даже дежурство, с которым они раньше хорошо справлялись, вдруг начинает казаться им обременительным и скучным. Тогда в малых и больших группах целесообразно устроить обсуждение возникших конфликтных ситуаций. Самое главное при этом — довести до сознания каждого ребенка важность добросовестного исполнения порученных обязанностей, работы на благо всего коллектива. Обычно товарищеская критика и поддержка помогают группе справиться с возникающими трудностями своими силами. Более того, нам кажется, что присутствие «трудных» детей в коллективе в определенной степени способствует общему развитию группы, воспитанию группового сознания, укреплению товарищеских отношений, но при этом необходимо обязательно создать доброжелательную атмосферу.

...Постепенно и Арихиро осознал важность работы на благо коллектива и к своим дежурствам стал относиться добросовестно.

Товарищи по группе всячески его поддерживали:

«Ари очень хорошо сегодня дежурит: и пришел пораньше, и значок дежурного прицепил!» Эта поддержка не ограничивалась периодом дежурства. Арихиро немного отставал от остальных детей по рисованию и в физической подготовке. Но товарищи относились к нему дружески, окружали заботой и внимательно следили даже за самыми мелкими деталями в его поведении.

— Ари так здорово изображает черта...

— Сэнсэй, смотрите, сегодня Ари быстро все сделал...»

Подчиняясь принципу гармонии, уходящему корнями в седую старину, японские воспитатели, особенно те из них, кто работает с малышами, стараются не столько менторски учить их не допускающим возражений тоном, сколько исподволь подсказывать, как надо поступать правильно.

Они любят свое дело и, по японской привычке, постоянно советуются друг с другом, ибо тоже являют собою полный внутренней гармонии коллектив.

По вечерам, когда детский сад затихает, они собираются в опустевшей столовой и рассаживаются вокруг широкого низкого стола. Перед каждой из воспитательниц стоит толстостенная пиала с зеленым чаем, а в летнюю жару — стаканчик с мутно-желтым холодным ячменным чаем, в котором плавает льдинка.

Все они говорят по очереди, одинаково смущенными, как бы извиняющимися голосами, показывая этим, что не навязывают другим свое мнение.,,

И хотя обсуждение может порой затянуться надолго, заканчивается оно всегда позитивно и с практическим выводом: «Итак, завтра дети будут рисовать один цветок вдвоем, чтобы приучиться действовать совместно!..»

Поклонившись друг другу на прощание, воспитательницы расходятся по домам внутренне удовлетворенные, ибо поступили в духе традиции: совместно приняв решение, они немедленно проверят его действенность на

практике. Счастливые, они не должны согласовывать это ни с кем на белом свете!..

Коллективизм исторически присущ и японцам, и русским, и основа его одна — крестьянская община.

В нынешнем веке наше ощущение коллективизма было сильно поколеблено, ибо корни его повредились — сначала разрушением крестьянской общины в ходе последних предреволюционных реформ, затем сталинской коллективизацией, рассеявшей по миру большую часть крестьянства — главного носителя общинного сознания.

Японская же община оказалась более жизнестойкой. По-восточному покорно пригнувшись под натиском современного капитализма, словно бы уступая ему, она выжила и распространилась даже на город.

Дух буржуазного индивидуализма не воспарил здесь так безоглядно, как в Западной Европе и Америке. Коллективистское сознание было поддержано здесь традиционной групповой психологией самурайских кланов, перекочевавших в капитализм, сделавшихся фирмами. Сейчас Япония — единственная из высокоразвитых капиталистических стран, где община живет и действует полноправно, словно сейчас мы ожидаем конца не двадцатого, а какого-нибудь предшествующего ему века...

Функции здешней общины могут показаться не такими уж важными — организация праздников улиц, борьба с пожарами и квартирными ворами, информирование околоточного полицейского надзирателя обо всем показавшемся подозрительным, а если он попросит — то и друг о друге. Но вот какой мелкий случай, не привлекший особого внимания, произошел около десяти лет назад в окрестностях священной японской горы Фудзи...

По пологому склону промчался сель, уничтоживший горный поселок, и правительство выделило средства для создания нового, который вскоре был построен в нескольких километрах от прежнего, в безопасной зоне, и все жители побыстрее переселились туда, долой с проклятого места.

Узнав о случившемся из газет, осмотреть покинутый поселок приехала чета молодых педагогов из Токио.

На месте горного обвала жаркий воздух стоял неподвижной стеною. За двумя пустующими домами крепкой старинной кладки тянулся вверх темно-зеленый ковер леса. Его колючие заросли казались непроходимыми, однако в них можно было обнаружить аккуратно сложенные поленницы; на фоне голубого неба четко виднелись рощицы молодого бамбука — его прохладные гладкие стволы так приятно было обхватывать руками. Тишину горного леса нарушало лишь робкое посвистывание перепелок, да кто-то неутомимо шуршал в густом кустарнике, разгребал лапами землю и сердито фыркал...

Столь редкое в Японии безлюдье и отрезвляющая тишина природы как нельзя лучше подходили для того, чтобы основать здесь небольшую уединенную школу, о которой мечтали молодые педагоги, бывшие, очевидно, людьми подвижнического склада — школу для умственно отсталых детей.

Созвонившись из Токио с местной мэрией, они знали, что земля эта продается и деньги можно перевести хоть сейчас, но, будучи истинными японцами, решили посоветоваться с местной общиной о том, не возражает ли она против новых соседей...

И они пошагали по лесной тропинке в соседнюю деревню, где располагалось правление общины. Заросли папоротника холодили их голые ноги...

Деревушка, как и многие из тех, что расположены в горах, показалась пустою, но вот из одного из домов медленно вышла согнутая старушка, из другого, стоявшего у самой обочины, высунулся небольшого роста широколицый крестьянин, одетый, как и все сельские жители в жаркую пору, в просторную легкую куртку на завязках вместо пуговиц и такого же цвета штаны до колен — костюм этот восходит к боевым доспехам самураев.

— Извините, мы приехали из Токио и хотели бы

поговорить насчет покупки земли иод школу для неполноценных детей, — сказали учителя, безошибочно определив, к кому из двоих следует обращаться.

— Сейчас поговорим! — произнес, внимательно осматривая их, мужчина, и, приставив ладони рупором ко рту, закричал: «Сбор!..»

Через некоторое время, охая и сгибаясь при каждом шаге, подошли несколько старушек, прибежали дети и, наконец, последним собрался десяток отцов семейств, одетых так же, как и первый крестьянин. Все расселись на корточки полукругом и спокойно разглядывали приезжих.

— Расскажите о себе! — велел глава общины, и, поскольку обычай самопредставления в Японии широко распространен, учитель сразу же вышел вперед и отвесил общий поклон.

Он рассказал, как его зовут, где и когда родился и почему именно здесь решил основать свою школу. Потом то же самое проделала его супруга.

Сонно прищурив глаза, крестьяне неподвижно сидели на корточках, словно доклады учителей относились не к ним. Наконец, стряхнув оцепенение, глава общины произнес:

— Мы должны подумать. Приходите за ответом завтра...

Супруги обрадованно поклонились и поспешили в небольшую сельскую гостиницу, где остановились на ночь, а утром вернулись в деревню.

Старейшина уже поджидал их, сидя на корточках на прежнем месте, словно не уходил отсюда всю ночь.

— Видите ли, — резким голосом сказал он, — мы еще мало знаем вас и поэтому пока не можем согласиться на покупку вами земли в нашей местности. Но и не возражаем против того, чтобы вы открыли здесь свою школу. Приезжайте сюда со своими учениками, поживите, а мы поглядим, что вы за люди...

Обрадованные супруги вновь низко поклонились и

ушли. Большего им пока не было нужно. Глубоко уверенные в правоте своего дела, они не сомневались в том, что завоюют поддержку общины...

Через месяц, загорелые и полные сил, они привели своих учеников гуськом по лесной тропинке на собрание общины, и те молча просидели несколько часов в последнем ряду, а потом выступили в деревенском концерте с простенькими номерами...

Так прошло первое лето, потом второе. Крестьяне привыкли к новым соседям и приветливо махали им руками, но ничего не говорили о том, согласны ли они на продажу земли, а учителя не спрашивали их...

И лишь когда они приехали в горы на третий год и привели своих питомцев поздороваться с крестьянами, глава общины, радостно улыбаясь, вышел им навстречу и поклонился в пояс.

— Пожалуйста, покупайте эту землю! — торжественно произнес он, и учителя ответили ему прочувствованным низким поклоном, хотя, основываясь на праве частной собственности, давно уже могли купить эту землю и обнести ее непроходимой стеною. Ни один закон не мог бы запретить им этого, но они знали, что в Японии существует и неписаное право, которое подчас может оказаться сильнее...

Иногда присущий японцам общинный коллективизм проявляется в общенациональном масштабе, и тогда крупные фирмы, недавно ведшие меж собой ожесточенную конкурентную борьбу, начинают вдруг помогать друг другу. Одна из них добровольно отказывается от продажи своих холодильников в столице и отправляет их в провинцию, а за это другие делятся с ней передовой технологией. Известная на весь мир «Тосиба» решает воздержаться от производства компьютеров, но на ее заводах начинает создавать свои электронные вычислительные машины фирма «Нихон дэнки».

Эта общинная сговорчивость, не вписывающаяся в современные представления о капитализме, бесит многих

западных конкурентов Японии, особенно американцев. Сколько ни пытаются они насытить японские рынки своим дешевым и, казалось бы, выгодным товаром, местные торговые фирмы не берут его, потому что полюбовно сговорились об этом меж собою...

Японский коллектив не подавляет личность. Наоборот, в нем она обостренно чувствует свою ответственность за общее дело. Когда по переполненной машинами улице вы ведете свой автомобиль, и из-под капота вдруг начинает вырываться струя белого пара, и вы ищете ближайшую бензоколонку, где эту неполадку могли бы устранить, — каждый из тысяч шоферов несущихся навстречу машин не преминет встревоженно указать вам на струйку дыма. Вначале этот жест будет вызывать вашу благодарность, потом — раздраженную усмешку и, наконец, озлобление и досаду, но если вы попросите любого из этих людей остановиться и помочь вам, он добросовестно исправит карбюратор и уедет с чувством исполненного долга, словно помог не только вам, но и чему-то более значительному и высокому, чем вы оба...

Тысячеглазой стеною стоит община за спиной каждого японца, проверяя моральную ценность его поступков, и, наверное, оттого нравственный уровень японского общества высок.

На железнодорожных линиях здесь положено сдавать билет контролеру при выходе с платформы, чтобы он смог потребовать доплаты, если вы проехали дальше первоначальной станции назначения. Но билеты эти, особенно на электричках и в метро, столь малы по размеру, что так и норовят проскользнуть между пальцами и потеряться. В этом случае пассажир докладывает контролеру, с какой станции он приехал, и тот, не колеблясь, принимает плату на основе его устного заявления, потому что никто и никогда не называет ближайшую станцию, билет откуда стоит дешевле всего. «Обманывать нехорошо», — это общеизвестное правило здесь попрежнему полно живого смысла..,

Многие фирмы возмещают своим сотрудникам расходы на лечение, транспорт, парковку автомобилей для поездок по служебным надобностям, но для этого служащие не несут в бухгалтерию вороха медицинских заключений, справок, использованных железнодорожных билетов, талонов платных автостоянок. Каждый выписывает себе справку сам, указав на клочке бумаги сумму потраченных денег, и бухгалтерия оплачивает ее, не делая попыток что-либо затребовать или перепроверить.

Наиболее отчетливо главенство моральных норм являет лозунг «богатого сердца», проповедуемый здесь повсюду. Он подразумевает то, что люди, управляя машинами или выполняя какую-нибудь другую техническую работу, должны руководствоваться в первую очередь не инструкциями, а желанием не повредить окружающим, учесть их желания или боль. Дорожная полиция, например, официально проповедует, что главное для шофера — это не четкое знание правил, хотя и оно нужно, — а богатое сердце, ибо ни одни правила не могут вместить в себя все многообразие полной превратностей человеческой жизни. При сдаче экзамена на получение водительских прав на вопрос экзаменатора о том, чем должен обладать шофер в первую очередь, положено отвечать так: «Богатым сердцем!» Объявления о найме водителей такси, которые расклеивают по всему городу транспортные фирмы, здесь начинаются так: «Нам требуются шоферы, которые умеют управлять автомобилем не руками, а сердцем!..»

Непривычно и странно выглядит стремление одухотворить технику в стране, достигшей за короткий срок невиданных научно-технических успехов. А может быть, именно поэтому и удалось их добиться?..

Разумеется, принцип «богатого сердца», как и многие другие призывы чисто морального свойства, во многом декларативен и не может быть полностью воплощен в жизни, пронизанной социальными противоречиями, одна-

ко голословным его не назовешь никак. Его действенность обеспечивается не только техническими инструкциями, но и государственным правом. Не случайно старые шоферы наставляют молодых так: «Если собьешь человека, первым делом проси у него прощения, а потом сам вызывай «Скорую помощь», — все это суд признает смягчающими вину обстоятельствами...» И действительно, полицейские, прибыв на место происшествия, первым делом осведомляются у пострадавших: «Перед вами извинились?..»

Хорошая вещь — иероглифы! Их заучивание развивает у малышей зрительную память, и любой из них может надолго запомнить лицо человека, встреченного хотя бы раз в жизни. Иероглифическое письмо приучает к лаконичному и четкому изложению мыслей, и поэтому каждый школьник может быстро объяснить вам, как найти нужный дом в перепутанной сети токийских переулков. Читая здешние толковые словари, поражаешься выработанному за века умению японцев в двух словах, хотя порой и несколько приземленно, передать смысл самых отвлеченных понятий. Наконец, бесконечное аккуратное переписывание иероглифов развивает трудолюбие, которым так славен японский народ...

Однако во всем мире дети занимаются словотворчеством, а в Японии нет. Здесь никогда бы не смог появиться свой Чуковский, рассказавший о том, с какой гениальной легкостью маленькие дети создают новые слова...

Виною этому тоже иероглифы. По правилам здешнего языка придуманное малышом слово не создает зрительного образа и поэтому не может быть записано на бумагу. Изобретением новых слов, нужда в которых проявляется по мере развития цивилизации, занимаются здесь специально созданные коллективы ученых.

Иероглифами всего не запишешь, и, должно быть, поэтому в японском языке существует немыслимое количество междометий, своего рода звуковых иероглифов,

обозначающих множество явлений — от шума морских волн до душевного состояния человека...

Да и о каком словотворчестве детей может идти речь, если даже порядок слов и интонации в бытовых домашних фразах определены обычаем раз и навсегда.

Для того чтобы обучить ребенка им — упорядочивающим и одухотворяющим жизнь семьи, но и ограничивающим свободу, — выпускают специальные детские книжки.

В одной из них семья изображена в виде добродушных слонов, хотя ни у них, ни у каких-либо других животных не бывает такой жесткой регламентации отношений друг с другом...

Вот утром малыши отправляются в школу, и мать провожает их у порога.

— Идите и возвращайтесь! — говорит она.

— Идем и придем! — отвечают дети.

Вечером, надев чистые пижамы, они выходят из ванной.

— С легким паром! — кланяется братьям младшая сестрица.

— Хорош был пар! — отвечают они...

Вот в гости к слонам пришли две свиньи, большая и маленькая, и пока взрослые потчуют гостью, малыши возятся на полу.

Увлекшись игрой, слоненок сломал у младшей хрюшки игрушечную сноповязалку, и та горько плачет, прикрыв глаза копытцами. Взрослый слон отчитывает сына, а тот повторяет в ответ: «Простите, больше не буду».

Ну и что же во всем этом особенно жесткого? — спросите вы. Действительно, здесь показаны простые житейские ситуации, и во фразах нет ничего необычного, кроме одного — здесь их надо произносить лишь в одном варианте, не отклоняясь ни на йоту и не заменяя слова другими, хотя и передающими тот же смысл...

Однажды в жаркий летний полдень трое малышей-первоклассников не спеша возвращались из школы.

Остановившись у цветочной лавки — такой тесной, что несколько горшков с землей пришлось выдвинуть на тротуар, — малыши опустились на корточки около зацветшего кактуса, а потом взяли горшочек в руки, чтобы получше его рассмотреть.

Старушка хозяйка, молча наблюдавшая за ними, произнесла с мягкой улыбкой: «Баловаться кактусами нельзя!»

Послушно опустив горшок на асфальт, малыши зашагали дальше, потряхивая желтыми ранцами...

Сердце мое сжалось: улица, по которой они шли, была не шире квартирного коридора! Куда податься им? Где, наигравшись вдоволь, вдохнуть воздух свободы?..

В окружающем их мирке есть, пожалуй, такое место — проезжая часть улицы. Уж здесь-то они отводят душу, катаясь на велосипедах среди медленно движущихся машин. Никто не кричит на них, не прогоняет отсюда. Наоборот, машины сами, как вкопанные, замирают перед ними, ибо царь улицы здесь — пешеход. Поэтому у каждого из мало-мальски крутых поворотов или склонов на бесчисленных автомобильных дорогах страны висят желтые таблички, на которых написано: «Внимание к выбегающим на дорогу детям!»

Однажды утром, когда окраинные токийские переулки вновь становятся малолюдными после прошедшего по ним густого потока людей, редкие прохожие останавливались у одного из двухэтажных домов и, обернувшись, молча смотрели на крышу.

На ней, держась руками за ограду, стояли четверо семилетних японцев, а рядом — двое их ровесников-европейцев. Желая показать японским приятелям свою удаль, мальчишки-иностранцы с хохотом швыряли вниз кусочки мелкого гравия, а японцы, хотя и посмеивались, сами ничего не кидали.

Вскоре, привлеченный шумом, на крышу взбежал отец одного из иностранцев и, отобрав у него камешки, спросил японцев: «А вы почему не кидали?»

— Потому что это переходит границы шалости, — спокойно отвечали они...

Когда и как была привита здешним малышам эта зрелость, свойственная скорее тридцатилетним? На этот вопрос, пожалуй, никто из нас не ответит, как и не скажет и о том, почему здесь не бывает унылых или плаксивых детей, а есть лишь жизнерадостные и раскованные. Как овладели они искусством быть свободными?..

В ШКОЛЬНОМ МУНДИРЕ

Когда школьный учитель проходит по двору сквозь толпу затянутых в черные мундиры подростков, редко кто поклонится ему в пояс, сняв фуражку с золотой кокардой. Большинство же, молча переступая ногами, посмотрит ему в спину насмешливо, внимательно или брезгливо.

А бывает и так: один вдруг бросит камень в окно школы, и в тот же миг остальные, не сговариваясь, сотней рук нашарят, нагнувшись, на асфальтовом полу осколки кирпича, размахнутся, блеснув рядами латунных пуговиц, и тоже кинут их в школьные стекла... Что-то неладно в японской школе.

В Японии не принято именовать улицы. Лишь несколько крупных магистралей в Токио имеют названия. Но недавно власти одного из городских районов по просьбе общественности решили дать имя крошечному переулку, ведущему к школе.

Как, думаете вы, он стал теперь называться? Улицей Знаний, например, или проездом Отличной учебы?

Нет, название его может показаться нам странным: улица Приветствий... И в начале, и в конце ее па стенах домов укрепили таблички, на которых крупно написано: «Это — улица Приветствий! Здравствуйте! Как поживаете? Доброе утро...»

Малыши, спешащие по утрам в школу, не останавливаются около них. Похоже, именно такая надпись кажется им наиболее подходящей для школы, воспринимаемой здесь как храм не столько утилитарных знаний, сколько богатого сердца.

И действительно, первоклассники радостным хором приветствуют учителей, кивают им головами в ярко-желтых панамках, издалека видных всем сидящим за рулем автомобилей. Они еще остаются очень похожими на тех весельчаков малышей, которыми были совсем недавно.

Курс школьного обучения в Японии занимает двенадцать лет, и половина его приходится на начальную школу. Это объясняется исключительной сложностью и трудоемкостью японского языка. Ученики, например, должны усвоить 1850 иероглифов — минимум, установленный министерством просвещения. В действительности же для чтения книг и газет требуется гораздо больше иероглифов — до трех тысяч.

Половиной из официального иероглифического минимума нужно овладеть уже в младших классах. Каждый из иероглифов к тому же имеет несколько чтений, вариантов произношения, минимум два — верхнее, китайское, и нижнее, японское. Первое перекликается с произношением слова, обозначаемого данным иеро-

глифом, в китайском языке, откуда пришла в Японию иероглифическая письменность, и считается более высоким по стилю. Второе глубоко национально по происхождению и не имеет с первым совершенно ничего общего. То, как прочитать иероглиф, по-китайски или по-японски, определяется в каждом конкретном случае правилами грамматики.

Помимо иероглифов, в японском языке употребляются две буквенные слоговые азбуки по сорока восьми знаков каждая, а также латинский алфавит. Немалых усилий требует и изучение истории своей страны. Ведь в Японии по сей день официальное летосчисление ведется не по европейскому календарю, а по годам правления императоров. Эти названия условных исторических эпох также обозначаются иероглифами, нередко архаичными, которые также надо заучивать.

За шесть лет жизнерадостные крепыши успевают здорово перемениться. Потом следуют три класса средней школы и еще три старшей — формально необязательной и даже немножко платной, но оканчиваемой всеми. Таким образом, шестилетние малыши, поступившие в школу, выходят из нее вполне сформировавшимися восемнадцатилетними юношами.

Когда школьный учитель проходит по школьному двору сквозь толпу затянутых в черные мундиры подростков, редко кто поклонится ему в пояс, сняв фуражку с золотой кокардой. Большинство же, молча переступая ногами, посмотрит ему в спину насмешливо, внимательно или брезгливо.

А бывает и так: один вдруг бросит камень в окно школы, и в тот же миг остальные, не сговариваясь, сотней рук нашарят, нагнувшись, на асфальтовом полу осколки кирпича, размахнутся, блеснув рядами латунных пуговиц, и тоже кинут их в школьные стекла, которые тотчас отзовутся тревожным звоном, падая на траву...

Что-то неладно в японской школе. Горячий воздух

пожара ощущаешь порой в настороженном шевелении черных мундиров ученической толпы...

У этих мундиров стоячие жесткие воротники, ныне отмененные почти во всех армиях мира, в том числе и в японской. Здешний солдат одет в полном соответствии с гуманистическим духом послевоенной эпохи — в пиджачную пару с галстуком и мягкой фуражкой или в просторный легкий комбинезон, и только черный мундир школьника не изменялся ни разу с тех пор, как был введен императорским указом в 1868 году, после революции Мэйдзи. Видимо, здесь и сейчас считают более важным для общества затянуть в мундирную тесноту подростка, чем солдата...

Большинство японских школьников жалуется на неудовлетворенность своей жизнью и тревогу о будущем.

Какую же неудовлетворенность и тревогу? — спросите вы, узнав, что почти каждый второй из этих ребят имеет отдельную комнату в родительском доме, и в ней, несмотря на тесноту, умещаются и видеомагнитофон, и стереосистема, и первоклассное спортивное снаряжение, и персональный компьютер, а у некоторых даже персональный телефон, по которому можно сколько хочешь разговаривать с друзьями...

— Наша тревога связана с беспрестанной чередой экзаменов в школе, с предстоящим поступлением в университет, устройством на работу, и вообще нам бы хотелось вырваться из этого нескончаемого круга и уехать учиться за границу, — говорят японские школьники, и, наверное, не случайно сейчас в странах Запада обучается тридцать шесть тысяч японских студентов, очень довольных своей учебой, но не уверенных в том, смогут ли они устроиться на работу, возвратившись домой. И тем не менее сейчас их в три раза больше, чем десять лет назад...

Эта мечта реальна и для школьников — ведь сейчас за пределы страны направлено около полумиллиона бизнесменов, дипломатов, журналистов, представителей

многих других сфер деятельности, включая профессиональную мафию, чьи дети учатся в зарубежных школах и через несколько лет возвращаются на родину...

Надев черные мундиры и радостно улыбаясь, они встают в строй на утренней линейке и становятся неотличимыми от своих новых товарищей, но внимательный взгляд японца сразу же выделит их из общей шеренги...

Наученные в западных школах выдумывать необычные решения задач, предлагать их на восхищение классу и вообще всячески проявлять свою индивидуальность, они сталкиваются с удивлением и отчужденностью в родной стране, где ценится только трудолюбие, где и родители учеников получают награды не за героизм, а за безупречную службу. Порой она измеряется и месяцами: тот, кто не пропустил ни дня даже по болезни, удостаивается денежной премии за усердие...

Слегка подзабывшие сложную традиционную систему поведения, новички неизбежно проявляют это в языке, иногда путая суффиксы вежливости, обращаясь к приятелям на языке взрослых. Упустив некий этап в собственном воспитании, они начинают видеть мир несколько по-другому.

— Странный японец! — со смехом кричат одноклассники и убегают от своего нового приятеля, оставив его одного на школьном дворе.

Вскоре он получает кличку «иностранец», имеющую отчужденно-пренебрежительный смысл в японском языке, где слово это звучит как чужак.

Для иностранцев не делают никаких исключений.

Наоборот, в магазинах или ресторанах стараются обслужить в первую очередь своих, а потом уже иностранцев. Товары, предназначенные для внутреннего рынка, здесь по традиции имеют более высокое качество, чем те, которые идут на экспорт.

Подозрительность и нелюбовь к иностранцам, зародившиеся у японцев за столетия самоизоляции страны от внешнего мира, живы и поныне. Тщательно скры-

ваемые, они проявляются тогда, когда в силу обстоятельств клиентами или зависимыми от японца лицами оказываются одни лишь иностранцы. Это служит причиной странного парадокса: в местах скопления иностранцев в Японии уровень обслуживания не только не выше, но, наоборот, значительно ниже, чем там, где бывают только японцы.

В магазин «Восточный базар», где продаются сувениры, выполненные в псевдояпонском вкусе, сделанные в расчете на европейцев, с соблюдением требований европейской эстетики, заходят одни иностранцы. Продавцы там так и норовят как бы случайно обратиться к вам на «ты», высокомерно смолчать в ответ на вопрос. Если бы официанты в ресторане Клуба иностранных корреспондентов в Токио обслуживали своих японских посетителей так же подчеркнуто грубо, их бы выгнали даже из второразрядного ресторана. Здесь же их поведение считается нормой, потому что администрацию этого клуба составляют также японцы.

Не позавидуешь тем немногим иностранцам-иммигрантам, которые постоянно живут здесь, — их ущемляют во всем, и явно, и тайно.

Пожалуй, ни в одной стране нет таких дискриминационных требований при принятии в местное подданство, как в Японии — здесь считается обязательным отказаться от своего прежнего имени и принять японское, и во всех документах впредь именоваться японцем: быть неяпонцем в Японии нельзя. Мне приходилось встречать старых русских эмигрантов, подчинившихся этому требованию.

Судьба национальных меньшинств Японии — корейцев, китайцев, а также айнов, уцелевших представителей коренного населения Японских островов — полна несправедливостей и обид...

Но странно — такую же кличку — «иностранец» — получает и отец возвратившегося из-за границы ученика. На своей фирме он ощущает, что за годы его

отсутствия сослуживцы сплотились тесной кучкой, объединенные и работой, и веселыми попойками, и сплетнями друг о друге, и не спешат вновь посвящать его в свои дела.

Его жена тоже могла бы рассказать соседкам по дому много интересного о Лондоне или Париже, но и она не получает приглашения на дружеский чай...

Супруги ощущают себя словно выпавшими из общей лодки, но, будучи людьми опытными в жизни, в два гребка нагоняют ее, однако для ребенка это становится подлинной драмой.

Только на уроках английского языка он чувствует себя вольготно, владея им лучше, чем своим родным, и тем вгоняя в краску учителя, ибо здесь и сейчас, как века назад, обучение иностранным языкам зиждется на письме и чтении, но не на разговоре.

Помогая своему товарищу произнести сложный для японцев английский межзубный звук, пришелец с удивлением слышит, как через минуту в классе передразнивают его самого, показывая, что он должен разговаривать так же, как и все.

— Пожалуйста, не обучайте меня устной речи. Я не хочу вызвать недовольство моих товарищей по службе, — просят японские бизнесмены учителей, дающих частные уроки английского языка перед заграничной командировкой...

Но по всем остальным предметам, особенно по математике, дети японских загранработников отстают, ибо требования в преподавании естественных наук здесь очень высоки, и не случайно японские школьники всегда занимают первые места в международных олимпиадах.

В этом, как считают многие, коренится одна из причин продолжающегося бурного научно-технического прогресса Японии, сумевшей создать несколько поколений высококультурных и исполнительных инженеров, техников, программистов.

— К сожалению, японская школа, выдвигая высо-

кие требования в области точных наук к ученикам, вовсе не ставит целью развить их способности. Ее цель состоит лишь в том, чтобы приспособить их к высококонкурентному обществу, выявить интеллектуальные акции подростков на выживание, что сделать было бы невозможно, будь школьная программа доступной для всех, — считает известный японский педагог Ютака Сасаяма.

И все-таки такая школа, наверное, более полезна для общества, чем наша, с ее усредненным подходом, где не слабые ученики вынуждены подтягиваться до уровня сильных, а, наоборот, способные мешают всем и подчас деградируют до троечников. В этом, несомненно, коренится одна из главных причин нашего отставания в науке и технике.

Национальная обособленность японской системы школьного образования, уходящая корнями в средневековую закрытость страны от внешнего мира, беспокоит японских учителей, ибо она не только питает ксенофобию и препятствует международному взаимопониманию, но и гасит способность к творчеству, ориентируя детей лишь на заучивание фактов.

— Придать японскому просвещению международную основу! — такой лозунг был выдвинут здесь недавно и, как всякое начинание в этой стране, не заставил себя долго ждать.

Четыре университета вставили слово «международный» в свои названия, так же поступили еще семь факультетов и двадцать пять академических кафедр в других институтах.

Впрочем, читают там специально введенный курс по интернационализации старые японские профессора, умеющие отлично, хотя и медленно, переводить и с английского, и с французского, и с немецкого, и даже с русского языков, но разговаривающие только по-японски.

Открылись японские школы и за рубежом. «Но на

деле это школы не интернационализации, а японизирования японцев, — пишет профессор университета Отяномидзу Сигэхико Тояма, — цель этих школ состоит лишь в подготовке молодых японцев к вступительным экзаменам в университеты на родине, что служит лучшим подтверждением того факта, что японский народ в конечном счете ориентируется сам на себя».

Тяжелая судьба ожидает здесь реэмигрантов — японцев, родившихся и выросших в других странах и переселившихся в Японию в зрелом возрасте. Им так и не удается по-настоящему овладеть родным языком, употребление слов в котором определяется отнюдь не только одной грамматикой. Традиции старины, сословность, неповторимость ситуации — все это наполняет речь многочисленными суффиксами, префиксами и глагольными наклонениями, которые не несут никакой информации и не ощущаются в переводе на другой язык. Но именно они и определяют культуру языка, и ими-то не способны овладеть иммигранты, потому что этому надо учиться с детства, а в языках стран, где они росли, ничего подобного не было.

Когда эти правила нарушает иностранец, ему это прощается, своему же — никогда. И оттого иммигрантов до конца жизни сопровождают презрительные, злобно прищуренные взгляды...

В своей журналистской практике мне не раз приходилось встречаться с японцами — реэмигрантами из Советского Союза. Многие из них стараются заработать на своем знании русского языка, что им легко удается. Но никто из них не стал здесь своим, их все равно считают как бы наполовину русскими. Японский национализм не признает никаких примесей.

Помню, однажды в зале «Хибия-кокайдо» выступал ансамбль песни и пляски донских казаков из Ростова-на-Дону. Придя на концерт, я обнаружил, что соседнее со мной место занимает японская журналистка, в жилах которой течет и неяпонская, возможно русская, кровь.

И отец ее, и муж — японцы. Она хорошо говорит по-русски и ведет передачи русского языка по японскому телевидению. Мы обменялись с ней вежливыми улыбками.

Рядом сидел ее сын-подросток в черном школьном мундире. Он сидел неподвижно, как и подобает самураю.

— Ну а ты знаешь русский язык? — спросил я его по-японски.

— Нет! Нет! Не знаю буквально ни слова! — твердо ответил он, словно открещиваясь от несправедливого обвинения, и поспешно устремил взор на сцену, откуда неслась разудалая казачья песня...

Так же рассуждал и пятнадцатилетний Арихиро, без всяких колебаний считавший себя японцем. Еще бы: и отец его был японцем, и сам он вырос среди скученности тесных двориков Токио, тишины его переулков.

И языка он не знал никакого иного, кроме японского, да вот сегодня опять пустил петуха на уроке математики.

Хотя в устной речи японцев короткие и долгие звуки четко разнятся, ибо от них меняется смысл слова, Арихиро, помимо своей воли, чуть продлил гласный звук в слове «пять», вызвав смех всего класса. Что делать! Именно так разговаривала по-японски его мать-китаянка, и ее неистребимый китайский акцент отзвуком вошел в речь сына.

Вместо того чтобы четко сказать «го», что по-японски означает «пять», у Арихиро получилось протяжное «гоу», словно английское слово «идти».

— Гоу! Гоу! — наперебой повторяли со смехом одноклассники, а один из них на ломаном английском языке даже прокричал: «Гоу хоум ту Чайна» — «Уезжай домой в Китай!»

Молодой учитель математики хотя и нахмурил строго брови, продолжал многозначительно молчать, и Ари-

хиро показалось, что и он сейчас, обернувшись, прикажет строгим голосом: «Гоу хоум ту Чайна!»

Математика вылетела из головы Арихиро, и он тотчас разрыдался бы, если бы не считал себя самураем, и потому сурово сдвинул брови и волевым движением опустил вниз уголки рта. Но вскоре прозвенел звонок, и Арихиро побежал в туалет, чтобы запереться в кабинке и провести несколько минут в спасительном одиночестве.

Но как только он вышел из класса, следом за ним поспешила оживленная толпа мальчишек и, опередив его, набилась в туалетную комнату, встретив Арихиро громким смехом. Круто повернувшись, он выбежал в коридор.

У входа в класс виднелся криво поставленный его стол, и на полу лежал портфель с книгами.

«Так пчелы выталкивают чужаков из улья», — подумал Арихиро, поднимая его и вздевая на спину. Больше он не вернулся в класс...

Небольшая квартира, где он жил вдвоем с матерью, была пуста: отец давно оставил семью, а мать, содержавшая лавку китайских сувениров, улетела на два дня на Тайвань, чтобы возобновить контракт на поставку товара.

Сбросив портфель на соломенный пол, Арихиро опустился на него и пролежал так до вечера, заложив руки за голову. Потом ему захотелось есть, и он сварил рису в герметически закрывающейся кастрюльке. Скинув наконец черный мундир, он залез в постель и проспал мертвым сном до самого полудня...

Проснувшись, он не пошел в школу, а, лежа в постели, ждал, глядя на часы, когда наступит большая перемена.

Наконец большая стрелка остановилась на двенадцати, и Арихиро представил, как ребята достают из портфелей коробочки с завтраком.

— А мне-то сегодня его никто не приготовил, — ма-

шинально подумал Арихиро и набрав номер телефона школы, попросил позвать учителя математики.

Когда в трубке раздался знакомый басовитый молодой голос, Арихиро произнес:

— Сэнсэй, простите меня за то, что вчера я ушел с Вашего урока!

— Это ничего, — ответил учитель, — но вот твои знания по математике серьезно беспокоят меня, и я должен поговорить с твоей матерью.

— И Вы скажете ей и о прогуле? — ужаснулся Арихиро.

— Разумеется. А почему я должен от нее что-нибудь скрывать? Ведь ты знаешь, что я никого не обманываю...

У Арихиро запершило в горле. Он представил, как холодно усмехнется мать, возвратившись из школы, и посмотрит на него невыносимо жестким взглядом бизнесмена, как произнесет язвительно-насмешливую фразу — она, единственный человек на земле, с которым он близок.

Выхода не было!

— Сэнсэй, зайдите, пожалуйста, сегодня вечером ко мне домой, чтобы объяснить задачу по математике! — прокашлявшись, произнес Арихиро.

— Вот это другое дело! Зайду обязательно! — рассмеялся молодой учитель. — Жди меня в шесть!

Положив трубку, Арихиро включил во всю мощь телевизор, стоявший у кровати, и стал смотреть передачи, но они не оставались в его памяти. Когда стрелка подошла к шести, он сбегал на кухню, взял со стола острый фруктовый нож и притаился за входной дверью. Ровно в шесть раздался звонок...

В десять минут седьмого учитель математики Дзюн Одзава был найден на асфальте лежащим в луже крови и отправлен в больницу, где врачи, как сообщили потом газеты, насчитали на его теле двадцать шесть ножевых ран.

Полиция без труда нашла Арихиро — красная до-

рожка вела к двери его квартиры. Он сидел в прихожей на корточках, бессильно опустив руки, в одной из которых был еще зажат нож. Рядом стояли ботинки учителя, которые тот успел снять по японскому обычаю при входе в дом...

В токийском метро и пригородных электричках не принято, прочитав газету, сворачивать ее и уносить с собой. Надо позаботиться о других, и поэтому пассажиры, проглядев свои газеты, отработанным движением, не глядя, закидывают газеты наверх, на сетчатые багажные полки, и тот, кто зашел в вагон и опустился на бархатный диванчик, подогреваемый изнутри в промозглую погоду, привычно поднимает руку, нашаривает на полке скомканную газету, разворачивает ее и погружается в чтение...

Те же, кому не досталось побывавшей в употреблении печатной продукции, а собственного журнала не удалось купить из-за нехватки времени в городской суете, могут ознакомиться с рекламными объявлениями, развешанными в строгом порядке и на квадратных досках, и на стенах вагона.

Часто среди объявлений попадаются и такие: «Хотите, чтобы ваш двухлетний малыш вывел свою фирму в число ведущих? Готовьте его к этому уже сейчас!» Это реклама частного детского сада, в котором воспитывают будущих предпринимателей.

— Выйдя из нашего садика, ваш сын сможет поступить в первоклассную школу, откуда черпают кадры лучшие университеты страны, — написано мелкими буквами внизу листка, с которого родители, деловито наморщив лоб, списывают в записные книжки телефон и адрес, и никто вокруг не удивляется тому, что в наше время выбор детского сада может определить всю дальнейшую судьбу человека...

Постепенно уходят из жизни те, кто называл школьные годы самыми счастливыми в жизни, оставляя взамен себя прекрасные романтические песни, прославляю-

щие и юношескую дружбу, и любовь к родине, правда, с легким милитаристским оттенком, напоминающим о предвоенной эпохе.

Тогда, полвека назад, среднее образование было доступно не всем, имея потому самостоятельную ценность, и пользующиеся всеобщим уважением учителя могли позволить себе неторопливо пестовать своих питомцев.

Ныне же среднее образование в Японии, как и в других странах, полностью приносится в жертву высшему, превращаясь в шаткий мост, соединяющий детский садик с университетом, а годы отрочества становятся самыми тяжкими в жизни японца. Они состоят из бесконечной зубрежки и волнений о будущем, подогреваемых и в семье, и в школе.

Этика японской школы — это неустанный труд. Только он, и ничто другое, поможет сдать лучше других очередной экзамен, поступить в более престижную младшую, среднюю, старшую школу, университет, а оттуда — в богатую фирму, завоевав достойное место в жизни.

Этот труд не только слишком тяжел для юного человека, но и давит на него своей безысходностью, ибо в ближайшие годы просвета в нем не видно, и только поступиз в университет, можно будет немного расслабиться и вернуться к удовольствиям, которые не успел получить в школе.

Но и университет надо выбирать уже сейчас, более или менее четко определив будущую специальность, чтобы за десятилетие успеть набрать максимальное число экзаменационных баллов. Сделать это, согласитесь, непросто, и проблема главного жизненного выбора непосильной тяжестью ложится на худые мальчишечьи плечи. Непреходящее беспокойство юных школьников, их взрывы необузданной злобы, преступления, поражающие, как и у подростков всего мира, несопоставимостью

тяжести последствий с ничтожностью повода, — все рождено его давящим грузом.

Это относится, впрочем, только к мальчишкам. Для девочек же двенадцать школьных лет становятся годами поистине безоблачного счастья.

Весело напевая, они застегивают по утрам свои синие мундирные платьица с матросскими воротниками, выглядящие в наши дни довольно странно: увы, и они не изменились за столетие.

После уроков, когда ребята, сражаясь за лучшее будущее, сидят по домам, опустив стриженые головы над учебниками, группки оживленно щебечущих школьниц простаивают у витрин магазинов молодежной моды, неторопливо заходят в лавки очаровательных безделушек, подолгу сидят в кафе и чайных, поедая пирожные и то и дело оглашая тесные своды взрывами оглушительного смеха...

Главное предназначение женщины, считают здесь, — это все-таки не служба, а материнство. Разумеется, девушка должна поработать несколько лет в коллективе, чтобы узнать жизнь, но только до выхода замуж...

Для школьниц здесь выпускают кинофильмы, издают книжки — спокойные, скучноватые, не интересные мальчишкам.

В них преобладают розовые и голубые тона, звучит тихая музыка, сверкают гранями драгоценные камни в украшениях героинь и счастьем — глаза влюбленных героев. Главная тема здесь одна — самоотверженная любовь, сбывшиеся девичьи мечтания.

У юных японок нет того насмешливо-покровительственного отношения к мальчикам, которое процветает в наших школах. На них здесь поглядывают с уважением, как па людей, успевших немало потрудиться на благо своей будущей семьи...

Конечно, можно было бы посетовать на то, что равенство полов соблюдается в японской школе не столь усердно, но ведь его нет и в нашей школе. Она лишь

ориентирована на противоположную часть человечества, женскую, составляющую почти целиком наш учительский корпус.

Девочки взрослеют раньше ребят, с ними легче установить психологический контакт и управлять ими, особенно в младших классах, и потому они служат нашим учительницам надежной опорой, руководя от их имени школьными коллективами на общественных должностях. Эта половая корпоративность, бюрократически-беспомощная в своей основе, наносит большой ущерб и делу воспитания, и обществу в целом...

В старших классах японских девушек стараются вытеснить на обочину конкурентной дороги. В главном учебном округе страны, токийском, им отводится гораздо меньше вакансий, чем юношам, и это вызывает растущее недовольство матерей, создавших недавно инициативную группу «За подлинное женское равноправие в школе».

Ее возглавили депутат городского парламента Марико Мицуи и домохозяйка Икуко Тояма, обратившиеся в столичный муниципалитет с требованием отменить несправедливую квоту.

Полученный ими ответ был насхмешливым и жестким, вовсе не в духе современной демократии: «Ничто не мешает вам отдавать дочерей в частные школы, ведь они уравнены в правах с государственными», а плата в них, между прочим, в десять раз выше...

Почему же не побоялись токийские власти дать матерям такой грубый ответ? Потому что всем известно, что столичные старшие школы, наследницы первых в стране императорских гимназий, считаются самыми престижными в Японии. Те, кто, пройдя серию тяжелых испытаний, был принят в них на учебу, может считать себя уже как бы и студентом воспетого в мечтаниях Токийского университета, открывающего путь в высшие сферы управления государством.

И университет этот, и школы рассматриваются пра-

вящими кругами страны как питомник будущей интеллектуальной элиты, и ни одна общественная организация не в силах помешать блюсти порядок приема туда городским властям, выполняющим свой социальный заказ.

Для поступления в старшие школы в Токио со всей страны приезжают затянутые в черные мундиры худощавые юноши, изнуренные учебой. Сдав вступительный экзамен, они поселяются в школьных общежитиях — длинных двухэтажных домиках, сколоченных из тонких досок.

В них, как и во всех общежитиях для японской молодежи, царит дух спартанства. Узкий коридор, в котором едва могут разойтись двое постояльцев, каждый вечер все моют по очереди, но, несмотря на чистоту, застоялый запах жилья проникает сквозь фанерные стены.

В комнате, рассчитанной на троих, действительно умещаются на полу только три матраса, но в глубоком стенном шкафу, где эти матрасы лежат свернутые днем, находится на ночь место и для четвертого ученика.

На весь дом имеется один умывальник с крошечной раковиной и один туалет, у которого, однако, никогда не бывает толчеи, и никто, прежде чем зайти туда, не забывает надеть холодные клеенчатые тапочки, стоящие у входа...

С удивлением узнаешь, что в стране действует небольшая сеть частных школ, в которых вообще не устраивают экзаменов от первого класса до последнего, и родители, желающие уберечь своих детей от стрессов и перегрузок, могут отдавать их туда на учебу.

Однако мало кто пользуется услугами этих школ, и большинство предпочитает с малых лет бросать детей в пучину конкурентной борьбы.

— Так более справедливо, ибо это соревнование честное. В нем никто не имеет никаких преимуществ, — спокойно объясняют отцы...

В японском обществе ценят только деловые качества человека, воспитанные упорным трудом, и ничто другое — ни заверения в преданности общему делу, ни угождение начальству, ни даже телефонный звонок министра, — не может возместить их.

«Ну а как же дети крупной буржуазии? — спросите вы. — Ведь родители могут нанять им самых лучших репетиторов...» Да, но учиться у них и потом сдавать экзамены в институт будут сами дети. Кроме того, деятели крупного бизнеса, как правило, создают для своих сыновей более жесткие условия вхождения в жизнь, чтобы закалить их для предстоящей нешуточной борьбы с конкурентами...

Несколько лет назад Японию потряс скандал, на который в иных странах никто не обратил бы внимания. Сотрудники одного из частных университетов всего-навсего выдавали абитуриентам за деньги темы сочинений на вступительных экзаменах.

Корыстолюбивые чиновники, конечно, поступили плохо, но если и нанесли кому с точки зрения закона материальный ущерб, так это всего лишь хозяину своего университета, но никаких преступлений против государства не совершали.

Но этот случай взволновал общественное мнение так, как не смог бы, наверное, ни один пример промышленного шпионажа. Все двенадцать программ телевидения только и делали, что из часа в час методично повторяли эту новость. Ее тотчас подняла на острие пера вся могущественная японская пресса, многомиллионными тиражами перемывая инцидент с продажей экзаменационных сочинений.

Прохожие, у которых корреспонденты брали короткие интервью на улицах, сурово хмурили брови. «Такого у нас еще не бывало!» — говорили они, осуждающе покачивая головою.

И действительно, вскоре в частном университете начались аресты, показанные на телеэкранах со всей тща-

тельностью, на какую только способны японцы. Понурив головы, пожилые мужчины в строгих костюмах, держа на весу сцепленные наручниками запястья, медленно шли к лакированным лимузинам с тревожно мигающими огоньками на крышах, а возбужденные полицейские в темно-синих мундирах, обычно довольно-таки корректные в поведении, толкали взяточников взашей так обиженно и страстно, словно ими был нанесен непоправимым урон отечеству.

— Эти люди — предатели общества. Они покусились на самое святое для нас — честность интеллектуальной конкуренции, которая двигает нашу страну по пути невиданного прогресса, — так заключил сцену ареста немолодой телекомментатор и с достоинством поклонился зрителям...

Один из университетских служащих, молодой клерк, имел некоторое касательство к случившемуся — он почувствовал неладное в учебном отделе, но не придал этому значения, во всем положившись, как принято здесь, на старших товарищей.

Полицейские не нашли в его действиях состава преступления и лишь взглянули на него с презрительной усмешкой, но зато журналисты замучили его своими интервью, подкарауливая начинающего чиновника везде, где только можно, — в автобусе, по пути в кафе, на велосипедной прогулке. Вопрос, задаваемый ими, всегда был один: «Расскажите о том, как под вашим носом совершилось это страшное преступление...»

Не выдержав угрызений совести и недоброжелательного внимания миллионов людей к своей персоне, молодой служащий поднялся на крышу восьмиэтажного здания частного университета, ставшего теперь известным на всю Японию, и бросился вниз. Так закончилась едва ли не первая в этой стране история утечки во внешний мир тайны экзаменационных билетов...

ПАМЯТНИК УСЕРДИЮ

Куда бегут, весело переговариваясь, после уроков японские школьники? Разумеется, по домам, чтобы переодеться, наскоро отдохнуть — и отправиться снова в школу.

Но теперь уже в другую, необязательную, но крайне необходимую для поступления в следующую ступень средней школы и в университет.

Эти школы называются «дзюку», что в переводе значит «школа мастерства», но правильнее было бы перевести их название как репетиторская школа. Там специально нанятые учителя еще раз объясняют то, что было пройдено в дневной школе, добавляют к этим знаниям новые, которые помогут блеснуть на экзаменах.

Первые дзюку появились в Токио в XVII веке. Их открывали мастера живописи, традиционной каллиграфии, искусного владения мечом. В каждой из них обучалось по нескольку дворянских юношей, и занятия проходили спокойно, неторопливо, в созерцательном восточном духе.

Должно быть, поэтому их название и перешло к нынешним репетиторским школам, избавленным, по мысли их создателей, от перенаселенности официальных школ, от казенщины и отчужденности между школьниками и учителями.

В течение последнего десятилетия дзюку нарождались так же бурно, как и промышленные фирмы. Совсем недавно их было пятьдесят тысяч, сейчас стало двести, а очень скоро их число снова возрастет.

Если раньше учеба в дзюку требовалась для поступления лишь в самые лучшие университеты и школы, то теперь необходима и для зачисления в рядовые.

В дзюку занимаются ученики от трех до восемнадцати лет; их посещает одна шестая часть младших школьников, половина средних и почти все старшие.

Ежемесячная плата за обучение в дзюку не так велика, около двадцати тысяч иен при среднемесячной зарплате в триста тысяч, но если бы она была выше, родители без ропота вносили бы и ее: здесь не принято жалеть денег на учебу детей, и такой способ вложения капитала считается самым надежным.

Строго говоря, без этих дзюку вообще можно обойтись: поступить не в самую лучшую школу, а похуже, не в столичный вуз, а в провинциальный, потом на мелкую фирму. С голоду не помрешь... Но какой-то странный механизм, не разгаданный до конца, побуждает всю японскую нацию воевать за самое лучшее, первоклассное, новое...

В трех крупнейших столичных дзюку — «Семинар Ёёги», Кавадзюку и Сундай — обучаются ныне сто пятьдесят тысяч токийских школьников. Как и подобает частным фирмам, дзюку неустанно поддерживают свою репутацию: Дзюку Тосин, например, гордится тем, что ежегодно поставляет сотню учеников в привилегированную школу при университете Васэда, с которым у нее, разумеется, нет никакого соглашения на этот счет, просто выпускники Тосина каждый раз набирают вступительных баллов больше, чем другие.

— Это достигается просто, — объясняют работники Тосина. — Ежегодно мы закладываем в ЭВМ данные о своих учениках, прошедших и не прошедших в Васэду. Уровень знаний каждого из ребят нам хорошо известен, и с помощью машины мы вычисляем тот, который необходим для поступления в прославленный университет.

Но трудолюбивые счастливцы, поступившие в школу при Васэде, не успокаиваются на этом и одновременно поступают в новое дзюку, готовящее непосредственно в этот университет.

Годовой доход всех дзюку составляет немыслимую сумму в триллион иен, сопоставимую с расходами этой страны на военные нужды. За какие-нибудь десять лет

дзюку образовали еще одну, параллельную систему школьного образования, вызвав ревнивое недовольство чиновников официальной школы, хотя этим, наоборот, можно гордиться, потому что такого нет больше нигде в мире.

— Мы восполняем пробелы государственного просвещения, — рассказывает Масако Табэи, основательница крупнейшего дзюку города Осака. — Наши принципы таковы: индивидуальный подход к каждому ученику, простота преподавания, тесный контакт с родителями... Наши классные комнаты уютны и тихи, в них занимается не больше пяти человек, и учитель может подстраиваться к каждому... Недостатки государственных школ во всем мире одинаковы — замученные непосильной работой учителя, которых не уволишь за то, что они перестали любить детей, нехватка средств, бюрократическая косность...

Широко известно, что ученики с большей охотой занимаются на уроках того учителя, который им по-человечески симпатичен. Признает это и наша советская педагогика, но как-то половинчато, и не отваживается сделать следующий шаг, заявив: «Так сделаем же так, чтобы ребята любили своих учителей, тогда они и учиться будут лучше!» От такого идеалистского, по ее мнению, призыва попахивало бы абстрактным буржуазным гуманизмом.

Ну а дзюку, которым не страшны такие опасения, открыто берут на вооружение этот принцип, подбирая таких учителей, которые умеют легко налаживать психологическую связь с учениками.

— Мы стараемся давать ученикам как бы домашнее воспитание — то, которое в наши дни уже мало кто из родителей может предоставить своим детям, — продолжает Масако Табэи. — Наше дзюку — это храм не только знаний, но и морального воспитания, где в каждом крошечном классе имеется специально выделенный учитель, занимающийся только воспитанием. Нас часто

критикуют за то, что мы лишь натаскиваем учеников, как это делает официальная школа. Да, это так, но мы достигаем успеха не зубрежкой, а тем, что стараемся самыми разными способами, в первую очередь психологическими, пробудить у ребенка интерес к предмету, развить его способности к познанию, а разве это плохо?..

А еще говорят и так — любая государственная школа лучше частной, потому что не преследует цель получения прибыли. Но разве мало выдающихся ученых и деятелей мировой культуры воспитывалось в частных университетах, лицеях, действующих на коммерческой основе? Я считаю, что не это главное. Все зависит от того, в чьих руках находится воспитание. Мой опыт подсказывает мне, что в любом учительском коллективе одна пятая часть — это прирожденные педагоги, любящие свое дело, столько же — людей вредных школе, попавших на эту работу случайно. Остальные же — нейтральная масса, середняки, которые подчиняются той из группировок, в чьих руках находится власть.

В официальном просвещении к школьной власти пробиваются те, кто не может работать учителем, бездарные педагоги, и масса середняков попадает под их влияние, становится похожей на них. В этом, на мой взгляд, коренится главная причина бед государственной школы и в Японии, и во многих других странах. Но и мне приходится оперировать таким же контингентом преподавателей, ведь иного не существует. Я лишь стараюсь расставлять их так, чтобы середняки вынуждены были равняться на подвижников, и из-за одного этого добиваюсь резкого повышения качества знаний...

Когда Масако Табэи, пятидесятилетняя домохозяйка, учительница по профессии, решила готовить у себя на дому школьников к поступлению в университет, она рассчитывала лишь подзаработать, потому что лавка электротоваров, которую содержал муж, все чаще приносила убытки.

Она занималась с учениками в одной из тесных комнат своего дома, но очень скоро смогла снять для этой цели еще один двухэтажный дом, а за десять лет сто двадцать шесть отделений дзюку Масако Табэи открылось по всей стране. В них занимается пять тысяч человек — больше, чем в ином университете. В основном это ученики средних классов.

Так Масако Табэи стала богатым человеком. Впрочем, на ее внешности это никак не отразилось — то же скромное учительское платье, худые щеки и спокойный внимательный взгляд из-под стекол очков...

Недавно первые дзюку открылись за границей — в Нью-Йорке, Сингапуре, Лондоне — там, где живет много командированных японцев.

Хозяева дзюку вычислили свой доход на десятилетие вперед, поскольку с 1986 года доля молодежи школьного возраста в японском обществе резко возрастает, и в 1992 году вступительные экзамены в университет здесь будут держать два миллиона пятьдесят тысяч абитуриентов.

До этого времени дзюку постараются обогатиться насколько возможно, ибо потом доля юных граждан начнет падать и в течение следующих десяти лет сократится наполовину. Чем же будут заниматься дзюку тогда? Очевидно, они найдут своему капиталу другое применение. Какое — покажет жизнь.

А пока они процветают, нанимая учителей с актерским талантом, и возводят просторные, выкрашенные такой яркой краской здания, что на их фоне растворяется пестрота одежд учеников, успевших первым делом скинуть свои черные мундиры. Ну а внутри повторяется то же, что уже было сегодня в школе, — склоненные над учебниками головы, шелест переворачиваемых листов, расхаживающие между парт, озабоченно наморщившие лоб преподаватели. Да, тяжела жизнь японского подростка!..

КАК ВЫГНАТЬ ТОСКУ

По вечерам, когда быстро темнеет и на токийских улицах зажигаются огни реклам, у освещенных витрин закрытых на ночь магазинов начинается тихая, таинственная суета. Немолодые люди в черных шапочках, похожих на турецкие фески, по-хозяйски осматривают асфальт, отшвыривая в сторону брошенные журналы, бумажные пакеты, листки реклам, и расставляют шаткие деревянные столики. Усевшись около них поодиночке на шаткие стулья, они прикрывают глаза и начинают ждать.

Клиенты появляются скоро — чиновники, возвращающиеся со службы, их жены, решившие подышать свежим воздухом и воспользоваться услугами гадальщика. Присев на низкий стул, они протягивают прорицателю раскрытую ладонь, и тот водит по ней крошечным фонариком, то и дело справляясь в лежащей рядом затрепанной книге буддийских циклов жизни. Потом он терпеливо и долго рассказывает о том, что ждет человека в будущем.

На Востоке распространена вера в силу судьбы и желание узнать, что сулит она. Стремление угадать свою судьбу вообще свойственно людям. Хотя гадальщик не платит со своего ремесла никаких налогов, полиция никогда не прогоняет их из-за ночных столов, относится к ним с уважением, как к исконному атрибуту японской жизни, тем более что предсказания их подчас отличаются невероятной точностью.

К гадальщикам здесь обращались всегда, но очень редко это были молодые люди и почти никогда — подростки. Им все было ясно.

Теперь же они простаивают в очереди несколько часов для того, чтобы попасть на прием в молодежное гадальное бюро Тарим, специально открытое недавно в районе увеселений Харадзюку.

Шесть гадальщиков, работающих в нем, долго раз-

брасывают игральные карты, изучают карту ночного неба, смотрят на вспотевшую от волнения ладонь школьника, прежде чем ответить на вопрос, который задает каждый: «Что ждет меня в будущем? Попаду ли я в университет?..»

Очередь молодых людей, запрудившая переулок, ведущий к Тариму, стала расти день ото дня после того, как четверо его гадальщиков предсказали приход к власти премьер-министра Нобору Такэситы...

«Кроме свойственного ранней молодости любопытства и любви к таинственным явлениям жизни, к прорицателям судьбы нынешних подростков ведет неосознанное стремление выместить психологический стресс, в котором они находятся долгие годы», — пишет газета «Майнити».

Посещение чужих земель, как известно, тоже снимает духовное напряжение человека, особенно тогда, когда на родине он постоянно ощущает себя стесненным. Смена мест помогает вздохнуть душою.

Черные шеренги школьников-экскурсантов, попадающиеся в Японии на каждом шагу, из путевых заметок журналистов давно шагнули во внешний мир. Но в наши дни школьные экскурсии впервые вышли за пределы страны, и теперь японских школьников можно встретить в Китае, включая Тайвань, и Южной Корее — в сопредельных Японии странах. Это объясняется их историко-культурной общностью с Японией, а также большими скидками на оплату услуг, которые предоставляются ребятам тамошними отелями. В 1987 году в зарубежные путешествия выезжало тридцать тысяч японских школьников.

Желание избавиться от неосознанного напряжения во многом подстегивает интерес школьников к электронным играм, позволяющим, словно наркотик, отвлечься от мирских забот. Это стремление придает ему необузданные, резкие формы...

Любая очередь за товаром в Токио — большая ред-

кость, но такой, какая выстроилась в один из дней лета 1988 года перед магазином бытовой электроники около вокзала Икэбукуро, не видали здесь никогда.

Около десяти тысяч школьников образовали двухкилометровый хвост, чтобы приобрести новинку фирмы «Эникс» — третью серию электронной игры «Поиски дракона».

Такие игры широко распространены в Японии и доступны каждому — достаточно вставить кассету в недорогую приставку к телевизору, как его экран заполняют мельтешащие человечки, живущие своей не познанной до конца электронной жизнью.

Но «Поиски дракона» по своему качеству на ступень выше прежних. Главный его герой — мастерски прорисованный гигантский дракон, возжелавший сдавить весь мир своими костистыми лапами. На борьбу с ним отважно поднялись давно знакомые всем ребятам герои — смелый юноша, добрая девушка, бесстрашный рыцарь, старый монах, бродячий торговец, а также немало призраков, хороших и плохих, одетых одновременно в духе и старины, и научно-технического прогресса, будоражащих инженерную мысль и вызывающих в сердце сладкий холодок ужаса.

Стоит нажать на кнопку, как все они начинают неутомимо искать дракона, — размахивая мечами, падая в бесконечные пропасти, распевая мелодичные, бесшабашные песни... Изредка передвигая рычажки внизу экрана, можно изменять похождения героев, растягивать их до бесконечности, соучаствуя и растворяясь в этом блаженном сне, мерцающем цветами радуги. Хорошая вещь — электронные игры! Они втягивают в свою магию даже взрослых...

Но почему все-таки «Поиски дракона» вызвали такой непредсказуемый ажиотаж среди японских школьников — разве мало других электронных игр продаются сутки напролет в здешних лавках?..

Все дело в том, что фирма «Эникс», создавшая эту

удивительную игру, небогатая, малая и никому не известная до сей поры. Она просто не могла бы с одного раза обеспечить «Поисками дракона» всех желающих. Выпустив небольшую пробную партию кассет, она ждала бы, пока они будут расходиться, и в зависимости от этого заказывала бы новые, а в случае неудачи, может быть, сменила сферу деятельности или вообще распалась...

Так японские школьники впервые в своей жизни столкнулись с явлением товарного дефицита. Но в здешних условиях эта беда легко преодолима, и ребята знали, как с ней бороться: надо выстроиться в длинную очередь у магазина, похожую на демонстрацию преданности потребителей, и тогда владельцы фирмы в считанные часы организуют выпуск множества дополнительных кассет...

Бесперебойная учеба школьников считается в Японии заботой всего народа, а не одного только ведомства просвещения, и поэтому за день до продажи «Поисков дракона» столичная полиция предупредила директоров школ: «Будьте внимательны. Вас ждут прогулы». Оповещена была и родительская общественность...

Вечером десять тысяч школьников встали в очередь у небольшой лавки электротоваров, блокировав собою не только ведущую к ней небольшую улицу, но и все ближайшие переулки, тротуары и проезды. Подростки взяли с собой из дома термосы с горячим чаем, картонные коробочки с теплым ужином, махровые одеяла, карманные телевизоры, журналы комиксов и книги, весело скоротав холодные ночные часы.

Наутро началась продажа. Не торопясь, школьники по очереди переступали порог крошечной лавки и через полминуты выбегали оттуда, прижимая к груди кассету, аккуратно упакованную в пакет из шелестящей белой бумаги...

Полицейские в синих фуражках деловито рыскали в толпе школьников, вылавливая одним им известным

способом прогульщиков, и за короткий срок поймали их около трехсот. После строгого, но недолгого разговора в патрульной машине они были отпущены домой.

За несколько дней фирма «Эникс» продала пять миллионов кассет электронной игры, наделив ею почти каждого второго жителя Токио и сделавшись богатой.

«Поиски дракона» стали для детей прекрасным способом отвлечения от школьных невзгод, дали им возможность хотя бы в мечтах почувствовать себя сильными и мужественными, руководящими поступками других людей, считает психолог Хидэо Такаяма, руководитель Исследовательского института по проблемам детей.

Проведенное недавно министерством просвещения медицинское обследование семисот тысяч школьников по всей стране показало, что довольно многие из них имеют плохое зрение и излишний вес. Министерство связывает это с повальным увлечением видеоиграми. Среди их поклонников было выявлено сорок три типа различных заболеваний и расстройств, имеющих психическое происхождение. В их числе — подергивания век, повышенная возбудимость и утомляемость, стариковское покашливание, восприимчивость к простудам. Доктора призывают ограничить видеоигры хотя бы часом в день, но, как известно, никакие призывы не могут остановить прогресс техники...

В предвидении его, в точном соответствии с его безудержным ростом, здесь неустанно развивали массовый спорт детей и подростков, видя в нем главное средство физической и духовной закалки будущих граждан страны, их подготовки к труду и нервным стрессам.

Каковы же уроки физкультуры в японских школах? Я много посмотрел их, однако не нашел никакой особой специфики, просто самой физкультуры там было больше — ее уроки проводятся каждый день. Говорят, что и в производстве культивированного жемчуга тоже нет никакой премудрости — нужно лишь приоткрыть живую

раковину, отогнуть нежное тело моллюска и осторожно засунуть туда пинцетом крошечный шарик, который потом станет жемчужиной, — но получается это только у японских мастериц...

Впрочем, некоторые отличия в здешних уроках физкультуры все же были...

Вспоминая свои школьные уроки физкультуры, отстоящие лет на двадцать назад, поражаешься, сколько времени мы проводили в ожидании чего-то: или очереди к брусьям, или вызова от учителя. По его команде вызванный ученик делал, как мог, упражнение, а все остальные стояли в линейке или сидели на длинной низкой скамье, скучая и переговариваясь друг с другом, и очень редко испытывали ту мышечную радость, о которой говорили когда-то русские ученые.

Здесь же на уроках преобладают спортивные игры, ребенок не проводит ни секунды без движения. Весь урок он пребывает в беготне и веселье, отдыхая душою и телом.

Учитель меньше всего стремится к тому, чтобы выставить всем оценки. Чем заниматься на уроке, решает он сам. Его работе с детьми не мешают никакие проверяющие комиссии. Их тут, надо сказать, и вовсе не бывает: изредка на уроки приходит только директор школы, и его слово становится решающим.

Здесь в каждом классе тоже есть свои силачи, которых часто посылают на различные соревнования. Однако при этом никто не внушает им, что они защищают честь школы — защитить ее можно только одним: достичь больших успехов на каком-либо поприще после ее окончания.

Конечно, победа школьной команды на краевых или общенациональных соревнованиях небезразлична школе. Она характеризует постановку в ней дела спортивного обучения — но только спортивного, и не больше.

Каждый год в Японии проводится два общенациональных чемпионата среди школьников, к которым бы-

вает приковано внимание всей страны, как если бы это были соревнования признанных взрослых спортсменов. Их не только с утра до вечера передают по телевидению, они становятся главным событием спортивной жизни дня. Это — соревнования по бейсболу, которые проводятся на стадионе «Косиэн» в Осаке, и токийский чемпионат по волейболу.

Токийская станция Сэндагая, где расположен городской крытый стадион, в эти дни бывает запружена автобусами, ведь с каждой школьной командой по волейболу приехала еще и команда болельщиков. Обычно это — один из старших классов в полном составе. Многие из них специально прибыли на чемпионат из отдаленных уголков страны.

В соответствии с давней японской традицией, болельщики образуют так называемую команду поддержки. По-японски она называется «оэндаи».

Когда на стадионе сражаются две команды, их оэнданы поднимаются в рядах зрителей во весь рост. На фоне их черных школьных мундиров картинно выделяются повязанные на лбу длинные полоски белой материи, иногда — с красным кругом восходящего солнца в середине. Это — символ самурайской стойкости. Изо всех сил они скандируют лозунги победы, поют ритмичные быстрые песни, жестикулируют флагами школы.

Все их движения отточены до предела — ведь перед соревнованиями они прошли такую же тренировку, как и их основные участники.

Команды оэндановцев существуют в каждой школе, университете. Занятия в них приравниваются к участию в спортивной секции.

Среди других спортивных секций оэндан выделяется особенно жесткой дисциплиной, беспрекословным подчинением новичков старым членам клуба.

Оэндан призван поддерживать энтузиазм в сражающейся команде, напоминать ей, что она не одинока в битве. Эта уникальная секция целиком ориентирована

на укрепление морально-психологического состояния участников состязаний.

Энтузиазм в спорте, как известно, играет большую роль. Здесь же он призван еще и компенсировать недостатки материального характера: например, на знаменитом Токийском городском крытом стадионе, где проводится всеяпонский чемпионат школьников по волейболу, а также многие международные соревнования, почти полностью отсутствуют, как это ни странно, раздевалки. Тех нескольких тесных комнат, что расположены в подвале, не хватает на всех, и спортсмены переодеваются во дворе, в коридорах, на трибунах зрителей. Впрочем, к спартанским условиям жизни им не привыкать...

Когда спортсмены-школьники готовились к соревнованиям, никто не снимал их с уроков. Воображаю, какая непроницаемая маска удивления и обиды набежала бы на лицо учителя, предположим, математики, если бы к нему на урок пришел физкультурник и, сославшись на директора, потребовал отпустить нескольких юных волейболистов на тренировку. Думаю, что ребята и сами не пошли бы с физкультурником, потому что здесь это звучало бы как вызов учителю. Нет, такая ситуация тут просто невозможна, а потому и соревнования, и тренировки проводятся только после уроков.

Тема школьного спорта часто поднимается в фильмах для детей. В картине для первоклассников рассказывается об ученике, у которого не получались упражнения на турнике, но он, проявив достойное мужчины упорство, преодолел свою слабость. Вечерами, тайком он приходил тренироваться на школьный двор...

Сюжет фильма для старшеклассников построен на событиях жизни школьной команды по регби, которую организовал учитель отнюдь не физкультуры, а обществоведения.

Спорт делает людей раскованными, мужественными, уверенными в себе. Сознание своей силы нередко рож-

дает стремление защитить слабого, однако может и породить чувство превосходства над ним.

Облагораживающее влияние спорта на человеческую душу невелико. У плохого человека, если он занимается спортом, не происходит духовного перерождения, как если бы от соприкосновения с умными книгами, искусством, добрыми учителями. Да и самый спорт, как показывает история, можно использовать для реакционных, антигуманных целей. Поэтому, наблюдая за шумными спортивными играми японских школьников и понимая их пользу, невольно вспоминаешь духовные проблемы японской школы...

На большом открытом стадионе в Сэндагая заканчивался городской чемпионат школьников по футболу, и на лица юных болельщиков, с середины дня заполнивших трибуны снизу доверху, легла синеватая тень заката. Едва занявшись над этим огромным городом, он уже успел вобрать в себя сияние тысяч рекламных огней, включенных на улицах; по углам стадиона зажглись, набирая мощь, четыре огромных прожектора, и их белый свет отразился стальным отблеском на гладко причесанных черных макушках школьниц.

В воротах одной из команд сражался четырнадцатилетний Итиро, черной птичкой стремительно подлетая то к одному краю их, то к другому. Жесткое тело мяча вновь и вновь появлялось у самой сетки, норовя угодить в ее глубину, но Итиро с бесстрашием самурая, с холодной обреченностью летчика-камикадзе, направившего свой самолет в палубу вражеского линкора, бросался на мяч и успевал подхватить его своими длинными мальчишескими руками.

Он не мог сдержать распиравшего его восторга, и, если бы мяч оказался бомбой, Итиро так же взял бы его и еще сильнее сжал локтями, чтобы погибнуть во взрыве и смертью доказать свою беззаветную верность товарищам по команде...

Но вот серебряные трубы горнистов прорезали синий

воздух, возвестили победу, и Итиро вместе с друзьями зашагал к выходу с трибун. Он шел последним, замыкая шеренгу победителей, и, подчиняясь ритуалу, держал мяч в торжественно поднятых руках, словно кубок. В глазах его стояли слезы...

Поджидавшие у входа в раздевалку одноклассники бросились к победителям, принялись радостно тормошить их, а учителя, стоя поодаль, приветливо улыбались и помахивали руками.

Только сейчас Итиро увидел, что кожа на его коленях содрана и сочится кровью, но пробудившаяся боль доставила ему удовлетворение и радость.

— Молодец, Итиро, если бы не ты, мы бы не победили! — наперебой говорили товарищи, войдя в раздевалку, и, окружив его, вдруг подняли на руки и стали подбрасывать к невысокому бетонному потолку. Касаясь его то лбом, то руками, Итиро ощущал каменный холод...

Футболисты долго провожали друг друга по вечерним извилистым переулкам, громко переговариваясь и четко выделяясь на фоне освещенных витрин чернотою своих мундиров. Им не хотелось расходиться по домам.

Итиро нес в одной руке связку с книгами, в другой — сетку с мячом, упруго подрагивавшим во время ходьбы. Было уже поздно, когда он отворил калитку своего дома, в два шага миновав маленький темный двор, нажал на кнопку звонка.

Бабушка, открывшая ему дверь, строго окинула его взглядом, задержавшись на сетке с мячом.

— С благополучным возвращением, — произнесла она, осуждающе поджав губы, — ванна готова...

— Ну вот, началось! — нахмурился Итиро, нагибаясь и стаскивая ботинки...

Ванна, устроенная квадратным бассейном на уровне пола, была полна горячей воды, и Итиро долго сидел в ней, скрестив на животе худые руки. Волны теплоты, поднимавшейся к горлу, напоминали о недавнем лико-

вании победы, и Итиро знал, что за дверью ванной комнаты оно закончится навсегда. Рядом, на полированной крышке стиральной машины лежали два тщательно отглаженных домашних кимоно с одинаковыми синими узорами на легкой белой материи — одно побольше — для отца, еще не приходившего со службы, другое поменьше — для Итиро.

— С возвращением! — приветствовала его мать, терпеливо поджидавшая сына, сидя, поджав ноги, на соломенном полу гостиной.

С улыбкой наблюдая, как Итиро, подобрав полы кимоно, опускается за стол и с интересом заглядывает в белые фарфоровые чашки, она поставила перед ним поднос, на котором среди тарелочек с квашеными сладковатыми овощами, розовыми кусочками вареного лосося, облитых сливками ягод клубники стояла большая пиала с красными лепестками сырого мяса.

Пока Итиро управлялся с закуской, мать быстро взбила в чашке яйцо бамбуковым венчиком и передала ему. Итиро молча принял чашку и стал обмакивать в нее, прежде чем отправить в рот, шипящие кусочки мяса, на секунду перед тем прижатые деревянными палочками к раскаленному краю небольшой жаровни. Настроение его быстро улучшилось, и он весело взглянул на мать.

— Ну что, вы снова победили? — усмехнулась она. Итиро кивнул, жуя...

— Знаешь, Итиро, — со вздохом продолжала мать, — сегодня я опять была в школе...

У Итиро упало сердце, и он с тоской посмотрел на остатки ужина.

— Учитель математики серьезно обеспокоен твоими знаниями. Он считает, что ты можешь набрать мало баллов. Может быть, лучше пока забыть о спорте — на время, конечно, — и всерьез взяться за дело? Разве ты не хочешь стать президентом фирмы, как твой отец?..

— Подумаешь, фирма, всего три человека! — произнес Итиро и тут же осекся, решив молчать.

— Ну, вот и отлично! — с готовностью подхватила мать, — пусть твоя фирма будет огромной, как «Сони». Но для этого надо быть очень хорошим инженером, а для него, ты знаешь, математика — самое главное!..

Итиро опустил голову: ну как объяснить ей, что он потому и увлекся футболом, что ему не дается эта скучная математика! Неплохо, конечно, стать и профессиональным спортсменом, а затем и менеджером команды, но для этого у него не хватит ни мускулов, ни деловой хватки. Ну кто же виноват в этом?!

Японцам чужда отходчивость, и Итиро с неожиданной силой представил, что эта беседа, и без того знакомая до последнего огорченного вздоха, будет повторяться из вечера в вечер, не исключая даже новогодний, до тех пор, когда он поступит в институт или, наоборот, с позором провалится на экзаменах.

В столовую, затягивая пояс кимоно на впалом животе, вошел отец и, садясь во главе стола, сердито взглянул на Итиро.

Мать, не вставая с колен, вынула из стоявшей поодаль чаши с кипятком фарфоровый графинчик и налила горячего сакэ в белую рюмку, стоявшую перед отцом.

— Мы как раз беседуем с Итиро об учебе, — сообщила она. — Я думаю, ему нужно пока оставить спорт и целиком сосредоточить себя на математике...

Озабоченно наморщив лоб, отец молча кивнул, берясь за палочки для еды...

Вопрос был решен, и Итиро судорожно глотнул воздух, словно вытащенная на берег рыба. Отправляясь спать, он прихватил со стола острый фруктовый нож, спрятав его в рукав кимоно...

Под утро Итиро, которого могли звать и по-другому, потому что газеты, вышедшие на следующий день, скрыли его имя, — осторожно ступая босыми ногами по

деревянным ступеням лестницы, спустился в спальню матери.

Немного постояв над ее постелью, Итиро примерился к нежной шее и, крепко ухватив нож обеими руками, с силой опустил его туда, где белел край одеяла...

Разбуженный страшным криком, в спальню вбежал отец, запахивая кимоно на худой груди, но Итиро уже ждал его, спрятавшись за дверью, и полоснул ножом по шее. Согнувшись от боли, хватаясь рукой за стену, отец съехал на пол.

Через некоторое время приковыляла из своей дальней комнаты бабушка, которая, как и подобает дочери самурая, не знала страха и только осуждающе покачала головой, когда Итиро, выставив нож, бросился на нее...

Итиро молча посидел некоторое время па полу, а потом поднялся в свою комнату, оделся, обернул окровавленный нож бумажной салфеткой и положил его в карман куртки.

Когда часы пробили шесть, он позвонил своему лучшему другу и попросил его немедленно прийти.

— Я буду ждать тебя во дворе, в нашей машине, — сказал он, опуская трубку.

Друг, живший неподалеку, не вдаваясь в расспросы, стоически прервал последние часы сна и через десять минут уже открывал дверцу машины, за рулем которой сидел Итиро.

— Ну, в чем дело? — спросил он, усаживаясь рядом.

— Я только что убил мать, отца и бабушку, — хриплым голосом произнес Итиро и дернул щекой, собираясь заплакать.

— Нашел время для шуток! — рассмеялся друг и, ничуть не обидевшись, побежал домой и залез в еще теплую постель...

Полицейские без труда нашли Итиро около полудня. Безучастно прижавшись лбом к кожаному ободку руля,

он пытался проколоть ножом и свою грудь, но почему-то не мог этого сделать и бессильно опускал руку...

— В это невозможно поверить! — заявил полицейским директор школы. — Ведь Итиро обладал веселым нравом, хотя, правда, слабо успевал по математике...

Как сообщили газеты, после этого он собрал учеников в актовом зале и произнес речь о ценности человеческой жизни, призвав ребят не покушаться на нее ни при каких обстоятельствах...

По буддийским понятиям, воспитанным веками, человек никогда не умирает до конца и непременно снова приходит на землю, но уже в другом обличье, которое примет бессмертная душа. И оттого здешние траурные церемонии отличаются лишь мрачной торжественностью, но не скорбью, и возвращающиеся с них люди в черных кимоно и фраках оглядываются на темную струйку дыма, вылетающую из трубы крематория, с выражением мечтательной грусти на лицах...

Вызванное речью директора тягостное оцепенение оставило одноклассников Итиро, и они, тихонько переговариваясь, стали рассаживаться за парты.

Неожиданно дверь класса отворилась, и в класс влетел толстый Кэнта, известный весельчак и шутник. Скорчив угрожающую гримасу, похожую на свирепый оскал вампира из фильма ужасов, он поднял над головой растрепанный журнал телепрограмм, напечатанный на рыхлой бумаге.

— Читали? — возгласил он, потрясая журналом. — Сегодня вечером — «Новые приключения графа Дракулы»!

Но ребята продолжали раскладывать учебники по партам и пропустили мимо ушей крики толстяка: до новых ли приключений знакомого с детства вампира, если завтра предстоит очередной экзамен по математике!

— Вампир в действии! — вновь вызывающе закричал Кэнта, внимательно оглядывая класс и вдруг за-

пустил журнал в самую его середину, туда, где сидели девочки.

Тотчас раздался визг, недовольные вопли, в которых, впрочем, слышались нотки польщенного внимания.

Издав страшный крик, Кэнта поскакал туда, тяжело вспрыгивая на парты.

Граф с жуткой фамилией Дракула пришел сюда издалека — из венгерских, румынских и западноукраинских предгорий, где и сейчас живут легенды о вурдалаках. Зазывая проезжих гостей дворянского происхождения в свой одиноко стоявший замок, он после богатого ужина, пробирался по ночам к ним в спальни и высасывал кровь, превращая их самих в вампиров.

Подражая Дракуле, Кэнта зарычал, по-собачьи оскалил зубы и затряс толстой спиной. Ребята одобрительно засмеялись.

Обхватив за плечи тихоню Юмико, лучшую ученицу школы, Кэнта сделал вид, что хочет впиться зубами в ее шею.

Юмико отчаянно вскрикнула, сильным движением пловчихи оттолкнула Кэнту и побежала к двери, провожаемая добродушным смехом подружек.

— То-то же, Тихоня, не все тебе зубрить математику, надо и Дракулу смотреть! — крикнул Кэнта ей вслед.

Через минуту Юмико возвратилась и, обиженно поджав губы, села за парту.

— Ну, скажи-ка, Кэнта, во сколько будут показывать фильм про Дракулу? — спросила она, помедлив.

— В семь часов, не видишь, что ли! — ответил Кэнта, подсовывая ей журнал.

— Надо же, как интересно, — произнесла она, разглядывая фотографии, на одной из которых Дракула в развевающемся черном плаще и шелковом графском цилиндре гнался по анфиладе комнат за девушкой в бальном платье.

— Ну а вы, бездарные зубрилы, опять станете сего-

дня грызть учебники, когда даже девчонки будут смотреть фильм про Дракулу? — обратился Кэнта к мальчишкам.

Те выжидательно заулыбались, пока вдруг сидевший на задней парте отличник Като не вскочил на скамейку и не закричал взволнованно: «К черту математику! Долой науку о числах!» Неловко размахнувшись, он бросил свой учебник в направлении классной доски, и тотчас его примеру последовали остальные. Тяжелым дождем книги упали на пол перед доскою.

Вошедший в класс учитель покосился на горку учебников и, высоко подняв подбородок, быстро прошел к кафедре. Подбежав к доске, ребята со смехом похватали учебники, положили перед собою на парты, но в течение всего урока весело переговаривались друг с другом.

Выйдя на улицу, все опять закричали хором: «Долой математику! Вперед, к телевизорам! К черту экзамен!»

— На Дракулу! — провозгласил Кэнта и первым понесся вниз по узкому переулку, потряхивая висевшим за спиной тяжелым ранцем...

— Мама, я пришел! — крикнул он в сумрачную глубину дома, сбрасывая ботинки и ранец.

Наскоро вымыв руки, он прошел в кухню, где, ловко работая палочками, опорожнил чашку риса, торопливо прожевал котлету и торжествующе, словно выпивая кубок победы, высосал пиалу теплого коричневого соевого супа с ракушками и водорослями. Потом он быстро поднялся в свою комнату, сел за письменный стол и аккуратно разложил на нем учебники.

«Ну, теперь-то я сдам экзамен по математике в десятке лучших]» — удовлетворенно подумал он, углубляясь в чтение...

«Школьная конкуренция неумолимо делит учеников на два лагеря. Те, кто успел и смог приспособиться к ней, на-

ходит даже некоторое удовольствие, обходя своих товарищей на поворотах учебы. Остальные, кому она не по силам, представляют свою жизнь в будущем весьма мрачно. Они еще слишком молоды для того, чтобы уметь утверждать себя в ней иначе, как кулаками, и потому волны хулиганства и насилия захлестывают японскую школу», — пишет известный специалист по вопросам образования Ютака Сасаяма.

Банды двоечников вымещают свои раздражение и боль на одноклассниках, родителях, учителях. Ежегодно полиция фиксирует более пятидесяти тысяч случаев школьного хулиганства.

— Когда школьники видят, как хулиганы избивают то одного, то другого из их товарищей, они, как правило, предпочитают не вмешиваться до тех пор, пока очередь не доходит до них самих. Учителя порой следуют их примеру, и лишь по школьным коридорам предпочитают проходить группами, словно по улицам осажденной крепости. Школьные хулиганы и двоечники для них как бы не существуют. «У нас нет времени на отстающих! — говорят они раздраженно, — если мы будем заниматься с ними дополнительно, к нам придут матери хороших учеников и скажут, что мы сбрасываем их сыновьям выпускные баллы, — отвечает журналист Ёсио Мураками. — Увы, это отражает одну из черт всего нашего общества, — продолжает он, — разве так уж редко взрослые говорят: «Это не мое дело!» — и старательно отводят взор от темных сторон жизни. Сейчас они очень удивляются неспокойной обстановке в школе и качают головой: «В наше время этого не было...» Действительно, двадцать пять лет назад японская школа была иной, потому что интеллектуальная конкуренция не была так высока, но разве не тогда сами эти люди, охваченные идеей бурного экономического роста страны и повышения собственного благосостояния, с досадой отмахивались от мучительных болезней и гибели жертв загрязнения воздуха, морей и рек отходами стремитель-

но развивающейся промышленности?.. Не туда ли ведут некоторые из корней школьного терроризма?..

Около сорока тысяч школьников прогуляли по пятьдесят и более учебных дней в 1988 году — это наивысший итог за всю послевоенную историю. Многие покончили самоубийством, к которому здесь, по буддийской традиции, прибегают с такою легкой душою.

Стараясь нормализовать школьную жизнь, Всеяпонский профсоюз учителей требует покончить с экзаменационной нервотрепкой и сократить число учеников в классах. Власти не идут пока ни на первое — ибо оно от них не зависит, — ни на второе, но зато форсируют создание новых клиник для лечения нервных и психических расстройств подростков, что тоже немаловажно, тем более что таких больниц у нас пока вовсе нет.

Взрыв насилия и преступности выплескивается через шаткие стены школ и поражает все общество. Около 170 тысяч школьников было задержано полицией в 1988 году за различные мелкие правонарушения, главным из которых было воровство в магазинах.

По мнению психологов, оно вызывалось не бедностью, а стремлением выместить нервный стресс, испытать острые ощущения, блеснуть своей удалью перед товарищами по классу.

Проведя специальный опрос среди школьников по поводу хищения товаров из магазинов и лавок, психологи установили, что треть ребят не усматривает в нем ничего дурного.

Советы ученых широко используются полицией, родительской общественностью в профилактике преступности подростков. Сознавая невозможность устранения ее глубоких социальных причин, здесь с чисто японской трезвостью стараются убрать хотя бы мелкие и за счет одного этого добиваются заметного снижения общего числа правонарушений.

Много беспокойств властям одного из небольших поселков доставляла неувязка в расписании электричек.

Поезд, в котором ехало, возвращаясь с занятий, много школьников, простаивал здесь около часа, и толпа черных мундиров наводняла пристанционные кафе. Не зная, как убить время, подростки громко разговаривали, смеялись, перебрасывали друг другу через столы с посудой связки книг и даже курили, что считается здесь серьезным нарушением школьных правил.

Как же поступили местные власти? Может быть, ликвидировали кафе или выставили около них кордоны полиции? Нет, всего лишь добились от транспортной компании изменения движения поездов, и вопрос покоя на станции был решен сам собою...

В минувшем году число подростковых правонарушений было сокращено в стране на 32,5 процента, а количество серьезных преступлений несовершеннолетних уменьшилось на тринадцать...

ВОЗДУХ СВОБОДЫ

В Японии нет такой жесткой централизации народного просвещения, как у нас. Местные учебные округа принимают порой такие ответственные решения, что о них сообщает общенациональное телевидение «Эн Эйч Кэй». Недавно, например, всем школьникам префектуры Хёго было приказано коротко остричь волосы и причесаться так, чтобы они стояли на голове жестким ежиком, как это было модно у нас в далекие пятидесятые годы.

Этот приказ, как вскоре выяснилось, получил столь широкий общественный резонанс не зря, потому что вскоре его повторили во многих других школах страны и начали проводить в жизнь с такой ожесточенной решимостью, что становилось ясно, что сам по себе ежик ни в чем не виноват, а в его острой щетинке таится другое...

Учеников, которые медлили тотчас сбегать в парик-

махерскую, запирали на весь день в кабинет директора, выпуская оттуда лишь на полчаса в столовую и — на строго отведенное число минут — в туалет. В школах, известных своей либеральностью, ослушников наказывали более мягко — всего лишь запрещали участвовать в классных собраниях, экскурсиях и не пускали на ученические концерты.

Но и реакция родительской общественности оказалась столь же непримиримой: по всей стране прокатилась цепочка демонстраций и митингов, не отличавшихся, правда, особым шумом, но зато каждый раз заканчивавшихся принятием твердого заявления протеста и вручением его директору ближайшей школы, ожидавшему делегатов у дверей своего кабинета, сурово сдвинув брови...

Вскоре родители объединились и создали Ассоциацию в защиту прав и здоровья детей, предназначенную для борьбы с ежиком — простой и гигиеничной стрижкой, придающей такую подтянутость и строгость облику юношей и подростков.

По традиции она воспринимается здесь как символ социальной покорности. Ее носят люди, четко осознающие свою подчиненность вышестоящим, — приверженцы национальных видов воинского спорта, глубоким поклоном отвечающие на любой приказ тренера или старшего друга; гангстеры, готовые не колеблясь отдать за своих главарей собственную жизнь и чужую; молодые активисты ультраправых организаций, выступающие за то, чтобы общественный порядок стал более строгим.

До недавних пор стриглись под ежик и школьники, но в последнее время перестали и начали или отращивать длинные волосы, или коротко зачесывать набок. Это не на шутку встревожило ведомство просвещения, почуявшее в этом невинном изменении зреющий дух неповиновения старшим.

— Когда человеку определяют приказом, какую при-

ческу ему надлежит носить, как следует одеваться, это нарушает права личности. Мне хочется, чтобы нынешние дети понимали это, — говорит основательница Ассоциации в защиту прав и здоровья детей сорокалетняя домохозяйка Аяко Накадзима, тихая худощавая женщина.— Мне кажется важным научить детей уже сейчас говорить «нет», а не покорно соглашаться с тем, что вызывает у них чувство внутреннего протеста. Для этого, — рассказывает она, — мы вместе с детьми обсуждаем на наших собраниях проблему свободы, приглашаем для выступлений юристов, писателей, философов, школьных учителей, многие из которых, конечно же, не разделяют официальную политику своего начальства. Приглашаем и директоров школ, но ни один из них не принял пока нашего приглашения...

Мой сын, отказывающийся постричься под ежик, попадает, как и его товарищи, в трудное положение, — спокойно улыбаясь, продолжает Аяко Накадзима, — ведь он рискует ухудшить свой выпускной аттестат. И все же я уверена в том, что, участвуя вместе с сыном в этом движении протеста, я могу научить его, да и себя тоже, чему-то гораздо более важному для нас обоих.

Демократия и свобода... Мы реже всего называем их в числе причин невиданного прогресса Японии за послевоенные годы, японцы же указывают их в числе первых. Теперь мало кто знает, что до войны японские товары имели дурную славу, ибо были ненадежными и сработанными грубовато. Да и какими еще они могли быть, произведенные за нищенскую зарплату, в условиях военно-фашистской диктатуры, запрещавшей даже пролитие слез над могилами сыновей и отцов, погибших в завоевательных походах...

Университет Токай, где я проходил стажировку в студенческие годы, расположен недалеко от американской военной базы Одавара, и жители близлежащих городков и поселков по многолетней привычке принимают

всех встречающихся окрест молодых людей белой расы за ее сотрудников.

Так поступила и маленькая старушка, которой я уступил место в вагоне электрички.

— Большое, большое спасибо! Наши-то ведь никогда не уступят! — суетливо защебетала старушка, стаскивая со спины тяжелый узел. — Только вы, американцы, такие добрые люди! А японцы — нет, не добрые! — продолжала она, с кряхтеньем устраивая узел на коленях и не обращая внимания на то, что весь вагон, не меняя каменных выражений лиц, прислушивается к ее разговору. — Да, да, не спорьте, я помню, помню войну, помню, что они на ней вытворяли, им только прикажи! — лукаво улыбаясь, говорила она. — Конечно, вы сбросили бомбу на Хиросиму, но зато и помещиков у нас больше нет, и левых не сажают в тюрьмы. Мы очень благодарны вам за то, что вы принесли свободу!..

Я сейчас еду в больницу, оперировать мочевой пузырь! — с готовностью сообщила старушка окружавшим ее пассажирам, и те испуганно отшатнулись. — Я, наверное, умру там! — доверительно засмеялась она и, закончив рассказ, задремала, широко открыв беззубый рот. Вагон тотчас углубился в чтение...

Разгром Японии во второй мировой войне явился для ее жителей не столько бедствием, сколько благом. Он не только принес избавление от милитаристского правления: оккупанты-американцы либерализовали бизнес, вдохнув свободу в деловую жизнь, провели земельную реформу, ликвидировав крупные владения, и в стране возникли тысячи фермерских хозяйств, в короткий срок покончивших с нехваткой продовольствия. Дети этих фермеров сейчас устраивают мощные демонстрации перед зданием парламента, требуя запретить ввоз в страну американских говядины и апельсинов, мешающих им реализовывать то, что с избытком произвели сами.

Пересмотрели американцы и систему народного просвещения побежденной империи, провозгласив его главной целью не безответное служение государству, как это было раньше, а полное раскрепощение и самовыражение личности, приносящее стране гораздо больше пользы.

Однако полностью насадить в японской школе дух европейского индивидуализма не удалось, потому что кадры педагогов в ней оставались старыми, довоенными, самыми надежными с точки зрения устраненного режима. Их позиции по традиции сильны и сейчас, и противостоит им демократический отряд учительства, возглавляемый Всеяпонским профсоюзом учителей Никкёсо. Когда он устраивает свой съезд в одном из небольших курортных городов вблизи горячих горных источников, то отель, где идут заседания, окружают десятки броневиков, выкрашенных темно-зеленой краской.

Они принадлежат ультраправым организациям, и из мегафонов включенных на полную мощь, целыми днями раздаются хриплые голоса, призывающие покончить с профсоюзом. Хмурые боевики в зеленых мундирах с утра блокируют подступы к отелю, стараясь не пустить на съезд делегатов. Полицейские в боевых доспехах, не пробиваемых для камней, опираясь локтями на стальные щиты, опоясывают броневики своим синевато-серым кольцом и внимательно следят за тем, чтобы правые не переходили определенных законом рамок.

Но даже и неполная свобода личности оказала неоценимую услугу Японии, сформировав в ней несколько поколений людей, каждое из которых было раскрепощенней своих родителей и умело проявить такой размах талантливой деловой хватки и преданности национальной идее, какого никогда не развить в себе в условиях несвободы...

Хотя большинство японских школ построено, как и у нас, по типовым проектам, у них нет таких отрезвля-

юще-строгих линий, заставляющих тоскливо сжиматься детское сердце после летних каникул.

Все они тоже снабжены номерами, но некоторые имеют и названия, напоминающие чаще всего о лесной прохладе, зеленых бамбуковых рощах и горных речках, — особенно у тех школ, что стиснуты меж серых городских зданий.

Название же одной из школ, хотя и звучит по-лесному, напоминает о другой, не менее сильной, мечте человека: «Лес свободы».

Расположена эта школа как нельзя лучше для такой цели — у подножия гор, на краю непроходимого тихого леса. Ее директор Ютака Эндо сам спроектировал для нее белое здание, похожее на корабль.

На журнальном снимке он изображен стоящим на фоне своей школы, раскинув руки, словно встречая гостей. К этому жесту охотно прибегают организаторы приемов и деловых встреч, позируя фотографам. Но тогда меж радушно раздвинутых рук видишь настороженный, внимательный взгляд, маскируемый широкой улыбкой. Эндо же смотрит открыто и немного смущенно, как, наверное, и подобает педагогу.

Полвека назад, обучаясь в начальной школе, он был тайно влюблен в соседку по парте. Однажды, стоя у окна, он украдкой наблюдал за тем, как девочка проходила по двору, а потом долго прыгала через скакалку.

А в это время дежурные мыли пол и, переглянувшись, захохотали: «Куда это он смотрит? Ха-ха, все ясно, в девчонку влюбился! Вот позор-то!..»

Ютака оберулся и тоже закричал: «Вот еще, нужна мне она! Я только с мальчишками дружу!..»

«Так мы тебе и поверили, девчатник! Вот выльешь на нее ведро воды — тогда поверим! — закричали ребята и, корча смешные рожи, окружили его и поставили перед ним ведро грязной воды, в котором плавала

тряпка, а потом стали прыгать, хлопая в ладоши: — Не выльешь, не выльешь!..»

«Ах, не вылью? Так смотрите же!» — и Ютака, подхватив ведро, выплеснул его за окно. Снизу послышался визг, потом раздалась ругань учителя. Со страху Ютака сел на корточки и спрятался под парту. Мальчишки хохотали, взявшись руками за животы...

К счастью, поток не задел девочку, прошел мимо, но учитель все равно наказал Ютаку, велев ему простоять в углу весь день до конца занятий.

Скоро уроки закончились, и малыши пробежали к выходу. Потом по коридору торопливо прошел учитель, громко стуча по полу каблуками своих деревянных сандалий и глядя себе под ноги.

Ютака по привычке поклонился ему из своего угла, но учитель, занятый своими мыслями, молча надел соломенную шляпу-канотье, которая смотрелась бы для европейца довольно странно вместе с его длинным голубым кимоно.

Вскоре стук его деревянных сандалий послышался со двора, мощенного каменными плитами...

Он забыл про Ютаку, простоявшего в углу до позднего вечера, и только сторож, обходя с фонарем в руке здание школы, отправил его домой.

«Если бы я был учителем, я не поступил бы так никогда», — подумал Ютака и решил стать учителем, еще не зная о том, что эта профессия, наверное, нигде в мире не относится к числу прибыльных и престижных.

И он действительно стал учителем. Своим профессиональным кредо он сделал уважение к личности ученика...

То были годы бурного экономического роста Японии. Люди жили все лучше, привыкая к реалиям быта, совсем недавно считавшимся уделом богачей, но души подростков, наоборот, черствели. Их начинала разъедать школьная конкуренция, зарождавшаяся в те годы. Под-

ростки становились эгоистичными и жесткими, исчезала дружба.

С тоской замечал Ютака, что и учителя все больше забывают о своем высоком предназначении, из духовных наставников превращаясь в равнодушных раздатчиков знаний, мерными голосами диктующих на уроках, не заботясь о том, не уходят ли их голоса в пустоту... Объявив себя рабочими, продающими свой труд, они стали бороться только за ежегодную прибавку к жалованию и ни за что больше.

Для того чтобы как-то компенсировать это, Ютака создал в своей школе бейсбольную секцию и возглавил ее, посвящая ученикам все свободное время, но чувствовал, что этого недостаточно.

«Мне нужна своя школа», — решил он.

У молодого педагога нашлись единомышленники. Одним из них был его наставник, ректор учительского института префектуры Мияги Такэдзи Хаяси.

В одной из своих последних речей он сказал так: «Нынешняя японская школа стала подобна прекрасному заливу Минамата, отравленному ртутными отходами производства химического завода. Школьный мир, некогда романтически-прекрасный, разрушается погоней за баллами, иссушающей душу ребенка».

Вскоре Хаяси умер, но до этого все же успел договориться о том, чтобы Ютаке Эндо позволили создать свою школу для воспитания детей на началах свободы.

Так случилось небывалое: в рамках государственного просвещения начинающему директору предоставили школу, основанную на противоположных ему идеалах, ищущую пути их преодоления.

Для этой цели государственная казна выделила несколько десятков миллионов иен и, самое главное, пять тысяч квадратных метров живописной предгорной местности, дышащей ароматами трав и ценящейся выше зо-

лота, потому что золото можно купить, а землю же не купишь нигде.

Как же решил воспитывать учеников хозяин новоявленного Леса свободы? Начал он, как и хозяйка «дзюку» Масако Табэи, с подбора учителей, усматривая в них самое главное. В беседах с педагогами он проверял, могут ли они свободно излагать мысли, любят ли детей.

Затем он составил собственную программу обучения, в которой вместо зубрежки ученики должны были рисовать и петь, ставить любительские спектакли, тесать бревна, разводить кроликов, ухаживать за мандариновыми деревьями, постигая таинство жизни.

Все это, конечно, было не ново, как и многое из того, что появляется в Японии, удивляя мир. Учение Эндо уходило своими корнями и в Древнюю Грецию, и в педагогику европейского Просвещения.

Эндо, впрочем, претендовал не на новизну, а лишь на свободу. Он с радостью замечал, что души ученикоз больше не задевала суетная печаль жизни, они становились ближе, добрее друг к другу.

В качестве новой цели Эндо решил привнести свободу выбора школьниками учебных предметов, давно существующую уже в некоторых западных странах...

Сейчас Ютака Эндо живет в Татикаве, пригороде Токио. Он собирается арендовать крестьянский дом и поселиться там со своими новыми учениками.

— Платон утверждал, что воспитатели и воспитуемые должны жить вместе, — говорит он.

— Ну а как же ваши ученики будут сдавать вступительные экзамены в университеты? — спрашивают у Эндо японские корреспонденты.

Он говорит им о том, что если у человека сформирован надежный фундамент знаний, то надстроить верхние их этажи не составит труда.

Корреспонденты недоверчиво усмехаются. Объяснение старого учителя кажется им недостойным делового

человека, потому что всеобщая погоня за баллом порождена самой жизнью. Школа Ютаки Эндо вряд ли выживет в ее жесткой суете.

Так что же, может быть, стоит уже сейчас закрыть эту школу за ненадобностью? Или, обреченная на убыль, она нужна и сейчас, как необходим единственный совестливый среди растлевающих друг друга, единственный правдолюб среди боящихся правды, единственный верующий среди атеистов. В какие бы строгие рамки пи загоняла их жизнь, требуя поступать так, как все, своим примером эти люди показывают, что можно жить и по-другому.

НЕНАДЕЖНАЯ УЛИТКА

Когда мы, советские студенты-сгажеры, впервые увидали свои сочинения, проверенные японскими учителями, нас удивило то, что подчеркнуты в них были не только ошибки, но и, наоборот, самые удачные фразы.

— Мы, японцы, обязательно выделяем и творческие удачи учеников! — объяснила преподавательница Эндо. — Нельзя же учиться только на ошибках, это было бы скучно! Чем более естествен для японского языка ваш грамматический оборот, тем больше витков в улитке. Наша система преподавания основана не на наказании, а на поощрении!..

На узких и многолюдных японских улицах европейцев видно за версту. Выделяет их и высокий рост, и светлая кожа. Некоторые даже оглядываются, когда мимо них проходит европеец, а дети вскрикивают или смеются от изумления, потому что европейцы до сих пор редкие гости в тесных и ярких переулках и на каменистых сельских дорогах.

И конечно, когда иностранцы заходят в вагоны электрички или метро и стоят там, смущенно поглядывая на глазеющую па них публику, их стараются не толкать, а толпа пассажиров осторожно обтекает чужаков, словно возвышающиеся между рядами кресел европейцы — это громоздкие белые фарфоровые куклы, которые могут случайно разбиться, если их толкнуть...

Но нас толкали все, часто и безбоязненно. Потому что мы были хотя и иностранцами, но еще как бы ненастоящими, зрелыми, а всего лишь молодыми неоперившимися студентами. И в этом, несомненно, было одно из преимуществ нашей жизни в Японии: никто не стеснялся нас...

Обычно, когда иностранцы произносят несколько робких слов на ломаном японском языке, их сразу же перебивают возгласами восторга:

— Ах, как вы хорошо говорите! Лучше нас самих!

Однако когда по-японски разговаривали мы, нам часто напоминали: «Да, ребята, вы говорите пока еще неважно, гораздо хуже, чем говорим мы по-японски сами. Но это ничего. Вам надо только хорошо поработать над собой...» Эти отрезвляющие слова были гораздо приятнее, чем льстивые комплименты, и мы работали, стараясь не упустить ничего...

В университете Токай нас поселили в образцово-показательном общежитии для иностранцев. В нем жили представители разных национальностей, но господствующим языком здесь оставался японский. Бывало, начнешь говорить с кем-нибудь из них по-английски, а потом незаметно оба переходим на японский. Ничего не

поделаешь: это как-то сподручнее. Хотя на первых порах странно и непривычно было толковать по-японски с интеллигентным африканцем, белобрысым датчанином и сверкающим белой чалмой индусом...

Наступило лето. Теплый ветер подул в распахнутые окна, весело заиграли блики на белых кроватях, и наше общежитие стало похожим на пионерский лагерь...

Взволнованные впервые вошли мы в аудиторию японского университета. Мы уже были опытными студентами и знали, что пройдет совсем немного времени, и эта аудитория станет нам знакомой до мельчайших деталей. Впрочем, в ней и сейчас не видно ничего особенно необычного или незнакомого, только в столах отсутствуют ящики, куда кладут портфели и шпаргалки. Очевидно, все это не принято здесь...

Тихо протренькал тактичный звонок, и в дверь кто-то громко постучал, хотя она была открыта. Таким образом, преподаватели, прежде чем войти в аудиторию, предупреждают о своем появлении и призывают к деловитости и дисциплине. Все обернулись к двери — в нее входила небольшого роста женщина в скромном летнем платье. Это была Эндо, будущий друг и советчик! Мы поднялись со стульев с некоторым трепетом...

— Как вежливы, как воспитанны советские студенты! — сказала Эндо, немного подумала и прибавила: — О!..

Она раздала нам клетчатые листки бумаги и попросила написать маленькое сочинение на тему о японской природе.

— Главное — это ставить в каждой клетке по иероглифу и не волноваться: у вас впереди еще целый год. И еще попрошу не подписывать сочинения...

Она быстро проверила написанное и отдала нам. На каждом из листов красовалась условная латинская буква — зашифрованная фамилия автора. Когда неудачные предложения вскоре были коллективно исправ-

лены, никто не стыдился за них, потому что имя автора оставалось тайной. Японцы вообще не любят обсуждать недостатки других людей, особенно в их отсутствие, и поэтому, когда в дальнейшем кто-либо из студентов простужался и не ходил на занятия, его ошибки не разбирались, а фамилия не упоминалась вовсе, словно он никогда и не существовал в природе...

Наши сочинения оказались расчерчены непонятными линиями и кружками; особенно удивило нас то, что подчеркнутыми оказались не только ошибки, но и самые удачные, правильные выражения. Рядом с умелыми фразами красовался знак, похожий на улитку; спираль с неровными расходящимися краями.

— Мы, японцы, обязательно выделяем и творческие удачи учеников. Нельзя же учиться на одних только ошибках, это было бы очень скучно! — улыбнулась Эндо. — Чем удачнее ваш грамматический оборот, чем более естествен для японского языка, тем больше витков насчитывается в улитке...

С тех пор в каждом сочинении мы стали искать улиток и изучать количество их витков. Улитка казалась нам чем-то твердым, хорошим и очень надежным...

Отметки были тоже странные. У меня, например, стояло «семьдесят семь». Значит, мы имеем дело со стобалльной системой! Я обрадовался было семидесяти баллам, думая, что это много, а оказалось, что, наоборот, мало...

Кончился первый урок, и мы гурьбой вышли на жаркий балкон, опоясывающий здание. Кругом, насколько хватал глаз, тянулись пологие горы и изумрудно сверкали в летнем зное.

— Что же все-таки восхитило пашу новую знакомую? — произнесла одна из студенток. — Может быть, наше вежливое обхождение? Но ведь никаких чудес этикета мы не демонстрировали, и наша вежливость была вполне обычной...

С балкона было видно, как внизу Эндо подошла к стоявшему у подъезда велосипеду, нагнулась, отпирая замок, села и быстро покатила по асфальтовой дорожке.

Учебный корпус возвышается совсем рядом с общежитием. Их разделяет только широкая булыжная мостовая, совершенно ровная, что довольно странно в этой гористой местности. Площадку давно облюбовали любители поиграть в теннис. А так как последних чрезвычайно много, по мостовой нужно пробегать быстро, согнувшись, как по полю боя, чтобы не угодить под свистящий упругий белый мяч. Нас обогнал пожилой и толстый профессор. Согнуться ему мешал мясистый живот, а может быть, профессиональное самолюбие, и поэтому он пугливо озирался вокруг, вытирая платком разгоряченное лицо. Еще быстрее, чем белые мячи, на мостовой мелькали загорелые руки и ноги. Один из их обладателей крикнул профессору:

— Эй, сэнсэй, вы не хотели поиграть с нами в теннис? — Все вокруг захохотали. Профессор криво улыбнулся и, тяжело дыша, убежал.

«На месте этих весельчаков мы бы прекратили игру, пока профессор проходил. Подумаешь, полминуты!» — машинально пронеслось у нас в сознании...

За предшествующие годы мы свыклись с мыслью о том, что в Японии все должны уважать учителей и оказывать им знаки почтения. На это наталкивала и дальневосточная традиция почитания старших, и то, что само японское слово «сэнсэй» настолько почетно, что при переводе пишется с большой буквы: «Учитель»...

Мы почувствовали, что Япония в очередной раз удивляет нас, и стали догадываться, что же так понравилось Эндо на нашем уроке...

Огромный рейсовый автобус неторопливо, как слон, пробирался по узеньким дорожкам и перекресткам, то и дело останавливаясь около деревень, полей и гор. Вот прошло небольшое стадо коров. В автобусе томилась

шумная компания школьников в одинаковых желтых фуражках. У широкого окна сидел молодой учитель в синей фуражке для тенниса. Бойкие школьницы крикнули с другого конца автобуса:

— Сэнсэй, как будет по-английски «корова»?

Учитель пожал плечами, смущенно улыбнулся и пересел к другому окну. Автобус грохнул от смеха, и даже шофер обернулся и строго посмотрел назад. И только нам было жалко учителя. Он был нашим ровесником, да и сами мы не раз попадали в такое же неловкое положение, и оттого всей душою сочувствовали ему...

— Теперь понятно, что так удивило Эндо! — сказала одна из наших студенток. — Я бы не хотела быть учительницей здесь...

Автобус затормозил недалеко от сосновой рощи, сквозь старинные угловатые деревья которой белели корпуса и башни университета. Мы вышли и вступили в лес. Он начинался на противоположной от рощи стороне шоссе. В лесу было сумрачно и тихо. Многозначительно застыли деревья и кусты, переливаясь зелеными огнями, и становилось радостно и страшно, словно заглядываешь в сказку. Злобно кусала ноги знакомая крапива, и если бы не возвышались на горизонте торжественные очертания Фудзиямы, мы поверили бы, что находимся в подмосковном лесу...

Вернувшись в общежитие, мы включили телевизор. Ничто так не помогает осваивать речь, как самоуверенные пояснения телекомментаторов, заученные шутки мастеров эстрады и страстные призывы рекламы, вылетающие со скоростью пулемета. Одна из программ звенела звуками гитары. Играла девочка, и непослушные струны то и дело вырывались из-под слабых пальцев. Мелодия получалась монотонной, словно девочка играла не на гитаре, а на барабане. Однако сидевший рядом с ней пожилой учитель задумчиво кивал, потряхивая жидкими длинными волосами: здесь все, кто име-

ет отношение к миру музыки, почему-то носят длинные волосы.

Наконец девочка закончила игру и облегченно вздохнула.

«Вы играли хорошо! — обратился к ней учитель. — Только слишком медленно. Прошу прощения! — Тут он взял гитару. — Я думаю, играть нужно чуть иначе, вот так...» И начал играть. Мелодия преобразилась под его пальцами. Кончив играть, учитель поклонился девочке и сказал: «Большое спасибо!» — не себе, конечно, а ей — за то, что она слушала его.

Ну и ну — удивились мы — все наоборот! Учителя кланяются, а ученики смеются... А как же насчет восточных традиций? Все было непонятно...

На следующий день мы стали с особенным вниманием прислушиваться к тому, с какой степенью вежливости разговаривают с нами преподаватели. В самом деле, их речи были очень тактичны: «Я опоздал на полминуты и почтительнейше прошу прощения!» — Такие изощренные извинения и просьбы можно услышать очень часто. Однажды молодая и решительная преподавательница Ямамото написала на проверяемом ею листе: «Давайте еще лучше будем учить слова и научимся правильно употреблять их!»

Как видно, внешние атрибуты вежливости никак не мешают высказать все, что хочется. Не стоит, конечно, думать, что учителя в Японии окружены всеобщим невниманием. Случаи ученической фамильярности редки, нетипичны и наверняка представляют собой исключения, а не правило. Но ведь есть и у них своя причина.

Наверное, дело в том, что поведение японцев, особенно молодых, во многом ограничивают, сдерживают и направляют старые обычаи. Заманчиво хоть на миг выбежать из их суровой тени и погреться в лучах свободы. Но как вести себя в этих лучах, неизвестно, обычай об этом ничего не говорит. Поэтому и легко перейти невидимые границы.

Под потолками в редакции одной из крупнейших газет «Иомиури» матово поблескивали темные пластмассовые трубы. В них постоянно мелькало что-то белое. Это летели быстрее ветра капсулы пневмопочты с самыми последними новостями, чтобы морем серых иероглифов выплеснуть на страницы газет. В типографии мы прихватили на память по свинцовой пластиночке с иероглифом, отлитым наоборот, — таких матриц скрипело под ногами несметное число, — и поднялись в тихую серо-зеленую комнату, где стали слушать рассказ одного из редакторов.

— Вообще-то мы не выдаем редакционных тайн, — сказал он. — Но, впрочем, это уже почти не тайна. Я раскрою ее вам. Вы, наверное, знаете, что недавно в газете «Асахи», — а это наша ведущая газета, — появилась новая рубрика. Она называется «Человек» и рассказывает поочередно о всех известных людях Японии. Все остальные газеты сразу же ввели такую и у себя. Вот и мы собираемся на следующей неделе, как бы это сказать, получше... скопировать ее тоже!

Увидев на наших лицах непроизвольные улыбки, редактор наконец улыбнулся и сам:

— Вас это удивляет? Напрасно! Подражание — закон нашей жизни. Мы умеем подражать и делаем это творчески: вспомните хотя бы бесконечные истории с научными изобретениями, которые мы внедряем у себя раньше, чем в странах, где эти изобретения были сделаны. Поэтому я уверен, что с подражанием вам придется столкнуться в нашей стране еще не раз...

На следующий день я проезжал по университетской территории на велосипеде. Был обеденный перерыв, поэтому на площади было очень шумно. Бежали четверо ребят в развевающихся белых халатах, из-под которых виднелись голые ноги, и все вчетвером пытались оседлать один и тот же мотоцикл. Вначале мотоцикл стоял послушно, как ишак, а потом упал набок. Поднялась суматоха, вмиг собралась небольшая, но громко сме-

ющаяся толпа. Скромные студентки, которым как восточным женщинам не подобает смеяться так громко, закрывали рты белыми платочками и от изнеможения сгибались пополам. Прямо на толпу маршировала колонна разодетых в гусарские мундиры музыкантов, которые топали и махали руками невпопад. Сверкали музыкальные инструменты. Студенты готовились к празднику основания университета.

На следующий день в аудитории Эндо поставила перед доской скамейку, сбросила туфли, взобралась на нее и начала писать на доске столбцы разлапистых иероглифов, то приподнимаясь на цыпочках, то садясь на корточки, когда столбец достигал основания доски. Мы присмотрелись — и узнали свои предложения с ошибками. Правильно ли копировать ошибки па доске? Не лучше ли исправлять их сразу? Очевидно, возможно и то и другое. Но способ Эидо нам нравился.

Когда преподаватели устной речи слушали, как мы говорим по-японски, а потом изображали некоторые наши ошибки, мы бывали поражены: из уст преподавателей начинал звучать неподдельный русский акцент, хотя русского языка они не знали. Ведь даже в каратэ тренеры так ловко изображают малейшие, незаметные с виду, ошибки учеников, что умудряются пародировать их, хотя нелегко передать смешной оттенок в высоко поднятом локте или выдохе, который вырвался на секунду позже, чем положено правилами...

В Токио, недалеко от заросшего тиной пруда, опоясывающего остров императорского дворца, шумит книжный базар Канда. Когда шагаешь по его узким улочкам, вдоль раскрытых дверей и окон крошечных магазинов, то кажется, что плывешь по безбрежному океану книг. Здесь продаются и старинные фолианты, и издания старых и новых писателей любых времен и народов, направлений и стран. Кажется, нет большего наслаждения, чем рассматривать пожелтевшие листы и вдыхать их волнующий аромат.

Однажды я купил там дешевую английскую книжку о буддизме. Выбрал я ее главным образом потому, что каждое слово в ней было подчеркнуто, а сверху крошечными иероглифами подписано несколько вариантов перевода. На полях сбивчивым почерком были набросаны по-японски самые трудные из английских предложений. Страницы книги потеряли свой матовый белый цвет. Они стали фиолетовыми...

Я представил, что за удовольствие было читать книгу таким изнурительным способом. Очевидно, до меня книга принадлежала японскому студенту, который учил по ней английский язык. Изучение это было характерно восточным, и затраченного на пего труда и терпения хватило бы на то, чтобы вырезать из слонового бивня причудливую модель храма с множеством шариков и подвесок... Хотя английский язык и для меня тоже иностранный, я никогда не учил его с таким фанатическим рвением и буддийской отрешенностью...

В один из дней Эндо устроила устный опрос, а потом сказала одному из нас:

— Что ж, вы отвечали гораздо хуже, чем ваш сосед. Но я все равно поставила вам обоим одинаковые баллы, потому что вы не пропустили ни одного занятия, а ваш сосед пропускал...

— Но ведь я же болел! — удивился сосед — У меня и справка есть...

— Это уже мало что изменило! — улыбнулась Эндо. — Усердие и прилежание — вот главные достоинства, которые ценятся у нас превыше всего. А посещаемость — это и есть усердие! Например, знаете ли вы, отчего так много японцев носит очки? Оттого, что мелкие иероглифы трудны для зрения. Однако мы не собираемся упразднять их, ибо они развивают усердие, помимо остальных причин. Я согласна, что в наш век, который многие считают веком научно-технической революции (хотя этот взгляд односторонний), принцип упования на прилежание и усердие устарел... Но тради-

ции — слишком дорогая вещь, чтобы можно было с легкостью отказаться от них! Это то же самое, что снести старинный дворец: его уже не построить вновь, а даже если построить, то это будет лишь копия настоящего, разрушенного... Если высокомерно и самонадеянно забыть традицию, то это неизбежно отзовется потом, обязательно отзовется!..

Подчас в Японии не знаешь, как отличить древность от современности. В двух самых старых храмах этой страны — в городах Камакура и Никко — сохранились на потолках два рисунка, очень похожих друг на друга: очевидно, они принадлежали кисти одного художника. Войдя в сумрак храмов и задрав головы, мы увидели, как гордо и равнодушно раскинул по потолку крылья и когтистые лапы огромный дракон. Он был написан в столь модернистском стиле, что нам ничего не осталось, как вспомнить о том, что ничто не ново под Луной...

Во дворе одного из токийских храмов религии синто стоял небольшой бетонный домик, в котором помещалась канцелярия. Окна были распахнуты, и в комнате, уставленной зелеными грифельными досками, за серыми конторскими столами сидели два молодых жреца в длинных зеленых юбках и белых кофтах с бантами. Оба играли на старинных длинных флейтах, и звуки — резкие, непривычные и сиротливые — грустно затихали в сдержанном шуме толпы. Никто не замечал их...

Каждый день мы слушали лекции. Читать их приходили разные преподаватели: молодец со стальным взглядом, старенький профессор в пиджаке довоенного стиля и расстегнутых сандалиях, молодой франт в черных очках — по возрасту он был немногим старше нас и потому очень смущался. Были и другие преподаватели, но всех объединяло одно: манера чтения лекций.

Как и на однообразно-пестрых улицах Токио, в лекциях не по чему было ориентироваться. В них не было

привычных вступления, основной части и заключения, этих достижений классической европейской логики. Лекции текли размеренно и неторопливо, как ручеек. Его можно было попытаться замутить, бросив камень неожиданного вопроса, но ручеек деловито проглатывал его, и камень бесследно исчезал. Более того, если никто не кидал спасительных камней, своенравный ручеек начинал волноваться, преподаватели недовольно поглядывали по сторонам, мялись — и неожиданно переводили разговор на тему, которая обязательно вызвала бы вопросы: о японских кушаньях или крестьянских суевериях.

— Передайте иностранным студентам, чтобы они задавали вопросы во время лекций! — просили преподаватели чиновников университета: по непонятным соображениям сами они не говорили нам этого.

Мы же, привыкшие задавать вопросы только в конце, сидели напряженные и все никак не могли найти момента, чтобы вставить заранее подготовленный вопрос.

Мы терзались сомнениями до тех пор, пока не прочитали старинный знаменитый силлогизм, образец традиционной японской логики: «Когда дует ветер, поднимаются тучи пыли; пыль засоряет глаза, и много людей становятся слепыми; слепцы начинают играть на сямисенах, а их делают из кошачьих шкур; поэтому, когда дует ветер, кошек становится меньше»...

И лишь тогда мы вспоминали, что невеселая эта история подспудно звучала в каждой из лекций. Мы поняли, что такова традиционная манера чтения, и ничем не изменить ее. Поэтому стали принимать лекции такими, какие они были, и научились ловко перебивать вопросами профессорскую речь. И исчезло чувство напряженности и беспокойства; мы почувствовали облегчение, словно рухнула одна из опор невидимой стены непонимания.

В один из дней Эндо пригласила нас в гости. Она жила со своим мужем в маленьком домике на окраине

Токио. Мы довольно скоро нашли его в муравейнике точно таких же домиков — и позвонили. Пока, неуклюже поворачиваясь в тесной передней, мы снимали обувь, проходили в комнату и рассаживались на диване и стульях, стояла неловкая тишина. Разговор не завязывался потому, что все ждали, когда придет с работы муж Эндо, а без него начинать было как-то неудобно. Наконец в передней раздался звонок, потом громкий шепот, и в гостиную вошел сам Эндо-сан и посмотрел на нас усталыми глазами.

— Ах, как я хотел бы уехать туда, где совсем нет людей! — сказал он вместо приветствия. Мы молча поклонились в ответ.

— Вы что же, еще студенты? Хорошее время! — продолжал он. — Когда я был студентом, я даже думал, что и дальнейшая жизнь будет такой же веселой и независимой. Я любил получать улитки, у меня их было много, и они казались мне чуть ли не воплощением надежности студенческой жизни. Я с детства не любил кланяться, хотя это принято у нас, и студентом поклонился только однажды, принимая из рук ректора свиток диплома... А теперь приходится кланяться на каждом шагу! Чтобы продвинуться по службе, нельзя ни на минуту поднять голову от стола, нельзя даже допустить, чтобы кто-нибудь усомнился в том, что ты работаешь не на пределе сил. Нельзя расстегивать пиджак и развязывать галстук даже в самую ужасную жару! Эта изматывающая боязнь всех, потому что каждый может оказаться доносчиком хозяина! А этот ужасный обычай песен и совместных выездов на пикники! Завтра юбилей фирмы, и мне снова придется петь. Что я, певец? Я устал, устал от общения!..

Он быстрыми глотками выпил стакан пива.

— Ну, ладно, — сказала ему Эндо. — Совсем вы замучили ребят... — Как и многие японские жены, она называла своего мужа на «вы». Чтобы изменить тему разговора, она спросила у нас:

— Читали ли вы недавно в газете «Асахи» статью о советской литературе?..

Мы принялись за обсуждение этой статьи, по слова мужа Эндо не давали нам покоя...

Увлеченные разговором, мы не заметили, что свет па улице стал синим, и в окно заглянули потемневшие горы. Разговор прекратился, и все задумались.

В углу блестело коричневым деревом небольшое пианино. Эндо поднялась с кресла, подошла к инструменту, с тихим стуком открыла крышку и взяла несколько аккордов. Чувствовалось, что играет она не мастерски, а так как играют дома — неловко и доверчиво.

Она чуть помедлила — и в сумрак комнаты полились прекрасные и до боли знакомые звуки июньской баркаролы Чайковского... Они пели о всем милом и безвозвратно ушедшем. Вспоминался родной дом, дорогие лица, тихие московские переулки с узорными чугунными оградами между спящими домиками, их наивные лепные украшения и потемневшие двери, хранящие голоса давно исчезнувших людей... Тихо и робко зовут домой звуки июньской баркаролы. Давно уже миновал июнь, пролетели лето и осень, кончается зима, и скоро, когда из лесов польются прохладные звуки мартовской песни жаворонка, мы улетим домой. Скорей бы наступил март!

Недалеко от главного входа в университет белеет приземистое двухэтажное здание. Днем и ночью стены его тускло блестят, потому что все облицованы кафелем, и оттого здание очень напоминает громадный умывальник. На белой стене издалека видны четкие черные иероглифы: «Клуб встреч однокашников». В один из промозглых зимних вечеров мы стояли в толпе японских студентов, собравшихся в одной из влажных и холодных комнат этого клуба. Все присутствующие были

коллегами наоборот: одни — русскими японистами, другие — японскими русистами. В середине толпы, потрясая громким микрофоном, выделялся развязный ведущий. Фамилия его была Като, и он так ловко тарахтел по-русски, что становилось ясно, почему именно его поставили на этот пост. Като даже немного удивил нас, потому что действовал вразрез с древней японской традицией изучения языков. Это правило Конфуция часто мешает японцам говорить на других языках, потому что традиция очень почтительно относится к письменной речи и пренебрежительно — к устной, ибо та — удел неграмотных. Поэтому и существует множество японцев, которые десятилетиями изучают, например, английский язык, блистательно читают и пишут на нем, переводят романы, но вслух не могут произнести ни слова. Одного за другим Като вызывал студентов к микрофону и заставлял говорить в него — русских — по-японски, а японцев — по-русски.

К нам подошел высокий, нескладный студент и, согнав с лица улыбку, сказал:

— А вы уже неплохо говорите на нашем языке! Хотя вы и делаете мелкие ошибки, но мы понимаем полностью смысл ваших слов!

Мы самодовольно переглянулись: эти слова были для нас дороже любых пышных комплиментов. Тем более, что не так давно нам говорили совсем другое.

— А вот Като, — продолжал незнакомый студент, внимательно глядя нам в глаза, — тоже хорошо владеет русским языком, но это потому, что он каждый день по четыре часа страдает над магнитофоном. Он типичный зубрила. Посмотрите хотя бы на его очки!

В самом деле, такие очки в скучной черной оправе почему-то носят только зубрилы, словно им нравится, когда их узнают издалека.

— Ну вот, — сказал студент и перешел на пониженный тон, — сейчас этот гений вытянет и меня и заставит вещать по-русски. А я, сами понимаете, не такой

оригинал, как он. Пожалуйста, напишите мне по-русски, но японскими буквами приветственную речь. Не увлекайтесь: краткость — сестра таланта.

Наш новый знакомый словно в воду глядел — через минуту он уже гордо возвышался над микрофоном, и, небрежно посматривая в бумажку, со значительным видом ораторствовал. Он делал это блистательно и при этом так задумчиво глядел вдаль, словно сам создал эту речь в порыве вдохновения.

— Благодарю! — сказал он, подойдя к нам снова. — Я учусь на четвертом курсе, скоро заканчиваю университет, а зовут меня Киёси. Ну а изучаю я самую сложную в мире науку.

— Какую же? Медицину?

— Нет, науку человеческих отношений. Я социолог. Вы, например, знаете, почему плакаты с требованиями снижения платы за учебу и предоставления права на забастовку висят на внешней стороне ограды, а внутри — только объявления о матчах тенниса и призывы заниматься старинным пением? Причина — в устройстве общества! Ну, до встречи завтра, потому что завтра все едем на океан!

В любом, даже самом маленьком городишке есть несколько приземистых зданий, похожих на бараки. От обычных домов их отличает только вывеска, на которой облупленной краской написано: «Народный ночлег». Это дешевые гостиницы. Сколько ни бегай, ударяясь головой о низкие притолоки, по их темным коридорам, здесь не найдешь ни вилки, ни ложки, ни куска хлеба, ни стула, ни стола, ни даже унитаза. Ни одного предмета европейского обихода нет в них. Японцы здесь чувствуют себя как дома, а иностранец понимает, что попал в настоящую, истинную Японию, которую не найти ни на надменной Гиндзе, ни в аэропорту Ханэда.

В комнату с соломенным полом, на котором сидели, читая японские газеты, русские и японцы, вошла студентка Митико.

— Мальчики, можно принести ужин? — спросила она.

— Давай неси, неси! — радостно загалдели все и бросились помогать ей. Одни расставляли на полу длинные столы, другие раскладывали на них палочки, третьи побежали за подносами с едой. И только несколько человек, в том числе Киёси, продолжало сидеть на подушках и деловито листать журналы.

— А мы уже на четвертом курсе, нам работать не надо. Мы старшие, сэмпаи. А они — кохаи, младшие! — хмуро пояснил Киёси.

Вскоре все уселись, скрестив ноги за столами, на которых красовалась острая и резко пахнущая, но давно распробованная и привычная национальная японская еда.

Сидевшая во главе стола Митико не успевала накладывать все новые чашки риса и передавать их ребятам, бежать для них за водой, открывать бутылки с пивом. Ее палочки лежали нетронутыми, потому что она была еще ниже, чем кохай, она была женщиной.

Вскоре настало время для веселого обычая песен, и мы устало посмотрели друг на друга.

— Пусть первыми поют кохаи! — крикнул вдруг Киёси. — Пусть поет первокурсник Нодзаки!

Сидевший с краю щуплый Нодзаки поклонился, высвободил правую руку из рукава кимоно, отчего стали видны худые ключицы, и запел знакомую нам песню о сакуре.

— Ты же кохай, — снова крикнул неугомонный Киёси. — А ну встань! И пой стоя!

Нодзаки поспешно встал и продолжил песню.

На следующий день утром начались занятия русским языком. За каждым из столов сидели на корточках трое — сэмпай, кохай и один из нас. Сэмпай давал задания, кохай их послушно выполнял, а русский поправлял произношение. Непривычно звучал русский язык из чужих уст. Все было четко и правильно, но что-то заде-

вало слух, как в предложении: «В своей молодости Л. Н. Толстой бывало охотился на волков»...

После занятий все пошли купаться на океан, в бухту, которая была так красива, что казалась срисованной со старинной гравюры: темно-синяя вода, серый мягкий песок и два причудливых островка, на которых свистят сосны. Во время купания каждый из кохаев подплыл к своему сэмпаю, сидевшему с ним за столом во время занятий, и, переводя дыхание, сказал:

— Сэмпай! Большое спасибо за то, что вы сделали для меня сегодня утром!

— Пожалуйста! — отвечали им сэмпай по-русски, — до свидания! Как поживаете? Ха-ха-ха!

Они стеснялись говорить по-русски с нами, но с удовольствием делали это с теми, кто знал язык наверняка хуже их.

— Так вот где зародыш будущего превращения! — подумали мы. — Вот почему бесшабашные весельчаки так легко становятся хитрыми чиновниками, бодро кланяющимися при каждом слове хозяина.

Когда, обвязавшись полотенцами и надев легкие гостиничные кимоно, студенты возвращались в гостиницу, Киёси увидел пожилую женщину, которая, не торопясь, спускалась по склону горы.

— Это место называется Мацусима! — сказал ей Киёси, указывая на бухту. — Пожалуйста, наслаждайтесь им!

— Большое спасибо, — расплылась в улыбке старушка, хотя наверняка знала, как называется эта бухта, потому что жила здесь.

— Вежливость живет у нас в крови, — гордо сказал Киёси, — потому что мы издавна жили скученно и боялись испортить отношения с окружающими, а спрятаться или уйти от них мы никуда не могли.

За спиной послышался скрип песка под деревянными сандалиями. Это догонял нас вчерашний певец Нодзаки, он был кохаем у Киёси.

— Ну что, Нодзаки, пойдем жрать? — дружески улыбнулся ему Киёси, но вдруг, увидев, что я здесь, он изменился в лице и поправился:

— Пойдем есть... Ты ничего не слышал! — повернулся он ко мне.

Я снисходительно улыбнулся: слыхал бы Киёси кое-что другое! Хотелось успокоить Киёси, сообщить, что это слово не столь ужасно, что от него произошло старинное и романтическое слово «жрец», поскольку их деятельность неотделима была от обрядовых трапез. Но он бы не понял меня, потому что в японском языке слово «жрец» звучит по-иному.

Как несправедлива судьба слов! На заре человеческой культуры они полноправно означали то, что сейчас называют ими лишь оскорбительно. Вот почему иногда усмехаются историки, читая древние манускрипты. Как исчезнувшие племена, слова оставили сонмища потомков и безмолвно повторяют себя в них. Но никто не рад грубым предкам, как никто не обрадовался бы, узнав, что «врач» происходит от слова «врать», то есть «предсказывать». Но в Японии судьба этих наивных и некультурных предков еще более унизительна. Здесь они самые страшные ругательства, и даже само слово «плохой» стараются не употреблять, и вместо него говорят «нехороший».

Я только один раз видел, как японцы ругались между собою. При входе на станцию метро сидел толстый молодой железнодорожник и специальными щипцами пробивал дырочки в билетах. Пожилой мужчина сунул ему свой билет, а железнодорожник неловко выпустил билет из пухлых пальцев, и он провалился в щель. Пропали сто иен!

— Дурак! — в сердцах сказал мужчина и густо покраснел.

Железнодорожник тоже покраснел, как помидор, и стал смотреть в пол, а мужчина сел в поезд и уехал.

Чем быстрее мы начинали ориентироваться в языке,

тем более сложные темы для сочинений подбирала нам Эндо. Однажды она задала нам сочинение, озаглавленное одним словом: «Желание». Я вспомнил рассказ знаменитого писателя Акутагава «Бататовая каша» и написал о нем. В рассказе говорится о том, как бедный самурай все мечтал поесть княжеского блюда — бататовой каши, хотя бы немного; наконец князь дал ему целый большой котел. И удивительно — самураю сразу расхотелось есть кашу, которую он так мучительно желал. «Ах, какая безрадостная вещь — удовлетворенное желание. Получишь желаемое — и испытаешь одно лишь разочарование...» — написал я. Сам я был не совсем согласен с этим, а писал больше для того, чтобы блеснуть перед бедной Эндо своей просвещенностью. И еще я знал, что такое понимание человеческих желаний было буддийским.

Но когда я с интересом развернул широкий лист, то на нем красовалась огромная улитка, взволнованной рукою Эндо было написано: «Как вы правильно все это понимаете!» С того дня, разговаривая с нею на занятиях, я стал замечать, что Эндо стала относиться ко мне заметно лучше.

Как-то раз мы с Киёси зашли в придорожную харчевню. Она была маленькой и тесной, и официантка, несшая поднос со стаканами воды, протискиваясь между столами, споткнулась о чью-то ногу, с грохотом опрокинула на Киёси весь поднос...

Я думал, что Киёси рассердится, а он громко захохотал. Покатывалась со смеху и официантка, прижимая к груди мокрый поднос. Остальные посетители с улыбками смотрели на них, словно все происходившее было невинной шуткой.

— Мы не любим огорчаться из-за мелких неприятностей, — объяснил мне Киёси, утерев слезы смеха. — Ведь в жизни их слишком много. А главное — их не может не быть, они неизбежны! Так зачем же тогда тратить на них силы души?..

— Да ты, оказывается, настоящий буддист?

— Нет, я просто японец! — улыбнулся Киёси. — Буддизм слишком давно пришел в нашу страну и глубоко проник в наш характер.

Через несколько дней у нас начались небольшие каникулы, а в университете Токай — приемные экзамены. Недалеко от входа вывесили огромный плакат: «Здесь находятся места ожидания для родителей и старших братьев». Под этим листом, на ступенях административного корпуса, рядом с грустными родителями на складных стульчиках сидели плачущие бабушки, стояли, озабоченно наморщив лбы, старшие братья, и не упомянутые в объявлении старшие сестры прижимали к глазам белоснежные платки...

При входе в университет дежурила группа студентов. Когда к ним приближался очередной абитуриент, стесняющийся и дрожащий от страха, студенты во всю силу легких кричали ему: «Доброе утро!» — и прикалывали к лацкану пиджака огромную шелковую розу. После этого абитуриенты преображались: по-военному выпрямляли они спины и, сверкая розой, торжественно шли по аллее строгой, скользящей церемониальной походкой, которая с давних времен спит в ногах, должно быть, у каждого из японцев.

Ко мне подошел пожилой профессор, принимающий экзамены. На груди у него также колыхалась шелковая роза.

— Вас удивляет этот цветок? — спросил он по-русски. — Роза — это пропуск на экзамены. Он нужен для того, чтобы на территорию не ворвались левоэкстремистские элементы и не забросали нас самодельными бомбами и бутылками с зажигательной смесью, стремясь сорвать экзамены... Экзамены — очень деликатное дело! — пояснил он. — Очень щепетильное! — и гордый

знанием столь редких слов, улыбнулся широкой улыбкой.

А в это время по всей Японии проходили другие экзамены. Их сдавали взрослые люди, окончившие университет. Это были вступительные экзамены на фирму. Трудна жизнь японского выпускника университета!..

На каждой фирме — свои экзамены.

— У нас, — объяснил нам один из редакторов в газете «Асахи», — нужно за сто минут отгадать сто английских слов и написать их толкование. Если сразу же не всплывет в памяти нужное слово — все, ты его уже не напишешь: на раздумья времени нет. Вот один из таких вопросов: «О какой американской фирме сейчас больше всего говорят в печати?» — О фирме «Локхид», которая давала взятки высокопоставленным японским чиновникам и крупным предпринимателям, чтобы получить выгодные заказы в Японии.

— Правильно! «Локхид» — это и есть нужное слово. А когда сюда поступал я, то написал все сто слов! — сказал редактор и гордо поднял руку.

Но дело, оказывается, не только в экзаменах. У стены главного корпуса университета стояла молчаливая толпа выпускников. Маячила в ней и длинная фигура Киёси. Все тихо смотрели на большое объявление, сердито колыхавшееся на ветру. В нем в изысканных выражениях сообщалось о том, что администрация просит выпускников самих искать себе работу...

В руках выпускники сжимали тонкие листы экзаменационных сочинений. Ветер, шелестя, раздувал их, и на них виднелись заветные и уверенные улитки. Как, оказывается, ненадежны они! Киёси серьезно посмотрел на меня:

— Жизнь есть жизнь... Да и университет наш принадлежит к числу второсортных...

— А что, разве университеты бывают разных сортов?

— Конечно! Первый — это Токийский университет,

Васэда и еще один-два. Только их выпускники по традиции могут быть приняты в самые солидные фирмы и министерства. А я — второсортный выпускник, и перспективы у меня соответствующие. Но ведь есть еще и третий сорт... Что будет с такими выпускниками, я и не представляю.

Университет Токай — частный, как и большинство высших учебных заведений этой страны. Государственные составляют лишь более четверти из почти пятисот японских вузов, хотя исторически первыми возникли именно они.

После буржуазной революции Мэйдзи в 1868 году было основано семь императорских университетов для подготовки из детей знати политических деятелей ортодоксальной ориентации, руководителей министерств, дипломатов, а также врачей и ученых-естественников. Частные университеты, которые возникли несколько позже, воспитывали деятелей оппозиционных партий, предпринимателей средней руки, журналистов для неправительственной печати. Многие из частных вузов — такие, как Васэда, София, Кэйо, — получили всемирную известность и стали во многом характеризовать систему высшего образования в Японии. После войны их число резко возросло, создав базу для мощного научно-технического рывка страны. Но государственные университеты, и в первую очередь Токийский, по традиции и сейчас считаются более престижными, и самые способные из абитуриентов мечтают поступить именно в них.

Каждый год половина выпускников японских школ сдает вступительные экзамены в университеты. Рекордное число абитуриентов, миллион шестьсот тысяч, было отмечено в 1988 году. Значительно больше половины из них набрало необходимое число вступительных баллов, для чего всем вузам пришлось резко расширить квоту приема, все равно оказавшуюся маловатой.

И только один институт недосчитался абитуриен-

тов — Академия национальной обороны. Вместо ожидавшихся пятисот курсантов туда было зачислено всего четыреста, и это тоже был рекорд, самый низкий за всю послевоенную историю страны.

В связи с этим щекотливым итогом в академию пригласили журналистов и провели пресс-конференцию, на которой начальник отдела кадров сказал: «Многие абитуриенты решили, что наша академия им не подходит, и предпочли ей гражданские вузы...»

Действительно, большинство ребят, уже приступивших к вступительным экзаменам в академию, забрали свои документы и отвезли их в другие университеты Токио, которые, как считали они, в большей степени соответствуют их жизненным планам.

Все меньше молодых японцев желает сейчас связывать свою судьбу с военным делом, понимая, что будущее их страны — не в войне.

Офицерская карьера не приносит сейчас не только доходов, но и престижа. За все послевоенные годы это ремесло до сих пор не прижилось в сознании японцев и рассматривается как незаконный, ненадежный промысел, поскольку конституция страны, как бы ни трактовали ее буржуазные политики, запрещает Японии иметь армию и вести войну. А солдатами в японские войска вступают, спасаясь от безработицы, как правило, сыновья из бедных семей, из сельской местности, из отдаленных уголков страны. В целом же молодежь идет в них вяло.

Это подтверждают и здоровенные молодчики полубандитского вида, дежурящие у выходов из вокзалов, — вербовщики «сил самообороны». Углядев в толпе кого-нибудь из одиноко идущих молодых людей, они группой подбегают к нему и, жестикулируя, начинают с жаром уговаривать, но тот чаще всего проходит мимо, не удостоив ответом и делая вид, что ничего не слышит.

Даже социальный статус военных в стране до сих пор не определен — хоть они носят форму и имеют до-

ступ к мощному современному оружию, по документам все равно числятся просто служащими, словно гражданские чиновники, а не военнослужащими, каковых здесь, как ни крути, по-прежнему нет.

Говорят, что все они — и солдаты, и офицеры — порой испытывают трудности даже при заключении брака: японки не спешат соединяться с ними семейными узами, считая такую работу недостойной настоящего мужчины.

Все это порождает духовный дискомфорт у военных, и не случайно премьер-министр Японии Нобору Такэсита, выступая в том же 1988 году перед выпускниками Академии национальной обороны, обратился к ним с уклончивым призывом: «Служа, вы не должны поддаваться сомнениям, сознавая то, что занимаетесь нужным делом. А вот как раз японскому народу следует воспитать в себе большее понимание необходимости иметь вооруженные силы...»

Увы, понимание это развивается не в том направлении, в каком хотелось бы премьеру. Как показал опрос, проведенный недавно среди выпускников школ, лишь семь процентов из них собираются в случае начала войны сражаться за свою державу. Остальные же намерены вести антивоенную пропаганду, или — а таких большинство — укрыться в нейтральных странах.

Японские подростки, как и их ровесники во всем мире, любят порой щеголять в военных мундирах — но исключительно иностранных. С удовольствием надевают они расшитый золотом, шелковыми шнурками старинный мундир гусара, которые носят сейчас самодеятельные оркестранты. В кварталах лавок молодежной моды обязательно найдешь магазин и военной одежды, откуда подростки выходят в киверах и фуражках, американских пехотных куртках, сапогах со шпорами, в орденах. Мундиров каких только армий, — старых и современных, реальных и вымышленных, — ни увидишь на них! Нет здесь предметов одежды только одной ар-

мии, японской: ни широких галифе с обмотками и плоских фуражек, в которых ходили японские захватчики в оккупированных странах в годы второй мировой войны, ни обмундирования нынешних сил самообороны.

Незаметно подошел день нашего расставанья с университетом Токай. Как быстро пролетели месяцы учебы, полнотой впечатлений ускорив невозвратное время! На прощание Эндо поставила каждому из нас по улитке и написала рядом несколько приятных, искренних слов:

— Вы стали хорошо писать сочинения!

— А вы научились свободно изъясняться по-японски!

— Не могу не отметить, что вы стали знать очень много иероглифов!..

Учеба в университете Токай научила нас не только японскому языку. Жизнь среди студентов, широкое общение в различных слоях общества открыли нам многие из тех специфических сторон повседневной жизни японского народа, которые нередко ускользают от внимания европейца.

КАРАТЭ НАЧИНАЕТСЯ С ПОКЛОНОВ

— Время! — крикнул кто-то, и оба каратэиста приняли боевые стойки.

Смеющиеся глаза Маэды неожиданно стали холодными и страшными. Его соперник старался сделать свой взгляд таким же, но это не получалось, и его глаза оставались добрыми, а босые ноги нервно переступали по паркету, ища удобной позиции. Маэда с презрением смотрел на него, громко дыша, и вдруг, не размахиваясь, изо всех сил ударил соперника ногой по щеке. Тот молча согнулся от боли, и тут же, как молния, блеснула его нога в белой штанине...

— Время! — снова крикнул кто-то, и оба они вдруг рассмеялись...

На жаркой улице было шумно. На плоской крыше высокого университетского здания тренировались каратэисты, и на фоне голубого неба были четко видны их белые фигурки, которые дергались как заводные. Через равные промежутки времени сверху доносились громкие крики.

На балконе, который опоясывал здание, стояли в ряд человек двадцать студентов и хором тянули одну ноту: «А-а-а...» Они извещали о том, что в студенческом клубе начинается дискуссия. Заканчивались занятия, и отовсюду доносился смех и озорные звонки велосипедов. Семенил старенький профессор, и на голове у него болтался огромный колонизаторский шлем, но никого вокруг это не удивляло. Из соседнего корпуса, где находился музыкальный факультет, лились мощные звуки сочинений Бетховена. И эта прекрасная, торжественная музыка, дикие выкрики, странное пение, смех и оглушительные звонки сплетались в резкую, непривычную и томительную мелодию.

Было очень жарко, и глянцевые листочки деревьев блаженно вздрагивали — очевидно, такая погода им была как раз по душе. Под деревьями томились студенты. Они зябко подергивали плечами и громко втягивали воздух сквозь зубы, словно им было очень холодно: так японцы реагируют на жару. В руках они сжимали теннисные ракетки. Вдруг откуда-то послышалась резкая команда, и ребята быстро положили ракетки, сбросили одежду, оставшись в одинаковых белых рубашках и шортах, и через мгновение уже бежали по кругу, ритмично напевая, как всегда делают японцы, когда бегут. Бежавший первым выпевал первую ноту, и все хором подхватывали однообразный мотив. Бег прервался так внезапно, как и начался, и все вдруг оказались стоящими в строю. Явился тренер в жокейской фуражке, достал из кармана смятый листок и стал делать перекличку, по-военному отрывисто выкрикивая фамилии.

Затем студенты всем строем поклонились ему в пояс

и ринулись к связкам ракеток, расхватали их, как винтовки во время тревоги, и через секунду упругие мячи засвистели по площадке, как пули. Во всем этом чувствовалось что-то очень далекое от тенниса, казалось даже, что вовсе не теннис был главным сейчас, а служил атрибутикой чего-то другого, но чего? Угадать было невозможно. Мне почему-то вспомнились старые послевоенные фотографии усталых спортсменов, марширующих с тяжелыми ружьями в руках. Так, под видом спортивных клубов восстанавливались японские «силы самообороны». На лужайке происходило, конечно, не это...

Сразу же за университетской оградой возвышается изящное сооружение из белого дерева, просторное и раззолоченное, как храм. Целыми днями из-за его гулких стен раздаются леденящие душу крики. Здесь занимаются японскими видами спорта — дзюдо, кэндо, кэмпо и каратэ. Каждый вечер со всего университета сюда стекаются толпы студентов. Все до одного — мужчины. Перед широким подъездом они кланяются зданию, снимают обувь и скрываются за раздвижными дверьми. Вскоре многие выходят тренироваться на улицу, одетые в длинные черные юбки или белые куртки и брюки.

Узнав о том, что заниматься каратэ нам порекомендовал сам ректор Мацумаэ, руководство каратэистского клуба сообщило на кафедру для иностранцев о том, что оно согласно допустить нас к занятиям.

И вот в один из вечером мы с волнением переступили босыми ногами через железный порог.

— Ос! — гаркнул кто-то за спиной.

Оглянувшись, мы увидели студента в белой форме для каратэ, который часто и низко кланялся каратэисту постарше, с черным поясом на форме. Тот шествовал небрежной походкой и не обращал никакого внимания ни на крики, ни на поклоны...

В холодной кафельной раздевалке, между железными полками для одежды, белела большая газовая ко-

лонка. На ней была распята куртка, которую бережно поддерживали двое первокурсников. Они хмуро посмотрели на нас и отвернулись, ясно давая понять, что вовсе не наше дело задавать глупые вопросы о том, чем заняты и кто хозяин этой куртки.

Ладно, ладно, не будем спрашивать, тем более что уже и так все ясно. В раздевалку вошел студент четвертого курса. Лицо его было мне знакомо, я и раньше несколько раз видел его в аудиториях, но не догадывался, что он каратэист, потому что он не производил впечатления богатыря, я не знал тогда, что таковы и все каратэисты, что этот спорт делает мускулы тонкими и прочными, как тетива лука. Вошедший был одет по неписаной студенческой моде — в узкие обтягивающие брючки голубого цвета и майку с номером на спине (почему-то японцы любят щеголять в майках с цифрами). При его появлении распластанная на горячей колонке куртка беспокойно задергалась — четыре руки торопливо прощупывали и поглаживали ее, проверяя, как она нагрелась, и две пары узких глаз зорко следили за тем, как вошедший медленно стягивал свою майку. И только майка безжизненно упала на железную полку, тут же двое, подхватив куртку, подбежали к ее обладателю. Тот и бровью не повел, словно куртка сама прилетела и опустилась на его спину, и неторопливо повязал черный пояс.

С его появлением в раздевалке воцарилась напряженная тишина, и слышно было, как хлещут на пол струи воды в пустом душе.

— Во сколько начинаются занятия? — шепотом спросил я у одного из студентов.

— Я не могу отвечать, спросите у старшего, «сэмпая»...

Но вдруг сверху послышался гортаный выкрик, и все сломя голову бросились вон из раздевалки.

В огромном зале сверкал паркетный пол. Это была роскошь — мало кто в этой стране может позволить

себе столь дорогое удовольствие, как пол из настоящего дерева. Даже письменные столы, стулья, кровати и шкафы здесь предпочитают делать из железа, и в промозглые зимние дни такая мебель сама источает холод.

На стене, противоположной от входа, колыхалось белое полотнище с красным кругом в середине. Веками этот круг украшал штандарты самураев княжества Симадзу, а после буржуазной революции 1868 года, свершенной длинными мечами самураев, княжеский герб стал флагом всей страны.

Поэтому при входе в зал все встают на колени и низко кланяются флагу, а заодно и самому залу. Ведь этот зал — священное место для постижения истины. Недаром в слово «каратэ-до», как и в слово «дзюдо», входит древний иероглиф «путь», символизирующий непостижимый путь человеческой жизни *.

Несмотря па такие вековые традиции, каратэ возникло совсем недавно — в двадцатые годы нынешнего века. В основе каратэ лежат приемы битвы без оружия, применявшиеся крестьянами острова Окинава в борьбе против японских самураев. Много позаимствовало каратэ из традиционного военного спорта Японии, и из схожих видов борьбы соседних дальневосточных стран. Основное в каратэ — удары кулаком и ногой в самые болезненные точки человеческого организма — в промежуток между верхней губой и носом, в желудок, под коленку. Каратэ — это спорт безоружных и слабых, поэтому главное в нем не сила, а ловкость. Выпирающих мускулов нет у каратэистов еще и потому, что они, по восточной традиции, главное внимание уделяют не силе плечевого пояса, а подвижности и стойкости поясницы и ног. Как и любой традиционный род занятий в Японии, каратэ раздроблено на множество школ и направ-

* Часто вместо слова «каратэист» говорят «каратист». Это неправильно, потому что искажает смысл, как если бы вместо «футболиста» говорили «футист». «Кара» значит «пустой», «тэ» — «рука».

лений и имеет сложную иерархию. Ступеней мастерства очень много, и они делятся на четыре больших группы, которые отмечаются цветом пояса: белым, коричневым, черным и красным. Обладателей самого высокого красного пояса лишь несколько в Японии...

Снова прозвучала команда. Кто кричал, понять было трудно, потому что командовали каждый раз разные обладатели черных поясов. Они руководили сообща, потому что были здешней элитой.

Услышав команду, все бросились на середину зала и сели на пол параллельными рядами, курс за курсом, согнув ноги в неудобной церемониальной позе. Впереди всех с достоинством восседал президент клуба Маэда — студент четвертого курса. Один из черных поясов подал голос, и все вдруг замерли, закрыв глаза и отрешенно запрокинув бесстрастные лица. Ни один мускул не дрогнул на них. Это была заимствованная из дзэн-буддизма поза ухода от всего мирского и созерцания своей собственной души. Без путешествия по своей душе не постигнуть вечного пути жизни. Долго сидели они и вдруг, разом, стряхнув оцепенение, начали кланяться флагу.

— Раз! Два! Три! Четыре! — громко считал кто-то.

На одном из тактов Маэда повернулся лицом к строю, гордо принял общий поклон, встал и пошел развалистой походкой. За ним поднялись черные пояса, потом коричневые, и лишь опоясанные белыми поясами первокурсники оставались на полу, и их стриженые головы с усердно оттопыренными ушами еще долго опускались и поднимались.

— На улицу! — крикнул Макэда. И все сорвались с мест и побежали к дверям.

Год назад в Токио промозглым зимним днем я увидел группу каратэистов. Они бежали по узкой многолюдной улице, ловко маневрируя в толпе, ощетинившейся зонтиками. Шел липкий снег с дождем, и босые ноги каратэистов были красны от холода. Белая одежда посерела, и они очень напоминали заброшенных и го-

лодных белых медведей. Неужели было так необходимо бежать именно сейчас и именно здесь? Бег их казался надуманным, ненужным. Ос! Ос! — восклицали они на разные голоса, подбадривая себя. Один из голосов показался мне странным. Я оглянулся — и увидел европейца. Как это всегда бывает с иностранцами на японских улицах, мы встретились взглядами, и он смутился,

«Ну уж я-то никогда не буду вот так бегать босиком по улицам, чтобы на меня все обращали внимание!» — удовлетворенно подумал я. Но разве можем мы знать, что ждет нас в будущем? Тогда я еще не понимал, что никогда не стоит зарекаться...

И теперь я бегу босиком по бетонному деревенскому шоссе. Острые камешки впиваются в босые ноги, и непривычна белая форма. Дорога очень узкая, и нас то и дело обдают жаром тяжелые грузовики, проносящиеся так близко, что мы с непривычки отпрыгиваем в сторону, но потом мы привыкнем и к этому.

Мы бежим нестройной толпой и вразнобой испускаем крики. Наверное, это очень напоминает татарскую орду. И так же, как было в давно растворившейся орде, беспорядок здесь кажущийся, и нетрудно заметить, что за каждым новичком неотступно следует владелец черного пояса.

Кажется, нет конца улицам, поворотам, горным тропам. Неумолимо азиатское солнце, и недвижим влажный воздух. Бежать все тяжелее. Сзади меня пыхтит обладатель черного пояса, тот самый, которому в раздевалке грели куртку, хрипло шепчет:

— А ну, кричи «Ос»! Ну! Кричи на выдохе! Давай! «Ос»!..

— Ос! — не выдержал я. И бежать стало легче! Крикнул еще — стало еще легче! Вот это да... Значит, это магическое слово не только служит приветствием?

— На Востоке ничего не бывает просто так! — прохрипел черный пояс, угадав мои мысли.

— А что значит «Ос»?

— Терпи!

— Я, между прочим, и так терплю, а все-таки?..

— «Терпи» — это значение этого слова. «Ос» — второе, малоупотребительное чтение иероглифа «синобу» — «терпеть».

Шахматные поля, натыканные среди них маленькие крестьянские домики и светящиеся зеленым огнем горы стали вдруг бодрыми и веселыми. Увидев в толпе каратэистов нескольких иностранцев, старушки растягивали в удивленной улыбке свои сморщенные лица, а дети радостно кричали: «Шпионы!» — потому что иностранцы — большая редкость в этом далеком краю. На дорожном указателе мелькнули знакомые иероглифы. Что? Соседняя станция электрички? И я добежал до нее? Да еще босиком? Да...

У здания станции все, не останавливаясь, повернули обратно. И тогда я заметил, что толпа японцев поредела. Сошедшие с трассы пристраивались к нам на обратном пути и униженно семенили позади всех. А наши сердца гордо подрагивали: никто из русских не отстал в беге. Мы не знали тогда, что эта пробежка устроена специально для нас и что мы выдержали это испытание...

Когда мы вернулись, уже начинало смеркаться. Рано темнеет в Стране восходящего солнца, и тихие горы стали похожи на ночные призраки, и между ними засветился крошечными огнями соседний городок Хирацука.

Обежав здание спортивного зала, запыленные и тяжело дышавшие студенты остановились на колючей зеленой лужайке. В сумерках там виднелось что-то, очень похожее на отрубленные человеческие головы, насаженные на пики и поставленные в ряд. При ближайшем рассмотрении ими оказались тугие соломенные шары, надетые на крепкие колья. Студенты встали около них в ряд и начали изо всех сил долго и методично бить кулаками в эти соломенные головы, оттачивая точность удара. Вскоре на желтоватых шарах показались пятна крови,

казавшейся черной в фиолетовых сумерках. Потом шары стали совсем черными, но кровоточащие разбитые кулаки все продолжали вонзаться в них. Ни тени страдания не было видно на хмурых лицах. Потом первокурсники принесли банки с йодом, все окунули в них кулаки и убежали в зал. Тут я заметил, что у всех черных поясов на пальцах зловеще белеют мозоли, больше похожие на костяные отростки. Теперь-то я знаю, как они достаются.

Казалось, что мы лишние здесь и про нас забыли. Тогда мы еще не знали, что японцы умеют наблюдать даже во сне...

В зале отрабатывали ключевые движения каратэ, основу всех приемов. Я механически подчинялся командам и обдумывал только что увиденное. Все это было так неожиданно, странно...

— Ты думаешь о чем-то постороннем, и поэтому упражнение у тебя не получается! — услышал я сзади знакомый голос владельца нагретой куртки. На кончике его пояса были вышиты два оранжевых иероглифа фамилии: Уда.

— Когда занимаешься каратэ-до, нельзя думать ни о чем, — продолжал Уда, — потому что в это время ты постигаешь путь всего живого. Узнать его невозможно, невозможно и выразить его. Его можно только почувствовать. А для этого твое сердце должно уснуть, потому что оно орган мысли. Ты должен словно продолжать находиться в той позе отрешенности, что мы делали в начале занятий. А лицо твое должно выражать только ненависть и неотвратимость твоей победы. И тогда руки и ноги будут поворачиваться сами — легко и свободно...

Я попробовал сделать, как велел Уда — и удивительно: упражнение и вправду стало получаться! Но, послушно отрешившись от всего, я заодно сбился и со счета. Следить за ним нужно было потому, что десятый такт все хором кричали, и я вместо этого крикнул на восьмой:

— Ос!

— Ос! Ос! Ос! — вдруг запели в разных концах зала.

Это были голоса первокурсников. Мой преждевременный крик был воспринят как знак скромности и послушания, приличествующих новичку, — и они поспешили засвидетельствовать перед черными поясами то же самое...

Однажды, когда в Токио проходил первый международный конкурс балета, в антракте я попал за кулисы. Секунды оставались до открытия занавеса, когда я пробегал через сумрачную сцену — и вдруг остановился пораженный. Тускло светило несколько ламп, и в их зыбком свете беззвучно танцевали разноцветные фигуры. Прилежно взлетали пышные рукава, и в спокойных пируэтах то появлялись, то исчезали безразличные раскосые лица. Это было похоже на сон. Что-то очень знакомое почудилось мне во всем этом. И почему так удивительно похоже все на сновидение? Сидя в зрительном зале, я наконец догадался: потому что это похоже на каратэ! И на дзюдо! И на чайную церемонию! И на японские танцы! И на храмовые процессии! И на многое, многое другое... У этих балерин и их партнеров душа не танцевала вместе с ними, а безмятежно спала. И поэтому так похожи на сон и математически точны были их движения...

Упражнения продолжались. Общий ритм каратэ гипнотизировал. Собственное тело кажется фарфоровым, и если сделать неосторожный шаг в сторону, то разрушится хрупкий ритм, разобьется фарфор. Но невозможен этот шаг, и все движения получаются сами собой. На душе и тревожно, и спокойно, нет ни усталости, ни желаний. Сколько времени извиваемся мы на одном месте, который сейчас час — неизвестно. Да и неинтересно...

Позже, читая «Анну Каренину» Льва Толстого, я вспомнил это удивительное чувство. «Прошли еще и еще

ряд. Проходили длинные, короткие, с хорошею, с дурною травой ряды. Левин потерял всякое сознание времени и решительно не знал, поздно или рано теперь. В его работе стала происходить та перемена, доставлявшая ему огромное наслаждение. В середине его работы на него находили минуты, во время которых он забывал то, что делал, ему становилось легко, и в эти же самые минуты ряд его выходил так же ровен и хорош, как у Тита. Но только что он вспоминал о том, что он делает, и начинал стараться сделать лучше, тотчас же он испытывал всю тяжесть труда, и ряд выходил дурен» *.

Это было чувство, рожденное церемонией. Тогда я еще не знал, что оно с разной силой будет охватывать меня очень часто в этой стране, где по всякому поводу устраиваются долгие и, казалось бы, ненужные ритуалы.

Церемония подавляет и изменяет людей. Однажды в университетской аудитории, тесной и грязноватой, студенческий клуб устроил дискуссию. На зеленой доске красивыми иероглифами была написана тема. Колченогие столы были задрапированы простынями, а на табуретке красовалась серо-зеленая ваза с желтыми цветами. (Серый, зеленый и желтый — излюбленные цвета японцев. Все, что обычно бывает белым — стены, потолки, двери, халаты, — здесь выкрашено в этот тройной смешанный цвет.) Дискуссия шла в чисто японском стиле: каждый говорил о своем, а все остальные уважительно кивали головами. Не верилось, что еще полчаса назад все присутствовавшие вместе горланили песни в пивной или ставили друг другу увесистые синяки во время рэгби. Двое молчаливых и напыщенных студентов встали и начали кланяться, объясняя, что им нужно уйти. Не переставая кланяться и рассыпать извинения, они вышли. Я выскользнул за ними. Так и есть: в кори-

* Толстой Л. Н. Анна Каренина. — М.: ОГИЗ, 1947, с. 333.

доре они снова превратились в обычных людей, потому что церемония осталась за дверью.

Сейчас церемонией был пронизан просторный зал.

— Садись! — крикнул кто-то, и все шустро расселись на паркете в круг и сидели молча минут пять в неудобных церемониальных позах, пока президент Маэда не крикнул: «Сесть свободнее». Тогда все зашевелились и скрестили ноги по-турецки. На середину круга вышел вечно смеющийся Маэда и ударил в большой барабан. Деревянные стены зала гнусаво запели. На середину вышел второй обладатель черного пояса и стал кланяться Маэде, приговаривая:

— Ос! Прошу вас! Ос!

— Время! — крикнул кто-то, и оба приняли боевые стойки. Смеющиеся глаза Маэды неожиданно стали холодными и страшными. Его соперник старался сделать свой взгляд таким же, но это не получалось у него, и его глаза оставались добрыми, а босые ноги нервно переступали по паркету, ища удобной позиции. Маэда с презрением смотрел на него и громко дышал, и вдруг, не размахиваясь, изо всех сил ударил соперника ногой по щеке. Тот молча согнулся от боли. Наконец он овладел собой, и вот блеснула, как молния, его нога в белой штанине, и, казалось, предательский удар в низ живота был неотвратим, но Маэда ловко увернулся. Казалось, что смотришь кинопленку, которую пустили слишком быстро, настолько молниеносны и коротки были удары. Ничего нельзя было разобрать в белом месиве, которое иногда испускало то нетерпеливый вздох, то сдавленный стон. На секунду соперники остановились и посмотрели друг на друга. Неутоленной ненавистью дышали их взгляды.

— Время! — снова крикнул кто-то, и они оба вдруг рассмеялись, а глаза Маэды снова стали хитрыми. Что это, игра? И что было игрой здесь?

Соперник снова начал долго кланяться Маэде, приговаривая:

— Ос! Большое спасибо! — Но Маэда отвернулся от его поклонов и, отдуваясь, пошел на свое место и сел. Вернулся на место и соперник. Тотчас к обоим подбежали первокурсники и молча предлагали им горячие полотенца. Но черные пояса притворились, будто ничего не замечают, и первокурсники с поклонами отбежали.

Схватки продолжались. Один из дерущихся хлюпнул носом, и на белую куртку закапали красные капли.

— Пойди, умойся! — засмеялся Маэда.

— Ос! — прошептал тот и убежал, а на зеркальном полу до двери пролегла ярко-красная дорожка. Я вспомнил окровавленные солому и разбитые кулаки. Пожалуй, впервые в жизни я видел столько крови за один день. А тем более в чистенькой и спокойной Японии. Странно... Дралась уже новая пара. И вдруг раздался сухой короткий треск, словно с хрустом переломили крепкую палку. Кто-то громко и жалобно вскрикнул, что уж совсем не годится в каратэ. Один из соперников стоял бледный и шатался, а правая рука его болталась, как тряпка. Двое черных поясов подбежали к нему и, бережно обхватив, повели к выходу. У двери все трое не забыли обернуться и низко поклониться флагу. Вскоре с улицы донеслась прерывистая сирена «скорой помощи», и схватки продолжались. Подавленные, удивленные сидели мы на полу. Но мы удивились бы еще больше, если бы знали, что увезенный в больницу студент завтра же снова появится на тренировке, чтобы одной рукой делать все упражнения, а другая будет мирно покоиться в гипсе.

Взволнованные, мы не заметили, как положили ладони на пол, и тут же Маэда хитро улыбнулся и указал на нас пальцем. К нам подбежал черный пояс, сел рядом, положив ладони на бедра, и сразу же молча убежал. Внизу, в холодной раздевалке, стягивали свои длинные куртки толстые дзюдоисты. Увидев входящих каратэистов, они весело поклонились и закричали свое приветствие:

— Дзёс!

— Ос! — отвечали им каратэисты.

— Дзёс! Ос! — слышалось со всех сторон. И этот странный, дикий язык, который легко мог напугать неискушенного человека, говорил о силе, здоровье и непонятной далекой стране. Ночью я проснулся от жары. Тускло светила луна в насыщенном влагой воздухе. Внизу, на мокрой траве, живописно белели куртки, пояса и штаны, упавшие с верхнего этажа, где жили дзюдоисты из Бельгии.

«Пусть я не получу черного пояса, пусть у меня вообще ничего не будет получаться, я ни за что не уйду из клуба каратэ, откуда Япония видна изнутри!» — решил я.

В зубной поликлинике университета у входа было маленькое пространство, в котором, балансируя на одной ноге, можно было снять обувь и надеть больничные зеленые тапочки. В тесной приемной было очень шумно: дикий хохот прерывался глухими ударами, а скрежет передвигаемой мебели заглушал чьи-то бодрые возгласы. Уж не зашел ли я по ошибке в сумасшедший дом?

Оказывается, все эти звуки производили трое пятилетних ребятишек, ждавших приема. Рядом смотрели телевизор их строгие мамаши, торопливо пробегали аккуратные медсестры, но никто не обращал на все это внимания: по-видимому, это было нормой.

Пятилетний мальчуган подбежал ко мне и строго спросил:

— Так! Чей это портфель?

— Мой, — ответил я, — ватакуси-но...

— Как? Ватакуси-но? Ха-ха-ха! — засмеялся мальчуган. — Ведь ты же не старый, а молодой. И поэтому про себя должен говорить не «ватакуси», а «боку»!

И истинный японец снова спросил:

— Чей это портфель?

— Боку-но дэс! — ответил я.

— Вот теперь правильно! — засмеялся он и убежал.

В зубном кабинете стояло в ряд пять кресел, в которых сидели пациенты. Между ними расхаживал врач и лечил всех сразу. Щеки врача были круглы, кожа лоснилась, и на пальце сверкал бриллиант — врачи богатые люди в Японии, а зубные врачи богаче всех.

В крайнем кресле извивался мой пятилетний учитель и громко плакал, когда бормашина, отвратительно визжа, вонзалась ему в зуб. Стоявшая за спиной кресла мать смеялась:

— Терпи! Терпи, говорю! Сейчас снова будет больно, терпи! Ха-ха-ха!

Стоял июль, и по всей Японии было душно и жарко, но в Токио было тоскливее всего, потому что не найти прохлады среди раскаленных громад, и неспособны всосать удушливый дым машин чахлые деревья. На крыше многоэтажного универмага было не так жарко, дул ветерок, и поэтому здесь продавались животные.

В теплой ванне из растаявших кусков льда сидел взъерошенный пингвин, и всех, кто протягивал к нему руки, он злобно хватал за пальцы. Судя по ценнику, который был прилеплен к ванне, этот желчный тип стоил столько же, сколько два автомобиля. А рядом, в маленьком красном домике, продавались кошки и собаки, ошейники и поводки, питательные консервы и концентраты. Умные звери сидели в клетках и с интересом рассматривали покупателей. Мальчик лет восьми пришел сюда со своей болонкой и, выбирая на прилавке корм, отстегнул от ее ошейника бархатный поводок, и она, очень довольная, побежала знакомиться со своими продаваемыми собратьями. Она подолгу обнюхивала через решетку черный нос каждого и при этом суетливо помахивала хвостиком, чтобы не афишировать свое привилегированное положение. В ответ на это собаки презрительно фыркали, а кошки злобно шипели и пытались оцарапать ей нос. В последней клетке спал сибирский

кот, положив на свои пухлые лапы равнодушную морду. Это был верх презрения, и болонка вдруг залилась визгливым лаем, тыкаясь мордочкой туда, где вибрировали чуткие кошачьи уши. Но тот продолжал угрюмо спать, и на его морде застыла хмурая усмешка. Этот кот был типичным японцем...

У выхода из универмага стоял маленький зеленый ларек, каких очень много во всех городах и поселках Продавались здесь газеты и журналы, жевательная резинка и шоколад, банки с пивом и маленькие бутылочки с молоком. У прилавка стояла продавщица, и каждому, кто проходил мимо, она улыбалась безразличной улыбкой и говорила: «Добро пожаловать!» А рядом с ней буянил пьяный. Заплетающимся языком он горланил непристойные частушки и в такт молотил кулачищами по тонкой стенке ларька, отчего хрупкое сооружение из картона и алюминия жалобно содрогалось. Но продавщица, казалось, не замечала этого и все так же улыбалась и кланялась, словно вот-вот рухнет какой-то другой киоск, а не ее. Да и покупатели тоже словно ничего не видели и не слышали. С лицами озабоченными, веселыми, а чаще всего каменными, они покупали какую-нибудь мелочь и торопливо уходили. И лишь иногда кто-нибудь украдкой бросал на пьяного взгляд, полный презрения: у продавщицы было «кондзё», а у пьяницы его не было...

Однажды вечером обитатели общежития для иностранцев, собравшись в холле, смотрели телевизор. Неожиданно свет погас, телевизор щелкнул и затих, а стены, став мрачными и неуютными, глухо задрожали... Начиналась гроза.

— Может быть, это землетрясение?! — хриплым голосом вскрикнула кастелянша Ониси. Ее узкие глаза были широко раскрыты, а накрашенные губы беспомощно дергались. Привычная сдержанность японки изменила ей: ведь рядом не было других японцев, и ей не нужно было показывать им свое «кондзё»... И Ониси

вволю предалась женскому страху за детей, мужа и изящную маленькую квартирку при общежитии...

«Кондзё» относится к числу тех немногих слов, смысл которых понятен и близок одним лишь японцам. Слово сильное и выразительное, в словарях оно переводится как-то не так: характер, натура, выдержка, нрав... Впрочем, попробуйте перевести сами: «кон» — «корень», «дзё» — «характер». Получается что-то вроде «корней характера».

«Кондзё» — это мощная, внутренняя драгоценная сила, бьющая из глубин человеческого сердца, это скрытые для посторонних могучие корни характера, корни самого человека.

Молодая мать, стоявшая у зубоврачебного кресла и смеявшаяся, когда ее маленький сын плакал, не была жестокой или бездушной. Она воспитывала в нем «кондзё». Но, пожалуй, только каратэисты умудряются каждый поступок превращать в проверку своего «кондзё».

Часто они ложатся животами на пол и опираются на пальцы ног и сжатые в кулаки руки. Стоять на кулаках гораздо больнее, чем просто на ладонях. С желтым полом контрастируют черные стриженые затылки, и в зеркальном паркете отражаются бесстрастные лица. От долгого стояния в такой позе ноет спина и скрюченные пальцы болят нестерпимо. Но вот прозвучала резкая команда, и студенты начали отжиматься на побелевших кулаках, и их спины поднимались и опускались как заводные. Один из черных поясов считал вслух, и скоро его голос стал хриплым.

— Ос! — уже визжали студенты на каждый десятый счет, и ядовитый пот брызгал с их лбов на паркет. Наконец черный пояс перестал считать и крикнул:

— А теперь — последние десять отжиманий!

И все начали считать хором, и этот хор был больше похож на лебединую песню. В полу отражались искаженные страданием лица.

— Ну а теперь — еще десять раз! Проверим наше «кондзё»!

— Ос! — захрипели студенты, но уже не страдание, а ярость дрожала в их голосах.

— Сколько же можно? — шепотом спросил я у Уды.

— Терпи! — прохрипел он и вдохнул воздух, горячий и влажный, как кисель. (Термометр показывал сорок градусов.)

Я скосил глаза на белую табличку около флага. На ней были чьим-то очень знакомым почерком начертаны шесть величественных иероглифов, складывающихся в три слова: «терпение», «упражнение», «желание».

Да, в этом зале такое изречение было на месте. Но чей же это почерк?.. Это почерк самого Мацумаэ! Он написал иероглифы на табличке. И его дух незримо присутствовал здесь...

— Вот почему я и снимаю жилье в двух часах езды. А то получится слишком уж легко. Так каждый сможет.

А вот так, как я, не каждый!

Приятно прокатиться в перерыве между занятиями в университете по лесным тропинкам па велосипеде. После вчерашнего бега подошвы горят нестерпимо, и я подставляю их жаркому ветру. В полдень зеленые горы покрываются ленивой тенью, и на узких деревенских улицах нет ни души, и лишь под деревом отдыхает, сидя на корточках, спустившийся с гор старик и с наслаждением высасывает из пластмассовой розовой трубочки сладкий лед. Видимо, даже таких дешевых сладостей не сыскать в тенистых горах.

Навстречу мне шел молодой японец, лицо которого показалось знакомым.

— Ос! — негромко произнес он.

— А, это ты. — Я узнал в нем одного из вчерашних каратэистов. — Почему ты сказал «Ос!»? Ведь я же не черный пояс и, между нами говоря, никогда не буду им...

— Но ведь вы учитесь не на первом курсе, а, говорят, даже на пятом?

— Да...

— А раз так, то вы старший, «сэмпай». — И, прощаясь, он снова сказал «ос» и поклонился. Но главное ждало впереди. Когда я проезжал через многолюдную университетскую площадь, со всех сторон слышалось одно и то же... Как отвечать на эти приветствия? Улыбаться в толпу неизвестно кому?..

Однажды все каратэисты уехали на соревнования, и с нами остался заниматься только Уда. В зал заглянул толстый дзюдоист и долго со скептической улыбкой наблюдал за нами:

— Уда! Ты что же, хочешь выйти на международную арену? Неужели господам иностранцам так интересно наше каратэ? Может быть, им больше подходит теннис или бейсбол, они ведь тоже иностранные... Спроси у них об этом, ведь ты уже нашел с ними общий язык, правда?

В ответ Уда настороженно сверкнул глазами...

Когда мы вернулись в раздевалку, то на кафельном полу красовалась огромная лужа воды, очевидно, специально принесенной из душа и выплеснутой. А из лужи жалобно смотрели измятые рубашка и брюки Уды... Лицо Уды застыло, и с лица исчезло всякое выражение, словно у пьяного. Это был позор... Он украдкой скосил глаза на нас: не потерял ли он лицо? Но мы сделали вид, что ничего не заметили, потому что знали болезненный страх японцев перед опасностью показаться не только оскорбленным или смешным, но даже просто непонятым...

Осенним днем в электричке было много свободных мест, и поэтому в проходе между сиденьями никто не

стоял, и он, пустой и пыльный, тянулся от первого вагона до последнего, потому что в японских электричках они соединены брезентовыми гармошками. И вдруг в проходе показалась легкая белая шляпа. Одна, без хозяина, она ползла, подпрыгивала, порхала по коридору, подталкиваемая потоками воздуха от вентиляторов. Так она пролетела через весь состав и затихла у стенки последнего вагона. Публика с интересом провожала ее глазами, но никто не нагнулся, чтобы остановить ее вольный полет, потому что шляпа была чужой, а с какой стати нужно дотрагиваться до чужой вещи? Такой поступок был бы странен, непонятен, и поэтому все были неподвижны. Наконец к шляпе приковылял пожилой хромой человек, очевидно, ее хозяин. Все напряженно следили за тем, как он долго и с трудом нагибался, ухватывал шляпу негнущимися пальцами и надевал на лысую голову. Когда он удалился, все облегченно закрыли глаза...

А тут — такое оскорбление! Да еще черному поясу! Да еще перед иностранцами! Мы успокаивали. Уду, говоря ему, что все это ерунда, и что виноваты на самом деле мы, потому что из-за нас ему устроили такой сюрприз.

Вдруг в раздевалку вошел незнакомый новый обладатель черного пояса — очевидно, он получил пояс совсем недавно. Свежими оранжевыми нитками на поясе были вышиты иероглифы: Сато. Очевидно, он пришел сюда, чтобы потренироваться одному, но сразу же оценил обстановку и сказал Уде:

— Сэмпай, скоро начнется дождь!

— Ах, да, конечно, пора уходить, — обрадовался Уда и стал торопливо выжимать свою одежду. Пальцы его слегка дрожали. Сато стоял поодаль, преданными глазами смотрел на Уду и говорил с ним голосом тихим и скромным. Хотя оба они имели черные пояса, Уда был старший, «сэмпай», а Сато — «кохай», младший. Поэтому, когда мы все вместе возвращались домой, Сато

шел сзади Уды и все пытался вырвать у него мокрую одежду, чтобы нести ее самому, но Уда не давал.

«Какой тактичный! — подумали мы. — Но только чересчур серьезно воспринимает субординацию. Но, что ни говори, скромность красит человека. Только голосок очень тихий....»

Сато понравился нам.

И не знали мы, что с завтрашнего дня робкий Сато станет вице-президентом клуба.

На следующий день было пасмурно, шел дождь, и в коридорах спортивного зала зажгли сумрачные лампы.

Когда мы вошли в раздевалку, раздался смех, и кто-то отбежал в сторону и спрятался за шкаф... Заглянув туда, мы увидели одного из первокурсников: лицо его было красным от стыда, а волосы острижены наголо, как у новобранца...

— Это его обстриг Сато-сэмпай! — с улыбкой пояснил стоявший рядом студент. — Потому что его прическа показалась сэмпаю слишком длинной...

Сказанное немного покоробило нас: может быть, это сделал какой-нибудь другой Сато?

По широкому коридору торжественно шагал пожилой и стройный учитель фехтования, и белая шелковая юбка медленно колыхалась, открывая его босые ступни. Каждый, кто пробегал мимо, склонялся в низком поклоне и кричал «ос» или «дзёс». Учитель строго кивал в ответ. Это было похоже на придворный выход. Через несколько минут учитель возвращался по тому же коридору обратно — в белых трусах, полотенце закрывало его плечи, и подтянутое старческое тело дышало здоровьем. И все также кланялись ему и кричали...

Навстречу ему торжествующей походкой шел Сато. С его куртки стекала вода, а следом за ним семенил первокурсник в белой форме и на вытянутых руках, словно драгоценность, держал его мокрый зонт. Мы с улыбкой кивнули Сато, как старому знакомому, и он не ответил. Когда Сато, переодевшись в белую форму и за-

тянувшись черным поясом, вошел в зал, то все закричали, приветствуя его.

Дожидаясь начала занятий, первокурсники молча и неподвижно стояли в строю, а черные пояса смеялись и громко переговаривались. Уда начал пародировать приемы каратэ, и черные пояса нахмурились.

— Шутка! — сказал Уда. Черные пояса захохотали.

На церемонии поклонов Сато сидел первым и поднялся на ноги тоже вперед всех. Началась зарядка, и все начали делать ее, хором громко считая. Далеко разносился из Будокана неистовый хор. Это было очень красивое зрелище, и казалось, что мощные своды зала плывут в этих буйных звуках.

— Делали слишком быстро! — крикнул вдруг Сато громовым голосом. — Повторить!

— Ос! — хором поклонились ему все каратэисты и стали делать зарядку снова.

Оказывается, у него громкий голос? Да...

Мне вспомнилось лицо старика японца, так поразившее тогда меня. Старик постоянно улыбался, и лицо его было сморщенным и добрым, как у древнего бога счастья, но, когда старик задумывался и улыбка сходила с его лица, оно оказывалось желчным и усталым.

Тут в зал вошел незнакомый человек — маленький, толстый, лет сорока. Он был одет в форму для каратэ, с черным поясом. Пораженные, все распростерлись на паркете.

— Кто это? — спросил я у Уды.

— Сэмпай всех сэмпаев.

Вошедший, как положено, не обратил никакого внимания на приветствия, словно они относились не к нему, и некоторое время молча наблюдал за упражнениями, а потом подходил к каждому и исправлял ошибки. Подошел он и ко мне. В это время подбежал один из черных поясов, встал на колени и надел розовые тапочки на пухлые ступни сэмпая сэмпаев. При этом он исподлобья взглянул на меня — очевидно, я разговаривал с тем не-

достаточно почтительно. Потом к сэмпаю сэмпаев подошли несколько черных поясов и попросили объяснить, как правильно делать упражнение — каждый из них делал его по-своему. Сэмпай долго объяснял, показывал, и при этом его полные ручки и ножки странновато дергались. Черные пояса почтительно и удовлетворенно склонили головы: в каратэ прав тот, кто старше, как, наверное, и везде в Японии.

Когда начались показательные выступления, на середину круга вышли Маэда — президент и Сато — его новый заместитель. Прозвучал барабан, и Маэда, не мешкая, начал со своего любимого приема и ударил Сато ногой по щеке. Сато начал молча крениться на бок. Сэмпай сэмпаев засмеялся и крикнул:

— Маэда! Ведь ты же сэмпай, и тебе нужно воздерживаться от таких шуточек! Вот если бы ты был кохай, тогда еще куда ни шло...

Маэда поклонился и внятно произнес:

— Ос!

— Как ты себя чувствуешь, Сато? — хихикнул сэмпай сэмпаев.

— Все в порядке! Ос! — выдохнул Сато, и глаза его злобно сузились. Но в схватке победил, конечно, Маэда, потому что не может старший проиграть младшему — на то они и называются сэмпай и кохай.

Сэмпай сэмпаев собрался уходить, и каратэисты пошли провожать его на улицу.

По пути они зайдут домой к какому-нибудь черному поясу, живущему поблизости, поднимутся в комнату, и вскоре из раскрытого окна послышатся характерные звуки японской вечеринки: нестройное пение и ритмические хлопки в ладоши.

— А кем он работает, этот сэмпай сэмпаев? — спросил я у Уды.

— Да, говорят, какой-то инженер. Для нас это не имеет никакого значения. Для нас он сэмпай!

Когда упражнения продолжились, я заметил, что

каждый черный пояс особенно пристрастен и придирчив к одному и тому же первокурснику — своему кохаю. Был свой кохай и у Сато. Во время упражнений он незаметно пристраивался к первокурснику сзади и наблюдал, подмечая малейшие ошибки. Показав, как надо делать правильно, Сато приказывал повторить — на мой взгляд, у кохая это получалось блистательно, но Сато обычно оставался недоволен и снова подолгу объяснял, причем ни тени раздражения не появлялось на его надменном лице. Когда кохай отрабатывал удары ногой, Сато подставил ему около щиколотки твердую бамбуковую палку, и если в ударе бывала малейшая ошибка, пятка кохая неизбежно и больно ударялась о палку. И в таких случаях Сато сзади давал ему подзатыльник. Потом кохай лег на пол и начал отжиматься на костяшках пальцев, а Сато неумолимо стоял над ним и пристально наблюдал. Изредка он с силой ударял кохая ногой в живот — проверить, не распустил ли тот мышцы живота.

— Ос! — хриплым голосом кричал тогда кохай. Но один раз он громко захрипел, втягивая воздух, и безжизненно распластался на полу. Сато спокойно смотрел сверху и ждал, когда его питомец придет в себя, а потом молча поддал ему ногой, чтобы тот поднялся на ноги. Кохай проворно вскочил — и Сато влепил ему звонкую пощечину. Кохай согнулся в поклоне и тонким голосом крикнул:

— Ос!

И деревянные стены зала запели от эха его голоса, заглушив эхо от пощечины...

Тут память услужливо подсунула газетную заметку, прочитанную недавно в «Джапан таймс».

«Каратэист-убийца получает приговор» — называлась она и кратко повествовала о том, что, когда двадцатилетний Акихиро Адзума, студент университета Нихон, вымотав все силы на многочасовой тренировке каратэ,

в изнеможении повалился на пол, сэмпай Рюдзиро Ямамото, двадцати трех лет, подбежал к Акихиро, привычно пнул его ногой, угодил в висок — и убил. Суд приговорил его к трем годам тюрьмы.

Вдруг кто-то дернул меня за пояс. Я оглянулся: сзади стоял Уда и хитро улыбался.

— Ты, говорят, русский? Читал, читал я ваших писателей! Мы вообще-то даже любим Тургенева, Толстого, Чехова... Вечно вам кого-нибудь жалко! Смотри и ты не напиши какой-нибудь ерунды о беззащитных кохаях, над которыми издеваются черные пояса. Их никто не просит сюда ходить, как и вас, кстати. И если бы им что-нибудь не понравилось здесь, они просто ушли бы. А они не уходят!

У Уды тоже был кохай. Он был худой, длинный и неудачливый. Сколько ни объяснял ему Уда, сколько ни бил его бамбуковой палкой, сколько ни давал подзатыльников и пощечин, секреты каратэ были недоступны ему. Тогда Уда приказывал ему делать простейшее упражнение для тех, кто занимается первый день. Кохай старательно водил кулаками вперед и назад, а все вокруг делали сложные и утонченные движения, похожие на китайский балет. Это было унижение, и лицо неудачника покрывалось красными пятнами. Но он продолжал упорно ходить на занятия, и однажды, войдя в раздевалку, я услышал громкий смех множества голосов. При моем появлении смех оборвался, и кто-то отбежал за железную полку. Это был тот самый неудачник. Голова его была острижена наголо. Один из первокурсников прошептал мне на ухо:

— Его остриг Уда-сэмпай. Ему показалось, что волосы слишком длинные...

Как назло, я то и дело встречал длинного неудачника — то в библиотеке, то в лавке, то на узкой улочке. Хотелось подойти к нему и сказать что-нибудь приятное, но это заставило бы его страдать, потому что я был свидетелем его унижений. Поэтому самым лучшим было по-

японски не узнавать его. И он благодарно отвечал мне тем же...

Зеленые горы стали задумчиво покрываться красными и желтыми заплатками, и однажды утром фиолетовая Фудзияма оказалась такой белой и сверкающей, что на нее было больно смотреть. Наступила осень, и в один из ее дней оказалось, что мое каратэистское облачение сгнило. Когда был расстегнут прозрачный пакет, в котором лежали белые доспехи, расцветшие желтыми, оранжевыми и красными цветами буйной плесени, комнату наполнил запах грибов, и сердце защемило от грустного осеннего аромата подмосковного леса...

— Ах, какой ужасный запах! — закашлялась кастелянша Ониси, стоявшая рядом.

Когда я принес форму в прачечную, ее хозяин Ногути осуждающе покачал головой, увидев живописные пятна.

— Что ж, зайдите через неделю! — угрюмо бросил он.

В назначенный день Ногути молча стоял во дворе, возвышаясь в цепочке детей, державших друг друга за руки. Повинуясь неизвестному обычаю, они стояли так довольно долго. Наконец Ногути отпустил руки детей и поднялся в прачечную, одетый в белые кальсоны и теплый коричневый набрюшник. Сердито наморщив лоб, он схватил утюг и начал гладить белое каратэистское одеяние, распластанное на доске. Пятна плесени на нем лишь слегка потускнели...

— Сколько я вам должен за стирку?

— Подождите, дайте подумать! — отмахнулся он утюгом, хотя белый лист с ценами красовался за его спиной.

— Ну ладно, с вас 25 иен! — сурово произнес он и отвернулся... Цена была чисто символической: ведь он не смог удалить пятна, и кто знает, может быть, отныне о нем пойдет дурная слава! А вскоре пятна исчезли сами...

Однажды вечером, после занятий каратэ, черные пояса отошли в сторонку, посовещались, и самый молодой из них подбежал к нам:

— Завтра последний день занятий. А послезавтра — всеяпонские соревнования....

В то морозное утро в Токио по случаю какого-то праздника не работали дымящие заводы, и непривычно было видеть огромный город притихшим и накрытым чистым голубым небом. Легко дышалось на широкой улице Ясукуни-дори, где душно в обычные дни, и высокие здания, похожие на заводские станки, были четко видны в прозрачном воздухе в ранний час. На улицах было мало людей, и лишь изредка, гордо подняв морды, пробегали бродячие собаки: их здесь подкармливают, гладят и никогда не бьют.

У большого здания, похожего на шатер с золотым шаром наверху, нас ждали каратэисты в полном составе. Многих из них я впервые видел в черных мундирах, а не в белой одежде. Увидев нас, они просияли и бросились жать нам руки. Столь неожиданно теплый прием озадачил нас...

— Большое спасибо, что пришли, большое спасибо! — наперебой говорили черные пояса, а белые радостно улыбались, и по их сияющим глазам было видно, что они тоже очень хотели бы сказать: большое спасибо! Но за что?!

В шумном зале резко пахло китайской тигровой мазью, со всех сторон раздавались подобострастные крики и в глазах было черно от мундиров и стриженых голов. В этой мускулистой толпе только мы одни были иностранцами. Галереи были увешаны разноцветными флагами каратэистских клубов, и на каждом флаге был изображен кулак. На арене суетились судьи в строгих костюмах, галстуках — и босиком. Одна за другой выходили белые шеренги каратэистов, кланялись, ждали, и соревнования продолжались очень долго, весь день. Когда они закончились, ко мне подошел Уда:

— А теперь пойдем есть суси!

В маленьком ресторанчике перед нами поставили покрытые черным лаком подносы, на которых красовались рисовые пирожки, накрытые разноцветными лепестками сырой рыбы.

— Так ты понял, за что мы благодарили вас сегодня утром? Мы очень беспокоились, придете ли вы, потому что для этого нужно встать очень рано и два часа трястись в электричке. А вы пришли! Нам это приятно. У нас, между прочим, и раньше занималось много всяких иностранцев, но никто не выдерживал больше трех дней, у нас даже многие японцы не выдерживают. И насчет вас мы даже не сомневались, что через пару дней вы уберетесь, для этого мы и устроили вам пробежку до соседней станции. А вы не только не испугались, но и ходили к нам много месяцев подряд. У нас это первый случай, и мы много говорили о вас между собой. И теперь очень вас уважаем!

Вообще-то мы всюду допускаем вас, иностранцев, и почти ничего не скрываем от вас, как не скрываем секрета выращивания жемчуга, но получается он только у нас, японцев!

Надеюсь, за эти месяцы ты понял, что каратэ — это далеко не только спорт, а школа жизни. Знаешь нашу пословицу: «Каратэ начинается с поклонов и заканчивается поклонами»? Ну, разве это относится только к каратэ? В каратэ молодежь учится почитать старших и понимать младших, уважать порядок, недаром очень многие из нас идут в полицию и армию. В каратэ мы на практике познаем ценность святого принципа продвижения по службе за выслугу лет. Этот принцип имеет огромное значение во всей жизни. Он примиряет и успокаивает всех...

Я вспомнил, как на одной фирме видел церемонию вручения премий за выслугу лет. Вначале долго играла торжественная музыка, потом на сцену вышел хозяин.

— Господа, смирно! — крикнул секретарь. Пожи-

лые люди в зрительном зале поднялись с кресел, застегивая пиджаки, поддергивая фраки и оправляя кимоно, и замерли, как солдаты, и слушали так приветствие хозяина.

— Можно садиться! — крикнул секретарь, и снова заиграла музыка. А потом все снова вставали по стойке «смирно» и слушали, как представитель награжденных, почтительно раздвинув локти, читал ответную благодарность хозяину...

— Говорят, Сато станет президентом клуба? Каким же образом это произойдет? — спросил я.

— Очень просто. Это произойдет естественным путем, вам не понять! Короче говоря, его назначил своим преемником Маэда. А потом его изберут все члены клуба.

— А кстати, что-то я последнее время не вижу на занятиях твоего длинного кохая, любителя чайной церемонии?

— Ах, он... Он заболел. Да, заболел! И сейчас лежит в больнице. Он будет там очень, очень долго...

На следующий день я встретил его на улице. Увидев меня, он вздрогнул и отвернулся...

А вечером начинался праздник основания университета. Чугунные стены пестрели смешными объявлениями, и с музыкального факультета доносились бравурные марши. На стадионе вдруг стало тесно от крошечных харчевен, которые открыл каждый из студенческих кружков и клубов. Затянутые в мундиры каратэисты сурово торговали маленькими куриными шашлыками и посылали друг друга то за водой, то за углями и при этом хрипло кричали. Президент Маэда стоял поодаль и продавал сахарную вату. Заметив нас, он смутился и нахмурился. А в центре стадиона стоял помост, на котором освещенные прожекторами танцевали члены кружка японского танца. Все остальные тесной толпой ритмично двигались вокруг, нестройно размахивая руками. Кто научил их всех отмечать праздники подобным обра-

зом? Почему им приятно праздновать так, как делали их деды и отцы?

Звуки вдруг смолкли, и студенты на помосте огорченно остановились, потому что сбились с такта. Пляшущая толпа вокруг начала рассасываться. Но вот на помост вышел новый студент в черной накидке на кимоно и что-то сердито крикнул остальным. Танцы тут же начались снова. Студент в черной накидке танцевал заметно лучше других, грациозно и уверенно взмахивая руками. Наверное, он был сэмпай. Громко звучала резкая, оглушающая музыка, и в нескончаемом хороводе двигалась жаркая толпа. Каждому было около двадцати лет, и все были веселые и озорные. Японская традиция возрождалась вновь...

ПОД ЧЕРНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Стало темно, и худощавый молодой человек, сидевший, поджав ноги, за низким столиком на полу камеры, перестал писать и устало запрокинул голову. В синем вечернем сумраке четко обозначились его высокий лоб, орлиный нос самурая и тонкие губы, крепко сжатые в непреклонной усмешке. Лицо его показалось бы красивым и умным, если бы не грубые тени по углам глаз. Через несколько минут во всех концах тюрьмы одновременно зажегся свет, и молодой человек, вздохнув, поднес авторучку к лежавшему на столе широкому листу тонкой почтовой бумаги.

По вечерам, как только стемнеет и у вокзалов начинают собираться толпы людей, возвращающихся с работы, наступает лучшее время для митингов. На небольшой вокзальной площади Синдзюку, огибаемой бесконечной вереницей машин, что ни день в синем сумраке виднеется верхушка броневика.

Весь он увешан полотнищами лозунгов, и далеко от него разносится голос оратора, усиленный мегафоном. В этом голосе слышны нотки раздражения и угрозы, говорящие о том, что на площади начала свой митинг одна из экстремистских организаций — то ли ультраправая, то ли ультралевая. Понять это можно, лишь вникнув в слова, но здесь не принято слушать уличных ораторов, и прохожие, расслабленно шаркая ногами по вокзальным плитам, не спеша бредут к поездам, и голос из мегафона никак не заинтересовывает их, словно звучит в ином мире.

Митинг завершается звуками «Интернационала». До боли знакомые, они плывут над толпой.

— Ого, это леваки! — скажет кто-нибудь, не оборачиваясь. — Снова появились на свет, давно их не было слышно!..

И вот в толпе раздается свист, заставляющий многих и вздрогнуть, и обернуться, но это не свист полицейских. Металлически-резкий голос свистка ритмичен, он отбивает такт марша. Несколько человек в красных пластмассовых касках, до этого неподвижной шеренгой стоявших у борта броневика, широко размахивая руками, входят в толпу. Ряды прохожих механически расступаются перед ними.

В зубах у идущего первым зажат спортивный свисток. Мерно поднимаются и опускаются рукава синих деловых пиджаков, строгих шелковых платьев. Из-под низко надвинутых касок у многих блестят очки, и отблески вечерних фонарей высвечивают под ними худощавые интеллигентные лица.

Дошагав до края площади, леваки молча поворачи-

ваются назад и продолжают свой ход, со свистом рассекая толпу.

— Мы есть, мы существуем, несмотря ни на что! — словно говорят они. На каске у каждого блестят химическим золотом два иероглифа: «Красная армия»...

Неужели это те, привычные нам японцы, которых можно увидеть сейчас во всех уголках мира, — легкие в общении и всегда готовые к нему, полные неуловимого внутреннего достоинства, радующие жителей самых сумрачных стран своей хитроватой улыбкой?

Нет, и тени улыбки не увидишь на крепко сжатых тонких губах. Всегда настороженные, серьезные, эти люди и в обыденной жизни держатся особняком, и товарищи по работе сторонятся их с насмешливой опаской.

Кажется, ни у кого леваки не могут вызвать чувство симпатии, и уж совсем трудно поверить в то, что у них есть тысячи тайных сторонников, хорошо обеспеченных молодых инженеров, врачей, ученых, клерков и рабочих, снабжающих их деньгами, на которые те приобретают бронемашины, оружие и взрывчатку, издают множество брошюр и книг в черных обложках. И тайные члены ультралевых организаций, и марширующие по площади активисты занимаются своей деятельностью лишь в свободное время, а основное отдают работе, как и миллионы их сверстников, молодых японцев.

Собственной ирреальностью они дополняют образ родной страны, и без того достаточно фантастической для мира, и имеют с ним общий корень.

В течение последних лет ультралевое движение Японии, недавно заставлявшее замирать в страхе всю страну, считалось почти полностью разгромленным репрессиями семидесятых годов. Новые поколения студентов уже не задавались вопросом о том, почему главные университеты страны обнесли себя высокой чугунной оградой. В коричневых башнях Токийского университета и Васэды, странным образом сочетающих в себе черты немецкой готики с японской приземистостью

и цветочным узором, неметеные полы аудиторий были так же, как всегда, усеяны огрызками яблок и скомканными листами бумаги, но оттуда уже не выносили трупы; в спортивных же залах натертый пол, наоборот, сиял свежим воском, и отовсюду слышались отрывистые команды, подобающие скорее армии и наводившие на мысль о подъеме не ультрареволюционных, а милитаристских, правонационалистических настроений, подогретых новым успешным рывком вперед экономики Японии.

И только полиция продолжала относиться к ультралевому движению так же, как относилась всегда. В каждом из полицейских участков по-прежнему существовал отдел по борьбе с ультралевым экстремизмом, в чем легко было убедиться, взглянув на доску объявлений, вывешенную при входе. Эти отделы полиция не думала упразднять, и, как выяснилось, не зря...

На исходе августа 1987 года в просторном парке вокруг императорского дворца, изрядно поредевшем за последние столетия, послышался грохот стрельбы. Из крохотного грузовичка, остановившегося у обочины парка и брошенного водителями, в сторону дворца было выпущено четыре зенитных снаряда...

Ни один из них, впрочем, даже не долетел до дворца, ибо был изготовлен в кустарных условиях, и все они попадали на аккуратно подстриженную траву газонов, а последний, пятый, снаряд вообще взорвался при запуске и поджег грузовичок.

От взрыва во всех домах ближней округи вылетели стекла, и был контужен семнадцатилетний школьник, направлявшийся в гости к своему приятелю в общежитие управления императорского двора.

Неужели сейчас, в конце двадцатого века, нашлись люди, всерьез полагающие, что цареубийством можно вызвать в стране хаос или вообще добиться каких-либо политических целей?

Полиция сразу же разобрала несложный почерк ле-

ваков и начала расследование, в котором выяснила, что этой акцией леваки хотели выразить протест против поездки тогдашнего японского императора Хирохито на южный остров Окинава для открытия там летних спортивных игр. «Ему, одному из виновников второй мировой войны, не место на многострадальном японском острове!» — было написано в одной из листовок.

В последние дни войны на Окинаве разыгралось одно из кровопролитных ее сражений, о котором очень редко упоминается в учебниках истории. Вся Япония, как известно, сдалась американцам без боя, и только на Окинаве императорские войска вступили в упорную, фанатичную битву.

Мирные жители Окинавы погибали не только в огне этой битвы. Многие тысячи их были заколоты штыками своих соплеменников и защитников, японцев, которые тем самым как бы спасали их от позора плена.

Тех, кто выжил, действительно ждали унижения американской оккупации, особенно болезненные потому, что никогда за всю историю Японии на ее землю не ступала нога завоевателя.

Но окинавцы испытали и еще нечто более горькое: непонятные для иностранцев презрение и гнев своих соотечественников, проживавших на остальной части Японского архипелага. Тех немногих окинавцев, которым удалось выбраться туда в надежде заработать денег, встречали официально узаконенная дискриминация, унижения — общественное мнение страны считало их предателями, изменниками национального идеала. Окинава и по сей день остается самой бедной префектурой Японии. Из нее не вышло ни одного известного ученого, деятеля политики или искусства.

Нес ли за все это личную ответственность император Хирохито? В определенной мере да, ибо он действительно являлся одним из организаторов японской агрессии, как ни верти, и был избавлен от ответственности только

потому, что воспринимался как символ японской нации и нужен был правящим кругам страны на будущее.

И потому мотивы леваков имели реальную основу. Однако так же считают не только одни леваки, но и прогрессивная общественность Японии, и все честные историки мира, однако никто из них не палит по дворцу из самодельной зенитки.

И все же леваки не шутили и попытались бросить бутылку с горючей смесью в наследного принца, который приехал-таки на Окинаву вместо заболевшего отца.

А буквально на следующий день после обстрела дворца на грузовом судне, пришвартованном в порту Наруохама недалеко от Токио, взорвалась бомба с часовым механизмом. На корабле начался пожар, в котором никто, к счастью, не пострадал.

Незадолго до взрыва это судно, принадлежащее строительной компании «Тойо кэнсэцу», было задействовано в работах по укреплению морского берега для нового международного Кансайского аэропорта; растущий год от года международный обмен Японии сделал тесным даже гигантский аэропорт Нарита, так же, как десятилетие назад превратилась в аэродром местного значения известная па весь мир Ханэда.

Для строительства Кансайского аэропорта хватает всего, чем так богата сейчас Япония, — и денег, и рабочих рук, и электронных приборов, и самосвалов, и кирпича, и дерева, и стекла — кроме одного, чем она так бесконечно бедна: земли.

Ее, сколько могут, добывают у моря, но этого не хватает, и потому, как это всегда бывает здесь при начале грандиозной стройки, землю начинают отвоевывать у окрестных крестьян.

Ее не реквизируют, не отбирают силой, а добром предлагают продать по невероятно выгодной цене, перед которой, кажется, никто не устоит, но фермеры стараются всеми силами уйти от продажи.

Ведь земля — это клад, чья цена возрастает ежегодно. Она наиболее надежный способ вложения денег, и потому самые богатые люди в Японии — землевладельцы. Так кто же откажется здесь от земли?..

И тем не менее хозяева аэропорта твердо уверены в том, что получат всю необходимую землю, иначе они и не стали бы вкладывать в строительство свои деньги. Землю можно выцыганить у владельцев десятками надежных способов — от бюрократически-легальных до уголовных, связанных с привлечением мафии. И поэтому фермеры, запутанные хитроумными чиновниками земельного ведомства, измученные запугиванием бандитов, горестно вздыхая, расстанутся со своим достоянием. Интересы этих людей в полной мере заслуживают защиты.

Но кого и как можно защитить пожаром на корабле?..

В таких поступках чувствуется странная, вывернутая логика. Они, заведомо не способные дать никакого положительного результата, кажутся особенно необъяснимыми и дикими именно здесь, в Японии, где вся жизнь проникнута мелочным рационализмом. «Мы не имеем права на ошибку» — так любят здесь, посмеиваясь, говорить.

А может быть, в лице леваков жизнь свела нас с обыкновенными сумасшедшими бандитами-вредителями, которыми пристало заниматься обыкновенной уголовной полиции, а уж никак не политической? Может быть, леваков с их опасными, но бесплодными выходками вообще следует сбросить со счетов? Но вот что сообщили газеты.

Анархистская организация «Ядро», перед тем как обстрелять императорский дворец маломощными ракетами, провела среди своих адептов внеочередной сбор денежных средств, который так и назывался: «на нужды военных действий», и в течение одного лишь месяца добыла двести миллионов иен.

Эта сумма, конечно, не так баснословно велика, как те, которыми оперируют акционеры Кансайского аэропорта, но все же достаточна, например, для того, чтобы приобрести двести автомобилей. Откуда же получили леваки эти средства — ведь у них нет богатых покровителей, как у их зеркальных коллег — активистов ультраправых организаций?.. Источник этих денег ясен — несколько десятков тысяч молодых интеллигентов и рабочих поделились с ними своей зарплатой.

Два раза в год, зимой и летом, все японские трудящиеся, работающие по найму, получают положенные законом денежные вознаграждения, бонусы, чей размер колеблется от одного до пяти-шести месячных окладов — в зависимости от стажа работы на данном предприятии или в учреждении. Сбор средств на военные действия был приурочен ко времени выплаты летних бонусов, июлю.

Студентам и молодым рабочим, а также лицам, принятым на работу временно, было разрешено ограничить свой взнос сущей мелочью — например, стоимостью нескольких пачек мороженого. Зато основная тяжесть была возложена на тридцатилетних инженеров, ученых, врачей, сборщиков ЭВМ, банковских служащих — всех тех, кто успел приобрести почти десятилетний стаж. В среднем каждый из участников сбора выплатил по сто тысяч иен — чуть меньше первой зарплаты выпускника японского университета, — но размер определялся в каждом случае по-разному, и одна супружеская чета молодых ученых решила пожертвовать миллион.

Быть тайным анархистом в современной Японии — дорогое удовольствие. Не считая внеочередных сборов в дни выплаты бонусов, каждый месяц надо отдавать еще по десять тысяч иен членских взносов — стоимость небольшого магнитофона, в то время как члены ультраправых организаций вообще ничего не платят, а только получают, и даже в правящей буржуазной Либерально-демократической партии членские взносы составляют

всего две тысячи иен в год, почти в тринадцать раз меньше, чем у леваков, но рядовые члены партии не платят даже их — взносы за всю партию компенсируют из собственного кармана те, кто получает прямые материальные выгоды от своей партийной работы, депутаты парламента, деятели крупного бизнеса.

Может быть, леваки выколачивают у своих адептов деньги силой, угрожают расправой, на которую у них действительно так скоры руки? Нет, все взносы делаются добровольно, по идейным соображениям. Каждый из молодых людей знал, на что уйдут его деньги, и даже малая оплата покушения на императора или поджога корабля делала его соучастником этих серьезных преступлений. И потому эта тайная жертва, связанная с нешуточным риском, требовала душевной стойкости и отваги, становясь жертвой в полном значении этого слова.

Основная доля пожертвований на боевые действия перетекает в «Народно-революционную армию» — глубоко законспирированную организацию внутри «Ядра», состоящую примерно из двухсот человек, теоретиков и боевиков ультралевого движения. Они посвятили всю свою жизнь борьбе и до конца дней обречены жить на нелегальном положении.

Разложив на низеньких столиках карты японских городов, они разрабатывают тактику партизанской борьбы и, основываясь на ней, создают новые образцы оружия. Именно они собрали тот ненадежный миномет, из которого стреляли по дворцу; именно они, рискуя жизнью, пронесли на корабль взрывчатку.

Хотя имена большей части их неизвестны даже полиции, она методично охотится за ними и как раз в те дни арестовала руководителя еще одной из ведущих левоэкстремистских организаций Японии «Красной армии» — тридцатисемилетнего Осаму Маруока. Всего таких организаций три: кроме «Красной армии» и «Яд-

ра», еще действуют «Революционеры-марксисты». Мелких анархистских организаций гораздо больше.

Осаму Маруока с какой-то тайной целью прибыл в Японию по фальшивому паспорту из эмиграции. По полицейским данным, он был главным организатором угона в 1972 году пассажирского самолета японской авиакомпании «Джапан эйрлайнз», летевшего над Индией в Токио по пути из Парижа со 151 человеком на борту. Маруока считается вторым по значению лидером «Красной армии», и поэтому полиция всерьез опасалась того, что анархисты-боевики, стремясь вынудить японские власти отпустить Маруоку, взорвут где-нибудь японское посольство, организуют похищение еще одного самолета.

Да, выяснялось, что хаос взрывов создавали не полупомешанные террористы-одиночки, а жестко организованные политические союзы анархистов, ставящие перед собой пусть и абсурдные, и невыполнимые, но политические цели.

Как же могло получиться так, что в Японии наших дней, удивляющей мир прогрессом науки и техники, анархизм поднял свою давно поседевшую голову?..

Ультралевое движение раздражает всех — и жителей японских городов, рискующих в любой момент оказаться в эпицентре какого-нибудь взрыва, и полицию, и даже зарубежных японоведов: как, скажите, можно изучать то, что, едва показавшись на поверхности политической жизни, снова уходит в глубину, словно лохнесское чудовище?..

Едва о леваках начинают забывать, словно о досадном проявлении молодежного бунтарства, как на улицах городов снова ухают взрывы...

Последний раз перед описываемыми событиями этот монстр показался во весь рост лет за двенадцать до этого, в середине семидесятых годов. Вернемся же и мы

в эти годы, тем более что здесь, в Японии, внешне мало что изменилось.

Хотя японцы то и дело приносят на мировой рынок хитроумные произведения техники, способные революционизировать быт и двинуть прогресс, сами они резких перемен в укладе жизни не любят. Истинные люди Востока, они помещают в газетах фотографии городов с такой надписью: «Смотрите, за сто лет наша улица почти не изменилась!»

Хотя радиоприемники и магнитофоны навалены у лотков уличных торговцев грудами, словно овощи, культа техники здесь нет, зато есть культ традиций, и девяностолетняя старушка, целый день сидящая поджав ноги на полу своей крошечной лавчонки, где продаются одни только сушеные водоросли, равнодушно позволяет установить перед собой электронный кассовый аппарат, сверкающий огнями, и запросто начинает нажимать на кнопки своими негнущимися пальцами, зная о том, что очень скоро эта прекрасная машина, не дослужив срока, будет выброшена на свалку, а ее место займет другая, более мощная и компактная, но и ее будет ждать та же участь, в то время как сушеные водоросли останутся такими, какими были всегда.

Техника здесь не господствует над человеком, как в некоторых других странах, а считается его слугой. Даже карманные ксерокопировальные аппараты, недавно появившиеся здесь, а в остальном мире остающиеся громоздкими, как холодильники, незаметно потерялись среди низких лакированных столиков, палочек для еды, кисточек для письма и других предметов национального быта.

Тогда, в середине семидесятых, в столице Японии, где каждый день бьют подземные толчки, первый небоскреб был достроен лишь до половины и белел кафелем стен у вокзала Синдзюку. Сейчас там выросла уже целая роща небоскребов, и их верхние этажи раскачиваются на ветру, как вершины сосен. Строители этих пер-

вых в Японии высотных зданий, как это ни странно, не бросали вызов природе, а, наоборот, старались слиться с нею. Хотя каждое из них принадлежит какому-нибудь самостоятельному ведомству или даже частному лицу, это почему-то не помешало им выстроиться прихотливым изгибом, создавая удивительное впечатление огромного живого существа, особенно ночью, когда на их крышах мигают красные огни.

Зимою вид здешних улиц был несколько иным: людей в дорогих меховых шубах встречалось меньше, чем сейчас, большинство же прохожих бежало сквозь мокрый снегопад одетыми в синтетические куртки и белые резиновые сапоги и было готово объяснить такую одежду мягким климатом своей страны.

Район деловых зданий Маруноути, расположенный в центре Токио, не изменился за эти годы ни на йоту. От многоэтажных контор, сложенных из серого камня или собранных из алюминиевых конструкций, так же, как и раньше, веет уверенностью и покоем.

Днем здесь пустынно, ибо все, кому следует, сидят за письменными столами в огромных залах, продуваемых прохладным воздухом. Малолюдно было на здешних улицах и в тот душный день августа 1975 года, под вечер, когда раздался страшный грохот. Приходилось ли вам слышать, как на улице взрывается бомба? Ее звук ударяет в сердце...

Вмиг в многоэтажном здании осыпались стекла, из окон полыхнуло пламя. Здесь действует правление мощной промышленной корпорации «Мицубиси дзюкогё», известной всему миру. Она считала себя застрахованной и от излишнего падения курса своих акций, и от трудностей в сбыте продукции, и от нападения бандитов, и от многих других превратностей бытия, кроме той, которую предположить не могла: что кому-то могут понадобиться не богатства ее, а только жизни.

Не упустив ни минуты, здание корпорации окружили пожарные машины, юркие белые автомобили «Скорой

помощи», цепочка полицейских в элегантной серо-голубой летней форме опоясала площадь... Японцев, кажется, никогда нельзя застать врасплох. У них всегда находятся под рукой исправные и легкие огнетушители, полные свежей пены, аккуратно смотанные веревочные лестницы. Всем отлично известно, где расположены запасные выходы. Это помогло избежать лишних жертв, но их и без того оказалось невероятно много — триста семьдесят шесть раненых и восемь убитых...

Среди людей, проходивших в момент взрыва вблизи здания «Мицубиси», не нашлось ни одного, способного вызвать подозрение, хотя каждый был внимательно опрошен полицией. Но из каких-то своих тайных источников она узнала, что взрыв был осуществлен левацкой группировкой «Волки», входящей в «Красную армию».

Какие же мотивы руководили «Волками»?..

Они хотели наказать «Мицубиси дзюкогё» за ту экономическую экспансию, которая ею ведется в странах Юго-Восточной Азии, выполняя, по существу, те же задачи, которые имела военная экспансия Японии в этом районе мира в годы второй мировой войны.

«Волки» сбились в свою группу специально для отпора японским монополиям и официально именуются так: «Антияпонский вооруженный фронт Восточной Азии». Правы ли в принципе «Волки» в своих обвинениях? Строго говоря, да, потому что «Мицубиси дзюкогё» во главе длинной шеренги японских фирм действительно, словно танк, мчится по зеленым джунглям, загрязняя реки, разбазаривая природные запасы, подчиняя рынок... В тот год я учился в японском университете «Токай» и хорошо помню, как в укромных местах — на внутренних сторонах дверей, в кладовых, в туалетах — висели листовки, наклеенные студентами из стран ЮВА: «Японцы, прекратите загрязнять природу Восточной Азии!»

Но можно ли наказывать «Мицубиси дзюкогё» взры-

вом здания ее конторы? А ведь «Волки» организовали взрывы в правлениях и ряда других крупных фирм, а леваки-экологисты пытались взорвать химические заводы, расположенные в верховьях японских рек и загрязнявшие их...

Но не только об этом рассказывали в тот день возбужденные тележурналисты. На несколько часов был парализован весь токийский метрополитен. Утром душного августовского дня кто-то одновременно нажал на четырех узловых станциях кнопки тревоги, автоматически отключившие электрический ток, и десятки поездов остановились в тоннелях. На перроне станции «Отяномидзу», где неподалеку расположено несколько университетов, кучка молодых людей в черных студенческих фуражках украдкой опустила на рельсы несколько бутылок с зажигательной смесью. Это были, как сообщили газеты, «революционеры-марксисты».

Так леваки всех направлений проводили одновременные боевые учения в городе, отрабатывая начало анархической революции. Главное ее содержание состоит в том, чтобы, вызвав хаос и панику в столице, осуществить захват центральной власти и затем распространить ее по всей стране.

Однако паника в городе возникла довольно вялая, не удовлетворявшая анархистов. Японцев вообще трудно вывести из себя: на протяжении многих веков учение Будды воспитывало в них представление о том, что окружающий человека материальный мир так же мимолетен и преходящ, как мерцающий на ветру лепесток сакуры. Жизнь постоянно подтверждала правильность такого взгляда, насылая землетрясения и тайфуны.

Вера в полярную изменчивость всего сущего глубоко вошла в японское сердце, знающее о том, что друг может обернуться врагом, добрая старушка — лесной ведьмой, а в тихой заводи разыграться буря. И оттого здесь особенно никого не пугали взрывы на тихих ули-

цах. Так и должно быть, полагали многие в глубине души.

И тем не менее в аппарате государственной власти многим казалось, что начинается общенациональное восстание анархистов. В листовках, которые тучами разносил ветер в те дни по городу, было написано: «Студенты! Крепите ряды с молодежью заводов и фабрик, готовьтесь к вооруженной борьбе! Только барабан «Красной армии» может разбудить погрязшую нацию!» Заголовки других листовок были более конкретны: «Инструкция по борьбе с танками и боевыми машинами пехоты на городских улицах».

В толстой брошюре, отпечатанной в огромном количестве и раскиданной по Токио, рассказывалось о том, как вести боевые действия в городе днем и ночью, как взрывать многоэтажные здания и сражаться с полицией. Составленная в легкой для усвоения форме вопросов и ответов, снабженная множеством отличных иллюстраций, брошюра называлась так: «Партизанская война в городе — первая ступень анархической революции».

Несмотря на то, что в Токио была стянута полиция со всей страны, разыскиваемые ею главари леваков свободно путешествовали по городу, меняя женские и мужские платья и парики. У них оказалось поразившее потом полицию огромное количество конспиративных квартир, лесных и горных укрытий, а также крупных сумм денег, позволявших им при необходимости нанимать адвокатов, добиваться освобождения товарищей под денежный залог из-под ареста, оплачивать железнодорожные билеты и покупать еду для тысяч демонстрантов и уличных бойцов, съезжавшихся из многих городов. Как оказалось, для этой цели леваки обложили налогом около миллиона японских студентов.

«Приступайте к скоординированной борьбе по всей территории страны. Это ослабит влияние полиции, лишит ориентации государственную власть и позволит

нам, сражающимся в Токио, нервном центре всего государства, одержать победу», — писал в те дни идеолог ультралевого движения Рю Ота в книге «Основные задачи революции в Японии».

При всей недостижимости таких целей в условиях современного империалистического государства мысль леваков не была такой уж абсурдной — ведь именно путем захвата власти и осуществляются все революции. Вопрос состоит в том, чтобы правильно определить момент восстания, расстановку классовых сил в стране, воспользоваться революционной ситуацией. Попытаться совершить революцию, не беря все это в расчет, искусственно вызвать хаос — такова главная черта тактики анархизма...

А тем временем полиция вышла на след «Волков» и арестовала их. Нескольким удалось, впрочем, покончить самоубийством в предвидении ареста, и в руках полиции оказалось шестеро. В ходе следствия выяснилось, что бомбы, взорванные ими в здании правления «Мицубиси дзюкотё», предназначались для убийства императора как виновника японской агрессии в Юго-Восточную Азию в годы войны.

Для ликвидации императора и всего его двора «Волки» решили взорвать высокий железнодорожный мост над рекой Аракава при въезде в Токио, когда по нему должен был проследовать царский поезд, в котором император возвращался с единственной своей дачи в столицу для участия в довольно реакционном по духу мероприятии — церемонии памяти японских воинов, погибших в завоевательных походах второй мировой войны.

За два дня до предполагавшегося взрыва под рельеами моста были установлены проволочные гнезда для взрывных устройств, и на несколько сотен метров был отведен бикфордов шнур. Немного взрывчатки было подложено и под расположенную поблизости полицейскую будку, которую намечалось уничтожить за минуту

до прохода императорского поезда и отвлечь на нее внимание полиции.

Следующей ночью «Волки» вновь пришли на место взрыва и, сгибаясь под тяжестью, принесли в мешках две большие мины. Едва они начали монтировать их под рельсами, как увидели случайного прохожего, который шел по мосту. Устранить этого неожиданного свидетеля не было никакой возможности, и «Волки» быстренько ретировались, решив взорвать бомбы в правлении какой-нибудь крупной фирмы....

Однако полицейские зря радовались раньше времени, захватив «Волков», потому что через несколько месяцев им пришлось решать гораздо более сложную задачу, поставленную их единомышленниками, а «Волки» вышли на мировую арену...

Дождавшись августа, когда в Вашингтоне начался очередной раунд японо-американских переговоров на высшем уровне, и японскому правительству стало недосуг отвлекаться на мелочи, четверо боевиков из «Красной армии» под видом вездесущих японских туристов прилетели в Куала-Лумпур и без особого труда захватили расположенное в самом центре малазийской столицы двенадцатиэтажное здание, в котором, кроме множества иностранных фирм, располагались американское, шведское и японское посольства. Сделав всех дипломатов заложниками, они потребовали немедленного освобождения семерых деятелей ультралевого движения, в том числе и одного из «Волков».

Выбор для этой операции именно Малайзии, где в одном здании собрались посольства трех главных врагов «Красной армии», говорил о том, что при всей своей кажущейся бесшабашности леваки очень серьезно относятся к тактике борьбы. Америка — главная страна империализма, его оплот, гнев леваков против правительства Японии тоже понятен, но чем же помешала им Швеция?

«Мы решили наказать шведских империалистов за

то что 13 марта они выдали японскому врагу троих наших товарищей, арестованных в Швеции за проживание по поддельным документам», — объяснила «Красная армия» в одном из своих обращений к публике.

Метод захвата иностранных посольств уже был опробован ею за год до этого, в июле 1974 года, когда французские власти арестовали в аэропорту Орли активиста «красноармейца» Ёсиаки Ямаду, имевшего при себе три фальшивых паспорта. Через два месяца трое террористов из «Красной армии» ворвались в здание французского посольства в Гааге и захватили одиннацать заложников во главе с послом, продержав их под угрозой расправы два дня. На третий день французы сдались — специальным самолетом «Эр Франс» они отправили Ямаду в Амстердам, куда уже были подвезены на автобусе трое террористов со своими заложниками. Оставив заложников в автобусе, леваки поднялись на борт самолета и, присоединившись к Ямаде, приказали летчику взять курс на Ближний Восток. Пилот выполнил их приказание...

Так, безвестный двадцатилетний японский студент-недоучка Ёсиаки Ямада на несколько дней стал героем мировой прессы. Когда японские журналисты бросились в школу, где он учился, в молочную лавку, где подрабатывал продавцом, никто не мог сказать им ни слова, как-либо характеризующего этого тихоню, а многие из одноклассников вообще не помнили его. Ёсиаки Ямада нашел себя в огне беспощадной схватки и, с блеском следуя тактике японских леваков, не проронил во французской тюрьме ни одного слова, два месяца подряд храня полное молчание...

В Куала-Лумпуре боевики «Красной армии» захватили более пятидесяти заложников во главе с американским консулом Робертом Стэббинсом.

— Японское правительство должно ответить на наш ультиматум только так: «да», иначе мы убьем всех и взорвем здание! — без шуток заявили леваки.

Малайзийские полицейские, не знакомые с правилами японских леваков и привыкшие к решительной расправе с инсургентами, недолго думая, окружили здание и стали советоваться, как лучше организовать его штурм. Для того чтобы образумить полицейских, один из леваков на мгновение высунулся из окна и пустил вниз автоматную очередь. Трое полицейских погибли от пуль, но штурма уже не последовало...

Как ни досадно было японскому премьеру Мики отвлекаться от хитроумных переговоров с американцами. а все же пришлось: как-никак, подданные его страны угрожают смертью консулу того, кто сидит напротив за длинным столом. «Выполнить все требования «Красной армии»!» — распорядился он, и пятеро леваков, в числе которых был и предводитель «Волков» Норио Сасаки, под усиленной охраной были препровождены в аэропорт Ханэда, посажены в специальный самолет «Джапан эйрлайнз», доставлены в Куала-Лумпур, где к ним, соблюдая меры величайшей предосторожности, присоединились трое боевиков, и, повинуясь их приказанию, самолет взял курс на юг. Управляющий им летчик проявлял каменную выдержку самурая, зная о том, что в спину ему направлены дула автоматов...

На борту самолета находилось пятеро освобожденных из японской тюрьмы леваков, но не семеро, как требовали захватчики трех посольств в Куала-Лумпуре. Почему же?..

Потому что двое из них отказались покинуть родину и товарищей по борьбе в час нависшей над ними грозной опасности. Возможность счастливого вызволения из тюрьмы они расценили как малодушие и отвергли подарок судьбы. Это были Дзюнъити Мацуура и Хироси Сакагути. Первого ждал длительный срок заключения, второго — смертный приговор за расправу с несколькими товарищами по борьбе.

— Они поступили как настоящие самураи, — говорили многие в те дни.

Полет же остальных леваков словно тянется и поныне, напоминая о себе взрывами в окрестностях американских посольств, угонами самолетов, тревогами полицейских всего мира

Недавно у японских туристов, любующихся красотами знойной Испании, начали исчезать паспорта. Этим обстоятельством заинтересовалась не только испанская полиция, но и японская, быстро выяснившая, что воруют документы двое участников того памятного перелета — «красноармейцы» Норио Сасаки и Кунио Бандо. Оба и сейчас еще довольно молоды — одному из них 39 лет, другому — едва за сорок.

Одевшись по-туристски, то есть увешав себя кинокамерами и прочей аппаратурой японского производства, они присоединяются к группам своих вездесущих соплеменников, и пока те деловито щелкают затворами фотоаппаратов, ловким приемом извлекают из висящих у них на плече кожаных сумок синие книжечки паспортов с изображением золотой хризантемы на обложке.

Особое беспокойство у полицейских вызвало то, что один из похищенных паспортов принадлежит депутату городского совета Киото. По японским законам он дает право въезжать в страну без заполнения каких-либо таможенных и паспортных деклараций — наиболее подходящий вариант для человека, желающего проникнуть в Японию нелегально.

Все пропавшие паспорта были тотчас аннулированы, их номера сообщены в японские представительства за границей, и вскоре было замечено, что Кунио Бандо дважды пытался из разных стран заказать себе авиабилеты до токийского аэропорта Нарита. По подложному паспорту он посетил более десятка государств, и полиция не исключает, что среди них была и Япония. А когда летом 1988 года в Маниле был арестован пожилой активист «Красной армии» Хироси Сэнсуи, уже переваливший за пятидесятилетний рубеж, в тот же день бесследно исчез проживавший с ним в одном

доме некий тридцатипятилетний житель японского города Киото, ранее с удовольствием ознакомившийся с достопримечательностями туристской Испании. Японская полиция полагает, что это был Норио Сасаки. Тотчас портреты Сасаки и Бандо вновь усеяли стены домов Токио и всех японских городов. Взоры обоих леваков были полны такой же холодной непримиримости, как и в ранней молодости, когда им удалось спастись от суда. Оставшиеся в Японии «Волки» должны были предстать перед ним в ноябре 1975 года.

В течение нескольких месяцев полиция хранила факт их ареста в секрете, особенно опасаясь того, что их план покушения на императора, попав на страницы газет, мог быть взят на вооружение другими группировками леваков, сорвав первый в истории визит японского монарха в США. Но и там Хирохито охраняли тщательнее, чем когда-либо. Он никогда не появлялся на публике открыто, улыбаясь и помахивая рукой толпам американцев из-за огромного пуленепробиваемого стекла. Итак, даже попав в капкан, «Волки» продолжали нести императору угрозу.

Вначале каждого из «Волков» было решено судить отдельно. Узнав об этом, все они — двадцатисемилетние Масаси Дайдодзи, его жена Аяко, их ровесники Тосиаки Катаока и Ёсимаса Курокава, а также две двадцатипятилетние девушки Марико Араи и Юкико Экита — отказались в день суда выходить из камер и, не сговариваясь, сбросили с себя в знак протеста всю одежду.

В тот день их так и не удалось доставить в суд, но его заседание все же состоялось, заняв четыре минуты. Как отмечали газеты, впервые в практике японского правосудия после буржуазной революции Мэйдзи в 1868 году обвиняемым удалось бойкотировать слушание их же дела. Впрочем, в первый раз это удалось тоже обвиняемым — левакам из той же «Красной армии».

Под давлением защиты требование «Волков» о совместном суде над ними было уважено, и через месяц

они впятером сели на скамью подсудимых. Суд этот являл собой любопытное сочетание анархистского презрения к буржуазной демократии, ибо сами они в своих судах над товарищами и врагами обходятся без нее, — с циничным использованием этой демократии в своих целях.

Суд начался с формального опроса обвиняемых. Каждый из них должен был подтвердить свое имя и возраст.

— Я — солдат Восточноазиатского антияпонского фронта. Проживаю в мировой республике народов, — ответила на вопрос судьи Юкико Экита.

— Не понимаю вопроса, — заявил Катаока, а Курокава сказал так: «Я — солдат антияпонского фронта. Личный номер 4052. В настоящий момент нахожусь в плену».

Примерно то же говорили и все остальные «Волки».

После этого адвокат Такаси Ниими поднялся со своего кресла и громко заявил, что, по его сведениям, на галерее для прессы находятся несколько переодетых полицейских, и потребовал их немедленного вывода из зала суда. В публике начался ропот.

Подумав, судья отверг требование Ниими, заявив, что невозможно определить точно, кто из находящихся в зале является полицейским, а кто нет. Потом, когда слушание продолжилось, он в отместку отказал Ниими в праве слова, а когда тот нарушил запрет судьи, велел ему покинуть зал.

Придав своему лицу оскорбленно-насмешливое выражение, Ниими встал, демонстративно повернулся к судье задом и, не торопясь, прошел к выходу вдоль рядов публики.

Сразу же трое обвиняемых поднялись и заявили о своем несогласии с решением судьи, за что сами были немедленно выведены. Другие адвокаты потребовали от судьи объяснений в связи с удалением Ниими, а когда тот отказался их дать, все они вышли из зала.

— Адвокат Хироси Сёдзи, останьтесь! — приказал судья через микрофон шедшему последним, но тот лишь презрительно пожал плечами и поспешил за товарищами.

Из обвиняемых в зале оставались только Юкико Экита и Тосиаки Катаока, которые тоже хотели было выйти после ухода адвокатов, но были возвращены на место. Тогда они затеяли потасовку с охранниками и к обоюдному удовлетворению были выведены.

После этого суд в течение пятидесяти минут заседал без обвиняемых и без адвокатов, что не помешало каждому из «Волков» получить в среднем по семилетнему приговору...

И газеты, и телевидение, и политические партии без устали говорили о суде над «Волками», и лишь императорский дворец, как всегда, хранил молчание. Мирские волнения словно обходили его стороной.

А расположен он, можно сказать, неудачно — в самом центре огромного города. Густой зеленый парк надежно скрывает дворец от взоров, а столетние сосны, как могут, сохраняют прохладу.

Несколько столетий назад он был построен на искусственном острове португальскими инженерами для сёгунов Токугава. Как и положено европейскому замку, дворец окружают мощные каменные стены и широкий ров с зеленоватой теплой водою, в которой живут сейчас толстые карпы. Завидев группу прохожих на внешней стороне рва, где начинается Гиндза, они подплывают к кромке тротуара, высовывают над водой губы и звучно шлепают ими в воздухе, требуя хлебных крошек...

С противоположной стороны к дворцовому острову примыкает Канда — старинный район, где много букинистических магазинов. Домики в узких переулках сложены из потемневшего коричневого дерева, а иероглифы дощатых вывесок вырезаны по канонам старой каллиграфии, блестят тусклой позолотой, и это ощущение живой старины волнует, радует сердце.

Во время американских бомбежек все деревянные дома Канды сгорели, как спичечные коробки, но очень скоро возродились вновь — точь-в-точь такими же, какими были за два столетия до пожара. Впрочем, взамен некоторых из них на пятнышках освободившейся рыжеватой земли выросли крошечные небоскребы в семь-восемь этажей, и основание их кажется невероятно узким, но даже они словно продолжают мелодию старины, слышную здесь повсюду. В этом нет ничего удивительного — ведь они принадлежат семьям мелких торговцев книгами, которые жили здесь всегда.

За углом любого из деревянных домов Канды легко представить группу молодых людей в клетчатых кимоно, в шляпах котелком или студенческих фуражках, — чуть более широкоскулых, чем нынешние японцы, и гораздо более низкорослых, какими были все они тогда, в 1910 году, ибо не привыкли еще есть запрещенное буддизмом мясо.

Переминаясь с ноги на ногу в своих деревянных сандалиях, громко стучащих своими высокими каблуками о мостовую, они ждут, когда на улицу выедет вереница черных лаковых карет с изображением золотой императорской хризантемы на дверцах.

В руках студента, прогуливающегося у входа в переулок, покачивается тяжелый узел узорчатого шелка. В нем — самодельная бомба, а за пазухой кимоно всегда хранится кинжал, завернутый в белую рисовую бумагу. Он предназначен для убийства премьер-министра Кацура, если тот случайно окажется поблизости.

У поворота на улицу, ведущую к северным воротам дворца, застыла маленькая женщина в белом жертвенном кимоно — Суга Канно, прозванная японской Софьей Перовской. Как и ее русская предшественница, она должна подать сигнал своим товарищам, увидев приближающуюся царскую карету, а студент Фурукава, в точности повторяя действия Желябова, бросить шелковый узел с бомбой под колеса кареты: схема покуше-

ния на императора Муцухито, прадеда ныне здравствующего Акихито, была воспроизведена с убийства народовольцами Александра Второго с той удивительной точностью, которая присуща японцам и в наши дни, когда они копируют иностранные изобретения или товары.

Им, первым японским революционерам и анархистам, император представлялся неким золотым гвоздем, соединяющим всю шаткую пирамиду государственной власти: стоит выдернуть этот гвоздь, как она развалится. Но Суге Канно так и не пришлось взмахнуть широким рукавом своего белого кимоно — ее, как и всех участников первого в истории Японии покушения на императора, схватили на улице еще до того, как из-за поворота выехал царский поезд.

Когда жандармы, подкравшись сзади, крепко сжали обе руки Суги Канно, она не ощутила ни горя рухнувших надежд, ни тоски неизбежной смерти. Душа ее возликовала так же, как если бы она подала свой знак, и Фурукава швырнул бы свой сверток под колеса кареты, и от взрыва та раскололась бы на куски, словно лаковая шкатулка, и треснула бы и покачнулась в дворцовом парке старая сосна, символ императорской власти. Она была счастлива, ибо смогла принести себя в жертву.

Она была красавицей, и в этом легко убедиться, взглянув на ее фотографические портреты и в черных брошюрах анархистов, и в книгах историков — ведь Суга Канно была первой в Японии революционеркой.

Двадцатилетним студентом Института стран Азии и Африки при МГУ, переводчиком советской выставки «Сибирь», в 1973 году я впервые попал в Японию, застав там и разгорающийся пожар ультралевого движения, и последних современниц Суги Канно. Эти старушки были такого низкого роста, что мне приходилось, разговаривая с ними, склоняться в пояс, как над малыми детьми. На любое сказанное им слово они отвечали низким поклоном, опуская до колен свои сморщенные

застывшие личики, с которых, казалось, было навсегда смыто любое выражение, чувство. С этими непроницаемыми лицами они оставались очень общительны и болтливы, и это сочетание рождало грустную нежность.

В каждом старчески-неловком движении этих старушек ощущалось жесткое воспитание, полученное в детстве. Все они годились Суге К.анно в дочери, а то и в младшие сестры. Что же заставило ее, дочь самурая, покинуть дом, отказаться от будущих детей ради того, чтобы обречь себя на смерть?

Дворянские дочери! Какую высокую духовную роль играете вы в революционных движениях разных стран, своим бескорыстием и святой преданностью идее поднимая на бой тысячи товарищей!..

НА ХОЛМЕ ОТЯНОМИДЗУ

Вины Суги Канно нет в том, что она была анархисткой, потому что анархизм являет собой закономерный, начальный этап революционного движения. Главная опора его — крестьянство, ибо пролетариат не успел еще сформироваться как класс, а носитель — демократическая интеллигенция, ибо темные массы крестьянства еще не пробудились к социальной борьбе. Поэтому и выкрашены знамена анархистов в черный цвет почвы.

Учение анархизма родилось во Франции, но вторую свою родину обрело в России, где в последней четверти прошлого века уже действовало народничество — идеология крестьянской революции. Из его логического отрицания и развития родился русский анархизм, создателями которого были князь Петр Кропоткин, Михаил Бакунин. Первый видел его царством взаимопомощи и доброты, второй — торжеством непримиримого террора, который только и способен уничтожить всякую власть на земле. Учение Бакунина приобрело гораздо больше сторонников, чем учение Кропоткина. Очевидно, оно

было более созвучным тогдашней исторической обстановке, требовавшей решительных действий, борьбы.

Петр Кропоткин, проведший многие годы в эмиграции, был приглашен Лениным в Советскую Россию как один из основателей русского революционного движения. Здесь, в городе Дмитрове, он и умер в первые послереволюционные годы. Престарелый революционер уже не мог вставать с постели, и перед ним поставили на стол серебряный колокольчик, которым он мог бы вызывать сиделку, почувствовав себя плохо. Но Кропоткин попросил убрать его, заявив: «Я анархист и не могу принуждать другого человека даже звуком серебряного колокольчика». Вряд ли многие люди могли бы поступить в те тяжелые годы так же...

Анархизм пришел в Японию почти одновременно с народничеством из России, и, как и там, бакунизм распространился гораздо шире, чем учение Кропоткина. Была бакунисткой и Суга Канно.

О Канда, уголок русского влияния! Если пройти от места неудавшегося покушения на императора Муцухито вверх от дворца на пару сотен шагов, подняться на пологий холм Отяномидзу, то в скоплении серых городских зданий ваш взгляд недоуменно остановится на русских мозаичных фресках. Свежим золотом сияют под ними крупные иероглифы, стилизованные под церковнославянскую вязь.

Серые стены собора напоминают о русской архитектуре конца прошлого века. Это не случайное совпадение. Собор Воскресения Христова был подарен Японии царским правительством и стал одним из первых каменных зданий в Токио. Во всей Японии не нашлось тогда архитектора, который умел бы по чертежам возводить дома из камня, и для этой цели был выписан специалист из Англии. Трудно поверить, что в эти годы во Франции уже была возведена Эйфелева башня, и тем более поразительным кажется тот прогресс, которого удалось достигнуть этой стране менее, чем за сто-

летие. «В 1863 году Япония была нулем по сравнению с Россией» *, — писал В. И. Ленин.

Здесь, в соборе Воскресения Христова, богослужение ведут плечистые бородатые японцы в парчовых золотых ризах, и в их бархатистых спокойных голосах, кажется, слышно древнерусское оканье, а от проникновенности пения невидимого хора так щемит сердце, что не сразу осознаешь, что все до одного слова вокруг произносятся на японском языке.

В годы русско-японской войны здесь, в сердце Токио, где отовсюду слышались протяжные марши, епископ Николай Касаткин открыто служил молебны за победу русского оружия.

Война — это тоже форма контакта. Русско-японская война дала толчок русским исследованиям в Японии, ускорила знакомство японских революционеров с социальными движениями России.

Если в России начала века народничество и анархизм, подготовив почву для восприятия марксизма, стали логически уступать ему место, то в Японии, не знакомой с идеями крестьянской революционности, они пришлись точно ко времени.

Общественная, политическая и экономическая жизнь России и Японии тех лет были удивительно схожи. Обе они вступили на капиталистический путь одновременно. В. И. Ленин отмечал, что в Японии, как и в России, «монополия военной силы, необъятной территории, или особого удобства грабить инородцев, отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего капитализма» **.

И там и здесь буржуазия и рабочий класс были малочисленными и слабыми, зато правительственная бюрократия, военное сословие — влиятельными и мощными; сельское хозяйство — отсталым и отягощенным

* Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 392.
** Леиин В. И. ПСС, т. 30, с. 174.

элементами феодализма, а монархическая власть носила деспотический характер и поддерживалась верой народа. Ни одна из этих двух стран не была знакома с буржуазной демократией, зато каждой пришлось пройти болезненный процесс европеизации, проводимой сверху, и поэтому к петровским реформам относятся в Японии наших дней с пониманием и интересом.

Для восприятия русских демократических идей в Японии была благодатная почва, ибо и здесь имелись свои разночинцы. Это был социальный слой, который неизбежно образуется при европеизации стран Востока, то есть переходе их на рельсы капитализма. Выходцами из старых, распавшихся групп, не нашедшими себе места в новой государственной структуре, были обедневшие самураи. Влачившие подчас самое жалкое существование, они были хорошо образованы и являли собой самый динамичный в стране слой. Русская революционная идеология оказалась им ближе всего по духу.

Но она пришла в Японию не одна. Удивительно созвучным настрою японских разночинцев стали и высокая нравственность русского революционного движения, и безграничная любовь демократической интеллигенции к простому народу, крестьянству, чувство своей вины перед ним и готовность к его просвещению, самопожертвованию ради него. Благодарный отклик встретили здесь и глубоко восточные по духу идеи Льва Толстого, и мучительные духовные искания Достоевского, и само слово «интеллигенция» считается в Японии, как и в других странах, русским по происхождению.

Итак, анархистов-бакунистов возглавила Суга Канно, кропоткинцев — Сюсуй Котоку, основатель революционной организации Движение простого народа. Он состоял с Петром Кропоткиным в личной переписке, которую они вели на английском языке.

Как анархист-кропоткинец С. Котоку был противником любой войны, и потому его газета «Хэймин симбун» стала в годы русско-японской войны единственным в

Японии органом печати, призывавшим к прекращению кровопролитной битвы с Россией. В ней были опубликованы обращение В. И. Ленина «К русскому пролетариату», статья Льва Толстого «Одумайтесь!», с состраданием и сочувствием сообщено о гибели русского художника Верещагина на крейсере «Петропавловск». Все это было для Котоку проявлением большого личного мужества. Со всех сторон на него сыпались обвинения в шпионаже в пользу России и пособничестве врагу, со дня на день он ждал ареста и казни. После окончания войны газета все же была разгромлена, и Котоку, спасаясь от репрессий, уехал и Америку, в Сан-Франциско. Там, живя в доме русской эмигрантки Фриц, он еще глубже проникся идеями анархизма и через год возвратился в Японию твердым сторонником анархической революции, правда, бескровной, проведенной в форме всеобщей стачки...

Но дома его ждал заговор об убийстве императора, подготовленный товарищами-бакунистами.

Должно быть, Котоку немало спорил с ними о методах борьбы. Словно в предвидении того, к какой духовной деградации может привести бесплодный индивидуальный террор в ячейках анархистов, он перевел на японский язык роман Ф. М. Достоевского «Бесы». Сколь пророческим оказался этот шаг, хорошо видно сейчас, когда анархистское движение в Японии наших дней стало являть собой сплошную нечаевщину.

Хотя Котоку отказался принять участие в покушении на императора, он считался ведущим революционером Японии и потому неизбежно стал главным обвиняемым по этому делу, получившему название «Дело о великой измене», и был казнен вместе со всеми.

Идеи Сюсуя Котоку и особенно бакунистки Суга Канно продолжают свою жизнь в современной Японии, и их книги в черных обложках пользуются спросом. Не слабеет интерес анархистов и к своим русским предшественникам. Именно здесь, в Токио, роясь на черных

полках книжного магазина, я впервые увидал фотографический портрет Нестора Махно. С титульного листа своей брошюры по земельному вопросу он ожег меня темным взглядом, полным непримиримой анархистской жестокости...

«Анархизм отошел в прошлое во всех развитых странах, но только не в Японии», — писал в газете «Джапан таймс» ее обозреватель Киёаки Мурата.

Почему же видим мы в Японии наших дней взмах черного знамени? Может быть, ее крестьянство так же темно и забито, как и девяносто лет назад? Да нет, этого не скажешь, пожалуй, глядя хотя бы на огромные вентиляторы, установленные по краям чайного поля. Подчиняясь электронному счетчику температур, они начинают автоматически вращаться, едва над полем сгустится холодная утренняя дымка. Не знаю, существуют ли еще где-нибудь в мире вентиляторы, машущие лопастями на улице, а не в доме.

И уж совсем не назовешь крестьян забитыми, когда они проводят перед зданием парламента страны одну из своих шумных демонстраций, и длинный людской поток перекрывает движение на центральных магистралях. Впереди него медленно идет крытый грузовик, увешанный лозунгами. Идущие поодаль глашатаи выкликают эти лозунги в микрофон: «Пусть правительство защитит нас от натиска американского импорта! Не надо нам американской говядины и апельсинов, своих хватает!» В подтверждение этих слов из окон фургона высовывают свои равнодушные морды молодые породистые бычки с гладкой кожей, с розовыми кружками носов. Чувствуется, что они участвуют в демонстрации не впервые и давно привыкли к шуму...

А ведь знавала парламентская площадь и другие демонстрации, исполненные высокого политического накала, а не сугубого экономизма.

В 1960 году, когда официальная Япония готовилась к встрече президента США Д. Эйзенхауэра, в Токио и

других городах страны начались массовые волнения протеста против продления японо-американского договора безопасности. В демонстрации, состоявшейся перед зданием парламента, приняло участие пять миллионов человек — больше половины населения японской столицы.

Все демонстранты просто не могли бы уместиться на небольшой площади, и толпа манифестантов, борцов против японо-американского военного сближения, растеклась по Гиндзе, Симбаси, опоясала широкий ров вокруг императорского дворца. Центр Токио был парализован. Всюду мелькали красные флаги...

И японское правительство, и американское посольство, которое, кстати, расположено недалеко от парламента и перед чьим фасадом тоже прошли миллионы демонстрантов, были не на шутку испуганы. Посольство США ежедневно отправляло в Вашингтон десятки шифрованных телеграмм, сообщая обо всех изменениях в настроениях манифестантов. Но пятимиллионная демонстрация в те июльские дни повторилась еще раз.

Незадолго до визита президента США в Токио прибыл советник Белого дома по делам печати Хэгерти. В аэропорту Ханэда толпа демонстрантов захватила его машину, блокировав путь, а перед американским посольством прокатились новые волны демонстраций.

Никогда не сталкивавшаяся со столь мощными выступлениями народа за весь послевоенный период, японская полиция попала в трудное положение: она просто физически не могла не только подавить, но даже как-то сдержать демонстрантов. Во всем полицейском корпусе тогдашней японской столицы насчитывалось двадцать четыре тысячи человек — что значат они против пяти миллионов! На помощь полиции были мобилизованы пожарные, почтальоны — все те, кто носит форму. Город оголился для грабежей, краж и других преступлений...

Японская мафия с блеском продемонстрировала в эти дни свою классовую сущность. Она не только не броси-

лись грабить банки и ювелирные магазины, но дружески предложила свои услуги полиции, ибо накал демонстра--- простых людей был опасен и для нее. За считанные часы мафиози передали в распоряжение полиции десятимесячную дружину профессиональных убийц и головорезов, и те помогали сдерживать натиск толпы...

Ну а что же анархисты? Они, наверное, тоже участвовали в тех манифестациях, но горстка их черных знамен потерялась в красном море.

В результате народных выступлений визит американского президента в Японию пришлось отменить, но японо-американский договор безопасности все равно был подписан на новый срок. И тем не менее эти дни вошли в историю демократического движения Японии. Никогда больше не видел Токио таких мощных демонстраций...

В послевоенный период правящие круги многих стран Запада, в том числе и Японии, всерьез напуганные распространением социалистического и коммунистического движения под влиянием победы Советского Союза во второй мировой войне, образования мировой системы социализма, постарались убавить пламя классовой борьбы самым верным способом — экономическим, поступившись для этого некоторой частью своих прибылей. Эти средства были направлены на повышение жизненного уровня рабочего класса — главной силы революционного движения.

По мере бурного экономического развития Японии после войны почти так же быстро, с небольшим отставанием, повышался и жизненный уровень японских трудящихся. На памяти всего одного поколения он неузнаваемо возрос, и многие простые люди, чьи деды радовались лишней пиале риса, научились разбираться в меню французских ресторанов, маршрутах заграничных поездок, драгоценных украшениях. «Лучше работаешь — лучше живешь», — и пропаганда, и сама жизнь постоянно подтверждают здесь этот принцип.

В здешних разговорах и статьях иногда можно встре-

тить такую мысль: трудящиеся Запада не могли бы жить такой материально обеспеченной жизнью, как сейчас, если бы не победа социалистической революции в России, напугавшая власть имущих, и потому будем же благодарны русским рабочим!

В последние десятилетия даже знаменитые на весь мир «весенние наступления» японских трудящихся приобрели какой-то скользкий характер. Каждый год в канун весны, в феврале, наши корреспонденты посылали в Москву заметки о том, что работники тех или иных частных предприятий подготовились к весенним забастовкам, сформулировали требования, которые они предъявят хозяевам, и полны решимости бороться за их удовлетворение. Все эти материалы были подготовлены по данным газет.

Но вот наступал март, а потом и апрель, приходило время самой борьбы, и тут газеты набирали в рот воды и начинали писать о другом. «Где же весенние наступления?» — шли рассерженные телеграммы из Москвы...

И вдруг в газетах как бы между делом сообщалось, что задачи очередного весеннего наступления уже выполнены...

— Как же так? — звонили мы профсоюзным боссам. Те с улыбкой объясняли, что администрация, как водится, упиралась, но представители профсоюзов настаивали в переговорах с нею, и в итоге обеим сторонам удалось достигнуть полюбовного соглашения об увеличении заработной платы рабочим и служащим на двенадцать с половиной процентов, что примерно соответствует индексу повышения цен. «Это способ решения вопроса по-японски», — поясняли профсоюзные боссы.

Разумеется, действуют в Японии и по-настоящему прогрессивные левые организации, союзы и партии, но они раздроблены, в то время как правые силы сплочены, объединенные общим материальным интересом.

Ну как тут не закричать: «Только барабан «Красной армии» может пробудить погрязшую нацию!»... если

взамен царистских иллюзий темной массы крестьян все чаще встречаешь другое — социальную инертность людей просвещенных, владеющих искусством вычисления на компьютерах. И потому анархизм, пожалуй, можно считать и традицией, и болезнью демократического движения Японии. Когда живая кровь классовой борьбы нормально обращается в организме общества, анархизм отмирает, уходит в прошлое, но стоит этой крови замедлить свой бег, затвердеть жирной струею, как анархизм вновь поднимает свое черное знамя — так в дни болезни приходит со дна души черная греза...

А что же делать тем молодым, кому кажется жалким мирок удовольствий, кто видит, как реакция умело переключает кнопки на табло общественной жизни, кто чувствует, что жизнью страны управляет небольшая группа людей? Нередко они попадают в объятия леваков, и в этом состоит одна из невидных трагедий нынешней улыбчивой японской молодежи...

ЯПОНСКИЙ НЕЧАЕВ

В советском посольстве в Токио трудно насладиться покоем в послеобеденные часы: мешают неизменно шумные демонстрации ультраправых. Хотя сейчас полицейские уже не подпускают их участников к воротам посольства, те, скопившись зеленоватой толпою у ближайшего поворота, громко выкликают свои лозунги и поют военные песни, кстати, очень ритмичные и красивые музыкально.

Лозунги же удивительно примитивны. Кроме призывов вернуть острова Малой Курильской гряды, они отличаются военной краткостью: «Хансо!» — «Против Советского Союза!», «Ханкё!» — «Против коммунизма!». На более детализированные воззвания праваки не отваживаются, потому что все их знакомство с коммунистической теорией, похоже, ограничивается этим словом.

По всему видно, что какой-либо стройной политической программы у них нет, и они возмещают это ревом динамиков.

В один из дней ультраправые все же блокировали вход в посольство, и я не смог провести туда свой автомобиль. Попетляв вокруг двух огромных белых зданий, я решил выпить кофе в одном из ближайших кафе, пока демонстранты не угомонятся.

Когда я спустился в кафе, там уже сидело несколько молодых людей в зелено-коричневых походных костюмах и новых кожаных коричневых сапогах до колен и пили пиво из высоких темных бутылок. Очевидно, они сбежали с демонстрации, не дождавшись сигнала к отбою.

— Ну, что, не удалось заехать в посольство?! — дружески засмеялись они, увидев меня...

— Да вы не бойтесь, проходите, — продолжали молодые праваки, — мы уже получили по две тысячи иен за демонстрацию и вот сидим, обмываем, а потом поедем в университет на лекцию...

Речь их была вполне интеллигентной, и я узнал обычных студентов, которые подрабатывали участием в антисоветских демонстрациях.

«А вот леваки не поступили бы так никогда!» — невольно подумал я...

Уж свои-то демонстрации не сулят им ни новых сапог, ни пива, и вообще ничего, кроме неприятностей, всеобщей нелюбви и гонений.

— Мы принимаем в свои ряды молодежь, которая не может найти себе места в буржуазном японском обществе, ощущает себя чужой. Ей претит скучная и сытая жизнь клерка в одной из бесчисленных компаний. Многих приводит в наши ряды и деспотичная требовательность семьи, желающей видеть своих отпрысков занимающими солидные посты и потому с детства выжимающей из них все соки, — говорит Фусако Сигэнобу, одна из руководительниц «Красной армии».

Она предводительствует ею из-за границы, ибо на

родине ее ждут наручники. Одному из зарубежных японских корреспондентов, которому Фусако дала интервью, она поставила условием не указывать название страны, где им удалось побеседовать. С газетной страницы глаза этой молодой женщины, аккуратно подведенные тушью, мерцают той же анархистской непримиримостью, что была во взгляде батьки Махно.

По традиции, идущей, может быть, от Суги Канно, женщины играют в ультралевом движении Японии активную роль. Сюда приносят они всю нерастраченную материнскую требовательность, самоотверженность и любовь. Добровольные контрразведчицы, неустанные разоблачительницы шпионов, они усиливают и без того присущий этому движению болезненный драматизм...

В Стране восходящего солнца темнеет рано, и спустившийся с гор закат оранжевым узким лучом прочертил потолок маленькой тюремной камеры, иссякнув у самого края оконца. Тотчас стало темно, и худощавый молодой человек, сидевший, поджав ноги, на полу, за низким столиком, перестал писать и устало запрокинул голову. В синем вечернем сумраке четко обозначились его высокий лоб, орлиный нос самурая и тонкие губы, крепко сжатые в непреклонной усмешке. Лицо его показалось бы красивым и умным, если бы не грубые тени по углам глаз.

Через несколько минут во всех концах тюрьмы одновременно зажегся свет, и молодой человек, вздохнув, поднес авторучку к лежавшему на столе широкому листу тонкой почтовой бумаги.

Это было двенадцатое письмо, написанное им за этот вечер. Каждое из них он начинал так: «Уважаемые господа! Приношу Вам свои извинения за невольно причиненное горе. В результате моих жестоких действий Ваш сын (или дочь) были лишены жизни на горе Харуна в префектуре Гумма примерно в восемь часов тридцать пять минут пополудни. Мы решили, что он стал предателем по отношению к «Красной армии» и долго убеждали его

сознаться и даже применили физическую силу, но он отвечал упорным отказом. Тогда, по-товарищески осудив Вашего сына (или дочь), мы подвергли его мучительной казни. Я считал также, что устранением ненадежных товарищей мы обрубаем засохшие корни с нашего древа и даем поучительный пример остальным. Ваш сын вскоре оставил этот мир, чтобы возвратиться к нам в грядущих рождениях. Мы похоронили его в восемнадцати метрах от нашего лагеря на южном склоне горы Харуна.

После моего ареста я указал полицейским могилу Вашего сына (или дочери) и потребовал, чтобы его тело было как можно быстрее доставлено Вашей семье.

С почтением кланяюсь Вам

Цунэо Мори, заместитель командующего «Красной армией».

Закончив письмо, Цунэо Мори смахнул его со стола, и оно с шелестом опустилось на лежавшую на полу стопу других писем. Потом, не вставая с колен, он протянул руку к стене и сорвал с крючка маленькое белое полотенце из мягкой ткани. Разорвав его вдоль на несколько тонких полос, он связал их узелками, сделав на одном конце петлю, а другой умудрившись привязать за край низенького стола, затем лег на живот и осторожно просунул в петлю шею.

Казалось, невозможно повеситься в таких стесненных условиях, но Цунэо Мори упорно пригибал шею к полу, затягивая петлю. Он расставался с жизнью так же легко и спокойно, как недавно лишал жизни других, и нельзя было понять, чего в его обреченности было больше — революционного самоотречения или буддизма.

Цунэо Мори! В дни ранней весны 1972 года его имя было у всех на устах, потому что полицейские откапывали из земли в окрестностях горы Харуна все новые тела жертв его товарищеских судов.

Как заключили опытные психиатры, освидетельствовавшие Цунэо Мори, причиной всех его преступлений

была неуемная жажда власти, соединенная с ущемленным самолюбием, которое требовало от него постоянного утверждения в собственных глазах. Однако на главный вопрос врачи так и не дали ответа: почему именно такие люди столь часто в человеческой истории оказываются во главе социальных движений — и таких малых, как «Красная армия», и бесконечно более крупных? Проследим же кратко историю его двадцатисемилетней жизни...

Цунэо Мори рос в семье единственным ребенком. Его отец, скромный почтовый служащий в городе Осака, ценой необычайного усердия за два десятка лет поднялся от рядового почтальона до начальника почты.

— Не будь таким, как отец, ты должен стать большим человеком! — говорила Цунэо его мать, властная женщина. Как и большинство японских матерей, она нигде не служила, отдавая всю себя воспитанию сына. Каждый день, как только заканчивались уроки в школе, она приходила туда и подолгу вела разговоры с учителями. Они терпеливо и участливо беседовали с нею, ибо такой образ матери распространен здесь, а вот единственный ребенок, наоборот, редкость: должно быть, по каким-то причинам супруги Мори больше не могли иметь детей.

Подчиняясь матери, Цунэо зубрил учебники изо всех сил. Правда, по воскресеньям он иногда капризничал и плакал, когда мать не отпускала его на улицу поиграть с детьми. Тогда она угрожающе говорила: «Ты хочешь стать почтальоном?!» — и он покорно склонял над учебниками стриженую мальчишескую голову.

Так же, как отец, Цунэо своим усердием, ценящимся в Японии очень высоко, добился поста маленького начальника, сам Цунэо заработал славу лучшего ученика школы, поверив в свою исключительность. Он поддерживал эту славу на протяжении почти всех двенадцати лет учения, и перед ним расстилалась реальная перспектива поступления в самый престижный в Японии Токийский университет, открывающий своим выпускникам широкие

возможности любой карьеры. И так бы, наверное, случилось, если бы отца Цунэо вдруг не перевели заведовать почтой в другом конце города.

В новой школе никто не знал, что Цунэо — лучший из учеников, и его встретили холодом и насмешками. Никогда в жизни не видавший никаких трудностей, кроме трудностей учебы, Цунэо сразу сник, проявив слабость, неподобающую самураю, и забросил учебу.

С грехом пополам окончив школу, он поступил в Осакский городской университет, не сулящий никаких особых перспектив, и Цунэо, скорее всего, ожидала скромная карьера его отца. Мать Цунэо слегла от горя, а сам он перестал по вечерам стремиться домой, где его ждала горькая атмосфера разбитых надежд.

Надоела ему и скука учебы, и он подумывал о том, чтобы бросить все к черту и податься на заработки в дальние края, если бы всесильный случай не свел его с действовавшей в Осакском университете организацией леваков. Тут Цунэо обрел себя...

В течение полутора лет он выдвинулся на один из первых постов в «Красной армии», а она, что ни говори, уже была известна на весь мир. Как и подобает руководителю террористической организации, Цунэо окончательно перешел на нелегальное положение. Его мать умерла от горя, а отец окончательно замкнулся в себе.

Осенью 1972 года «Красная армия» устроила в токийском концертном зале «Ёцуя кокайдо» массовый митинг, на котором приняла такую резолюцию: «Товарищи! Начинайте революционную партизанскую борьбу, свергайте американо-японский империализм! Добивайтесь победы революции в Японии и во всем мире! Основа этой революции — «Красная армия»!.»

Честно говоря, эти слова не вызвали у широкой общественности никакого интереса, потому что слишком часто она слышала их от разных мелких группировок. Но через несколько месяцев около сотни леваков во главе с Цунэо Мори снялись с насиженных мест и от-

правились почему-то в горы, словно там находился парламент, который следовало штурмовать. В горах их ждало множество хитроумно замаскированных пещер, блиндажей и землянок, а также складов взрывчатки и охотничьих ружей, похищенных специальными командами из охотничьих магазинов всей страны.

Затаившись в землянках, леваки несколько дней сидели там, молча наблюдая, как в сером утреннем воздухе на пологий склон горы Харуна падают хлопья снега. А потом началось совсем непонятное: вместо того чтобы начинать вооруженную борьбу, они стали пристально приглядываться друг к другу. Каждый старался понять, кто из его товарищей мог бы оказаться потенциальным перебежчиком в стан врага, полицейским агентом или просто малодушным отступником. Возможно, этот казавшийся безрассудным поход был с самого начала задуман руководителями «Красной армии» как ее проверка на прочность. Что ж, история знает и такое...

— Смотрите, она отправилась в революционный поход в меховых наушниках, это же типичный признак буржуазности! — вскричала вдруг одна из девушек, указывая пальцем на свою подругу. После скорого суда она была ликвидирована ударом ножа.

Юноша-шофер не смог провести свой грузовичок по горной тропе, упустил руль, и машина укатила вниз по склону.

— Вредитель! — разом вскричали леваки и расправились с ним.

В революционный поход вместе со всеми пошла одна из женщин, пребывавшая на седьмом месяце беременности, активистка «Красной армии». Цунэо Мори и его помощники поняли, что взяли ее в поход зря, и привязав к дереву, оставили замерзать, а сами снялись и перешли в другой лагерь...

Да, не напрасно перевел Сюсуй Котоку на японский язык «Бесов»! Все происходило точно так же, как и в

этом романе Достоевского. Леваки, обагрив свои руки в общем жертвоприношении, еще крепче начинали держаться ими друг за друга, а диктатор Цунэо Мори, как Петр Верховенский, оставлял свои руки чистыми, поручая убийства рядовым членам организации, чаще всего всем сразу.

Руководители революционного похода со свойственной японцам тщательностью заранее подготовились к сокрытию следов своих преступлений. Запасшись подробными топографическими картами горной местности, они подобрали по ним наиболее укромные места для будущих могил.

Список жертв Цунэо Мори рос день ото дня. Как это часто бывает, вчерашние судьи и ожесточенные исполнители приговоров сегодня сами становились судимыми и казненными.

Пресса широко освещала кошмарные подробности революционного похода «Красной армии», исподволь давая понять, что такая жестокость свойственна не только левакам, но и всем революционерам в целом. Вскоре уцелевшие участники похода были арестованы.

Отец Цунэо Мори так ни разу и не навестил его В тюрьме, хотя полиция приглашала. Она вообще очень часто использует этот прием для оказания морального давления на леваков. Многие из них, встретив в тюремной камере родителей, легко отказываются от обета молчания и начинают давать показания. Если задержанный активист ультралевого движения был моложе двадцати лет и потому считался по японским законам несовершеннолетним, то полиция попросту звонила в его дом и предлагала родителям прийти в полицию и при этом условии обещала выпустить их сына на свободу.

— Нет, мы не придем! — часто отвечали родители левака, — мы долго убеждали его порвать с экстремистами, но он не слушал нас, и мы отказались от него. Делайте с ним все, что хотите...

По принятой в Японии конфуцианской традиции, воз-

лагающей ответственность за проступки человека на всю его семью, общественное мнение переносило часть вины леваков на их родителей. Не случайно молодые люди, вступая в левоэкстремистские организации, специальной церемонией порывают со своей прежней семьей, с родителями.

— Отец и мать! Теперь я принадлежу только вам! — говорят они, обращаясь к своим товарищам по борьбе.

Со всех концов страны в адреса родителей арестованных участников революционного похода «Красной армии» шли письма, полные оскорблений и угроз, день и ночь звонили телефоны. Их дома осаждали толпы корреспондентов в надежде на то, что во двор выйдет кто-нибудь из родителей леваков, и у него можно будет взять интервью позора. Но никто не выходил из домов, и они много дней стояли закрытые наглухо. Некоторые из родителей тут же кончали с собой, чтобы искупить грехи детей, многим пришлось уйти со службы...

Ссылаясь на данные полиции, газеты отмечали у леваков две черты — крайне слабое знание революционной теории, неумение вести философский спор и фанатичную преданность своей группировке.

— Увы, обе эти черты глубоко японские! — усмехается мой собеседник — известный на весь мир писатель Кэндзабуро Оэ, посвятивший все свое творчество судьбе японской молодежи. Его романы «Опоздавшая молодежь», «Объяли меня воды до души моей», «Футбол 1860 года», многочисленные повести и рассказы издавались и в нашей стране. Одна из главных тем «Опоздавшей молодежи» — ультралевое движение.

— При рассказе о леваках духовным маяком для меня служил роман Федора Достоевского «Бесы», — говорит писатель. — Непримиримость и жестокость леваков связана с национальным характером японцев, отличительной чертой которого служит преданность группе, в которую вступил когда-то, будь то фирма, учебное заведение, политическая партия. Эта черта восходит к

преданности самураев своему клану. Она была фанатичной, как и преданность нынешних леваков, и потому теория борьбы им не особенно нужна. Молодые студенты, юноши и девушки, пытали и уничтожали своих товарищей не столько за измену ультралевому движению, в идеологических тонкостях которого они и сами весьма слабо разбирались, особенно девушки, сколько за измену своей группировке, ради которой все они были готовы положить жизни. Вожди ультралевого движения ловко пользовались этим...

Мы сидим с Кэндзабуро Оэ рядышком на кожаном диване в Центральном Доме литераторов в Москве. Зима. Сквозь заиндевевшие стекла окон белеют в темноте лепные украшения особняков, хранящих вековой уют. В неровностях стен ощущаются движения рук строивших их людей. Когда идешь вдоль улочки таких старинных домов, кажется, слышишь нежную песню памяти и вздыхаешь вдруг полной грудью.

Как дороги мне эти места! Жиденькой сетью окружили старинные переулки Центральный Дом литераторов. Где-то недалеко стоит особняк, в котором родился князь Петр Кропоткин. Неужели всем им предстоит постепенно сойти на нет, погибнуть под испачканным коричневой глиной ножом бульдозера?

Как далеки отсюда проблемы Японии и как близки! Разве не оставил анархизм корней и на своей второй родине, в России? Оставил, и очень много, некоторые из них живы и сейчас. Откуда, например, идет эта пагубная страсть к разрушению памятников старины, забвению родной истории? Оттуда, из анархизма, призывающего к полному отрицанию прошлого. А болезненное стремление к разрушению семьи, бесплодное усилие во всем уподобить женщину мужчине? Тоже оттуда, из анархизма, с его механистическим пониманием равенства как полного тождества. И, наконец, культ сильной личности, принесший нам столько горя, откуда он? Тоже из анархизма...

Да, нигде и никому анархисты не приносят счастья. Их принято только ругать, и не без причин, ибо в наши дни они совершают не только хулиганские выходки, но и довольно кошмарные преступления, заслуживающие строгих кар, которые они, впрочем, почти всегда получают.

Но давайте посмотрим на леваков шире. Да, они доставляют немало опасности и тревог людям — но не пытаются извлечь из этого никакой личной корысти. Да, они жестоки и немилосердны, но они сами избирают себе путь ненавидимых и гонимых, без надежды на прощение. Словно раненый зверь, нападают они на своего и чужого.

Часто пишут о том, что леваки иногда смыкаются в своем экстремизме с ультраправыми, с фашистами. Да, бывает и так, но взрыв ультралевого движения в Японии семидесятых годов не на шутку испугал именно ультраправых. Даже в этой уродливой форме борьбы они углядели отсвет революционной бури.

— Эти люди способны на все. Трудно представить, что было бы, окажись у них в руках атомная бомба! — так сурово осудил леваков писатель-националист Юкио Мисима, — словно это не он в скором времени, облачившись в мундир, прибудет на военную базу Итигая и попытается поднять солдат на штурм правительственных зданий, а когда те откажутся и Мисима поймет, что попытка фашистского путча не удалась, по старому самурайскому обычаю покончит с собой, вспоров мечом живот.

Несмотря на то, что леваки уже были достаточно отруганы, осуждены и скомпрометированы в газетах, ультраправые организации почему-то не поленились подвергнуть их дополнительной компрометации, носящей политический характер.

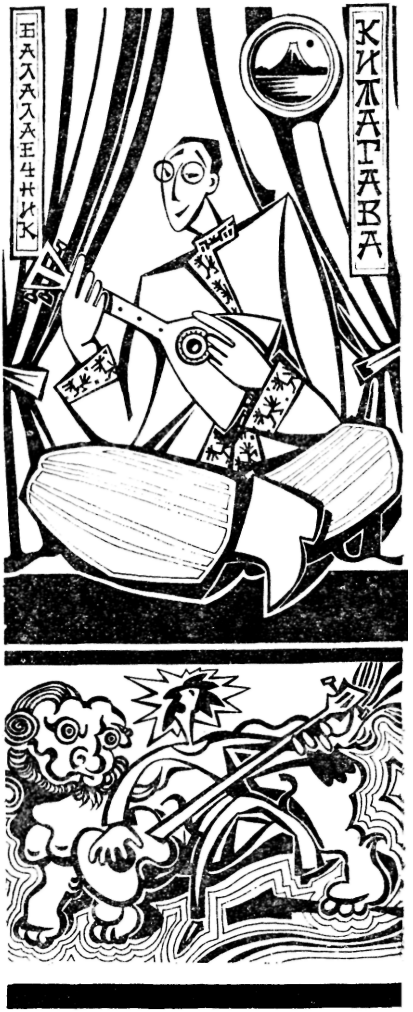
Они спешно создали небольшую экстремистскую группировку, чье название звучало на японском языке почти так же, как «Красная армия». Она тоже провозгласила

своей целью вооруженное свержение существующего режима и даже застрелила часового на военной базе Асака, а потом объявила о своей принадлежности к ультраправым. Из этого как бы вытекало, что и все леваки на самом деле связаны с праваками, поэтому ничего особенно нового от них ждать не следует.

И это снова подтвердило то, что анархисты и леваки не пустой звук. Как бы ни были малочисленны их ряды, они не истончатся до конца в наше время и еще не раз будут привлекать внимание и всей страны, и мира.

БАЛАЛАЕЧНИК КИТАГАВА

В подвал одного из деловых зданий, где репетировал оркестр, не достигал суетный шум города. Здесь, в рокоте струн, рождалась томительная мелодия старого русского вальса «На сопках Маньчжурии». Я не верил своим глазам, лица музыкантов преображались. С них сползали дежурные выражения показного безразличия и замкнутости — характерные японские маски. Глаза, широко раскрытые в волнении, начинали выражать обычные человеческие чувства, которые здесь принято тщательно скрывать. Похоже, русская музыка помогала этим людям духовно раскрепоститься.



Об этом событии не сообщила ни одна из японских газет, гордящихся своей оперативностью. А между тем оно заслуживало этого, ибо было по-своему символичным.

Несколько лет назад, весной, в столице Японии был создан первый оркестр русских народных инструментов. Его организовал Цутому Китагава, двадцатисемилетний тогда первый в Японии балалаечник...

Это имя мне было знакомо. Однажды на токийских улицах появилась скромная афиша, на которой был изображен молодой японец в расшитой русской рубашке, каких у нас, к сожалению, уже не носят. Он склонился над балалайкой. Его взгляд был открытым, незащищенным и каким-то глубоко русским по духу. «Балалаечник Китагава», — было кратко указано внизу рекламного листка.

Нескончаемые журналистские дела помешали мне в тот день попасть на его концерт, однако я часто потом вспоминал это необычное и приятное русскому уху сочетание слов: «балалаечник Китагава».

Наконец случай свел нас вместе, когда в концертном зале «Синдзюку бунка сэнта» выступал ансамбль русской песни и пляски «Сиракаба» («Березка»), созданный тридцать лет назад. Он пользуется популярностью, потому что русскую музыку в Японии знают и любят. Гастролировал этот ансамбль и в Москве.

На просторной сцене стояли рядами японки в кокошниках, сарафанах и, помахивая платочками, пели по-японски русские народные песни: «Коробейники», «Хуторок» и множество других. Среди исполняемых ими песен было немало произведений и советских композиторов: Дунаевского, Соловьева-Седого. Когда певицы покидали сцену, туда выбегали молодые люди в косоворотках, сапогах и начинали носиться вприсядку, отчего зал взрывался рукоплесканиями.

Цутому Китагава сидел в углу сцены среди оркестрантов и играл на балалайке,

Все они — н музыканты, и танцоры, и певцы — были рабочими и служащими компаний, домохозяйками и студентами, учителями. Прежде чем прийти на концерт, они долго кланялись своим начальникам, подробно объясняя им, для чего им нужно сегодня уйти с работы пораньше.

Когда кассиры подсчитают выручку, артисты не получат из нее почти ничего. Деньги уйдут на аренду зала, плату за рекламу. В «Сиракабе» выступают не ради денег. Всех ее участников объединяет одно — бескорыстная любовь к русской музыке.,.

Цутому ждал меня у выхода из зала. Вместе мы прошли в ближайшее кафе, где он и рассказал о созданном им недавно музыкальном коллективе...

— В нашем оркестре играют люди разных поколений, — говорил Цутому, — многих из них поначалу приводит в оркестр чувство усталости от бездушного шума электромузыкальных инструментов. (К счастью, это отрезвление понемногу приходит теперь и к нам.)

Я стараюсь всячески помогать закреплять в них интерес не только к прекрасной русской народной музыке, но к богатой традициями культуре России, к жизни советских людей, — продолжал Цутому Китагава. — Об этом я говорю и слушателям, когда выступаю на музыкальных праздниках в университетах и школах, ученикам, которых у меня более пятидесяти. Хотя в Японии русская культура имеет глубокие корни и произведения Толстого, Достоевского, Тургенева знакомы каждому японцу, трогающая душу музыка балалайки до сих пор воспринимается как откровение. Недавно я выступал в одном из концертных залов на Аояме, рассчитанном на двести зрителей. На концерт их пришло в три раза больше. Люди стояли в проходах, толпились у самого края сцены. На их лицах я читал удивление и радость...

Разные мысли рождал во мне рассказ первого японского балалаечника. Увы, я не умею играть на балалайке, как не умеют делать этого миллионы моих сверстни-

ков, хотя наши деды умели. Балалайка была для них не утехой, а источником красоты и лиризма, инструментом для выражения чувств — всем тем, чем стала она для Цутому Китагавы и его учеников...

Следующим вечером я пришел на репетицию оркестра, созданного Китагавой. За широким окном разгорались огни реклам, зажигались окна крошечных японских ресторанчиков — район увеселений Синдзюку начинал свою суетную ночную жизнь. Но сюда, в полуподвальный этаж одного из деловых зданий, не достигал его шум. Здесь в рокоте струн рождалась томительная мелодия старого русского вальса «На сопках Маньчжурии»... Я не верил своим глазам: лица музыкантов преображались, с них сползали дежурные выражения показного безразличия и замкнутости. Лица начинали выражать обычные человеческие чувства, которые здесь принято тщательно скрывать. Похоже, русская музыка помогала этим людям раскрепоститься.

Стоя у рояля, Цутому дирижировал, и дирижерская палочка взлетала в его руке так же легко и изящно, как у его отца Го Китагавы — создателя и бессменного руководителя хора «Березка». С детских лет Цутому учился у него игре на многих русских народных инструментах, перенял дирижерское искусство, так как не имел средств на учебу в консерватории. От отца он унаследовал и любовь к русской музыке, которой, как и тот, посвятил свою жизнь...

— Я мечтаю о том, чтобы и мои дети также посвятили себя любимой мною русской музыке, — сказал Цутому Китагава, прощаясь...

Как тут не вспомнить и о знаменитой певице Тэруко Оно, создавшей в Токийской консерватории первую в стране кафедру русского вокала. Именно благодаря ей, выпускнице Московской консерватории, по японскому радио и в концертах мы можем слушать романсы и оперные арии русских композиторов, исполняемые на русском языке.

— Вы не можете представить, с какими препятствиями я столкнулась, решив создать эту кафедру. Поверьте, если бы это была кафедра итальянского или немецкого вокала, никаких трудностей не возникло бы, уверяю вас, — рассказывает певица. — Но здесь, стоило мне заговорить на заседании ректората о кафедре русского вокала, как все вокруг насмешливо прищуривали глаза:

— Что же, Оно-сан, значит, вы за русских?..

И все же Тэруко Оно вышла победительницей и своей цели добилась. Ей пришлось преодолеть сопротивление многих недоброжелателей, а действовала она в одиночестве. Какой же нужно обладать целеустремленностью и любовью к русской музыке! Ведь даже в коммерции здесь господствует странный принцип: «Купить нефть у Саудовской Аравии — это торговля. Приобрести же ее у Советского Союза — это политика»...

По-моему, подвижническая деятельность Тэруко Оно по пропаганде в Японии русской музыки у нас еще не оценена.

В начале весны, вскоре после того, как Цутому Китагава организовал свой оркестр, школа русского языка на токийской телестудии Эн Эйч Кэн отметила свое десятилетие. Два раза в неделю отсюда, из голубоватого стеклянного здания в районе Сибуя, передачи русского языка транслируются на всю Японию.

— К сожалению, японские средства массовой информации слишком мало рассказывают о Советском Союзе, — заявил в беседе со мной ведущий режиссер передачи «Русский язык» Т. Хирамацу, — поэтому мы, авторы передачи, считаем своим долгом всячески восполнять этот пробел. Так, сейчас нами задуман новый цикл «По пятнадцати союзным республикам», посвященный шестидесятилетию образования СССР...

Рядом, за большим редакционным столом, сидели несколько пожилых японцев и негромко спорили между собою, мешая японские слова с русскими. Временами кто-нибудь из них вставал, подходил к висевшей на

стене зеленой грифельной доске и начинал выводить на ней русские буквы каллиграфическим почерком...

Вообще-то в Японии не принято спорить. По здешним моральным нормам, человек, потерпевший любое поражение, в том числе в споре, считается опозоренным, «потерявшим лицо». Оттого, например, в борьбе дзюдо спортсмены, предчувствуя поражение, картинно бросаются на пол, падая на спину и стараясь рассчитать движение таким образом, чтобы доски пола гнусаво запели от удара. Это считается красивым и благородным выходом из игры.

По этой же причине солдаты японской императорской армии накануне разгрома милитаристской Японии во второй мировой войне хладнокровно закололи штыками тысячи своих соплеменников, жителей острова Окинава, чтобы они не сдались в плен американцам и не уронили таким образом престижа Японии...

По традиции, противоположная точка зрения здесь выражается намеком, показным удивлением, нарочитым переспрашиванием собеседника. Однако сидевшие передо мной японцы все были русистами и, видимо, переняли у русских интеллигентов их любовь к бескорыстному спору...

Наша национальная культура имеет здесь глубокие корни. Произведения русских писателей и композиторов известны огромному большинству жителей страны, в том числе молодежи.

Ну а какой эмоциональный образ нашей страны сложился в их сознании? Что знают они о ее жизни?..

Выяснить все это можно было лишь путем опроса, и я решил провести его среди старших школьников. Именно у этой социальной категории еще свежи все полученные знания, а ответы наиболее искренни и не подвержены посторонним влияниям.

Договориться об опросе среди старшеклассников было нетрудно. Ранним утром я приехал на Канду — в старинный уголок Токио. Здесь, в большом белом

здании с красным флагом, расположены правления учительских профсоюзов.

У самой крыши находится штаб-квартира профсоюза работников средней школы второй ступени. Один из его руководителей, пожилой спокойный человек, пообещал выполнить мою просьбу.

— Я свяжусь с одним из наших активистов, и вы сможете провести на его уроке свой опрос, — сказал он.

— Тогда я заготовлю тридцать анкет? — спросил я.

— Сколько? — с улыбкой переспросил старый учитель, — это в СССР в каждом классе занимается по тридцать учеников. Наши же классы перегружены. В каждом — более сорока школьников. Перегруженность классов — большая проблема наших школ...

На следующий день рано утром в моей квартире зазвонил телефон:

— Преподаватель обществоведения в средней школе Мусасигаока, господин Вакана, согласился провести ваш опрос во время урока...

Японцы не любят прямых вопросов — это подсказывал мне опыт учебы в японском университете Токай. Если они не уверены в правильности ответа, они предпочитают отвечать уклончиво, чтобы не «потерять лицо», ошибившись. Даже во время экзаменов и контрольных работ здешние профессора редко задают вопросы в лоб. Чаще всего они предлагают несколько готовых вариантов ответа, из которых следует выбрать правильный...

Потому и я решил построить свой опрос в виде ряда повествовательных предложений. Их было четыре: «В СССР все образование, включая учебу в университете, полностью бесплатно». «Медицинское обслуживание обеспечивается государством и также является бесплатным». «В стране отсутствует безработица». «Трудящиеся в СССР имеют месячный отпуск». Ниже предлагались варианты ответов: «да, нет». Нужное следовало обвести в кружок...

Лишь один вопрос я поставил прямо: «Какая страна

сбросила атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки?»...

Пусть этот вопрос не кажется вам надуманным: японцам, особенно молодым, подросткам, не все так ясно в этом вопросе, как нам...

В наши дни между Японией и США существует тесный военно-политический союз. Буржуазные средства массовой информации делают все, чтобы не возбуждать в народе антиамериканских чувств.

Трагедия японских городов, подвергшихся атомной бомбардировке, — незаживающая боль в сердце народа. Но газеты и журналы не стараются заострять на ней внимание. В их изложении эта история выглядит примерно так: «В 1945 году в Хиросиме случилась большая трагедия — на город была сброшена атомная бомба. Много людей погибло. В стране осталось немало «хибакуся» — жертв радиоактивного облучения. В наши дни они ведут борьбу за запрещение атомного оружия... Пусть великие державы прекратят гонку атомных вооружений!»...

Вопрос о том, кто конкретно был виновником этой трагедии, обходится...

Разумеется, старшее поколение японцев, пережившее ужасы войны, хорошо помнит о том, кто сбросил атомную бомбу на Хиросиму. Знает об этом и среднее поколение, ведущее борьбу за ликвидацию военных баз в Японии, и молодежь, участвующая в этой борьбе. А вот у подростков полной ясности в этом вопросе нет. Случайно услышанные на улице, в метро обрывки их разговоров подкрепляли мои опасения...

Переписав вопросы по-японски, я размножил анкету в сорока экземплярах на ксерокопировальном аппарате и следующим утром поехал на западную окраину Токио, где находилась школа Мусасигаока...

Ее четырехэтажное здание мало отличалось от других школ. Перед ее фасадом зеленел не аккуратный, но бесполезный скверик, а небольшой стадион. Свой стадион имеется почти в каждой школе, если позволяет

площадь. Это, несомненно, большая заслуга японских учителей...

В школе было тихо — там шли уроки...

Ознакомившись с вопросами анкеты, учитель Вакана весело рассмеялся:

— Я думаю, вопросы слишком сложны для наших семнадцатилетних учеников. В лучшем случае они лишь смогут показать вам Советский Союз на географической карте!..

Однако когда прозвенел звонок на урок, Вакана все же прихватил с собой конверт с моими анкетами. Остановившись на пороге учительской, он виновато улыбнулся:

— Не могли бы вы взять с собой этот складной стульчик, чтобы сидеть на нем во время урока? В классе нет свободных мест...

Вакана торжественно вошел в класс через переднюю дверь, а я попытался проскользнуть через заднюю, но тотчас был замечен. В классе поднялся шум. Школьники громко смеялись, кивали на меня друг другу.

Вакана со спокойной улыбкой ждал...

— Это советский корреспондент. В конце урока он устроит вам опрос. Имейте в виду, что он знает японский язык!..

Школьники быстро уселись за столы, стоявшие четырьмя рядами. В каждом сидели либо одни мальчики, либо одни девочки. Все — по одному за столом.

Подойдя к доске, Вакана написал тему урока: «В чем отличие между японскими школьниками пятидесятых и восьмидесятых годов». Очевидно, эту серьезную социологическую тему следовало понимать шире: как изменилась молодежь Японии за последние тридцать лет...

Не теряя времени, ребята по очереди стали поднимать руки и высказывать свои соображения на эту тему — очевидно, такая форма ведения урока была здесь привычной...

— Раньше ребята получали все сведения об окру-

жающем мире в школе, а теперь получают их из телевизора. Авторитет школы упал...

— Говорят, раньше можно было свободно высказывать свое мнение, а сейчас приходится подчиняться общепринятому, иначе тебя обольют холодной водой...

— Раньше жизнь была тяжелой, и люди рано приучались к труду...

— В наши дни люди меньше общаются друг с другом, — говорили ученики.

Вакана кратко комментировал их мнения, иногда незаметно поправляя, и быстро записывал конспективное изложение на доске, вертикальными столбцами, постукивая мелом. Вскоре вся доска была испещрена иероглифами.

Хотя среди ответов попадались и неправильные, и наивные, и незрелые духовно, Вакана ни разу не высмеял, не одернул никого из ребят. Лишь одного ученика он под общий смех посадил на место, потому что тот не смог внятно выразить свою мысль.

Если то или иное утверждение казалось спорным, Вакана ставил вопрос на голосование. Получалось, что урок вели как бы сами ученики... Они приучались делать собственные суждения, без стеснения высказывать их и с уважением относиться к чужому мнению.

— А сейчас я хотел бы ознакомить вас с последним указанием министерства просвещения, пересмотревшего учебники истории, — объявил Вакана и поднял над головой недавно изданный учебник. — Его новая редакция реакционна — путем изменений в формулировках и оценках исторических событий в нем меняется трактовка истории японского милитаризма. Так, например, все вы знаете о трагедии жителей Окинавы: в конце войны японские солдаты убивали их, чтобы они не сдавались в плен американцам. По новому указанию министерства просвещения, сейчас об этом можно не рассказывать ученикам...

В доказательство Вакана показал классу новое

оглавление учебника. Параграф об Окинаве в нем отсутствовал...

Как это принято в Японии, Вакана воздержался от окончательной оценки. Лица ребят также оставались бесстрастными. Казалось, что они пропустили слова учителя мимо ушей...

Однако именно так, сжав в комок все чувства, здесь реагируют на все истинно волнующее, важное. Слова учителя всколыхнули общую боль, передаваемую из поколения в поколение. Это лучше всяких лозунгов подсказало ребятам мысль о необходимости и закономерности борьбы против происков реакции.

Незаметно пробежали сорок пять минут урока: он длится здесь пятьдесят.

— А сейчас займемся анкетой, которую принес советский корреспондент, — объявил Вакана и раздал листы ученикам.

В классе снова поднялся шум. Стряхнув оцепенение, ребята перебегали с парты на парту, вполголоса советовались. Сидевшая за соседним столом девочка боролась между желанием написать все, как требуется, и незнанием того, что следует отвечать. Она аккуратно обводила карандашом то «да», то «нет», затем быстро стирала все резинкой и в горестном раздумье подпирала рукою щеку...

Один из вопросов поставил ребят в тупик. Сидевший в первом ряду хмурый ученик — худой, затянутый в черный школьный мундир — поднял руку.

— Сэнсэй, а что такое «отпуск»? — обратился он к Вакане.

Все ребята тотчас обернулись к нему — они тоже не совсем ясно представляли, что это такое.

— Отпуск — это когда можно не ходить на работу, отдыхать, получая в это время зарплату. У нас, учителей, отпуск составляет восемь дней в году, — с улыбкой пояснил Вакана...

Примерно такова средняя продолжительность от-

пуска в Японии. Оттого буржуазная пресса не очень любит заострять внимание читателей на этом обстоятельстве.

Мало удивительного в том, что семнадцатилетние люди не имели четкого представления об отпуске — в жизни их родителей он не играл заметной роли. У некоторых из ребят, сидящих в классе и торопливо заполняющих анкету, родители не знают не только отпусков, но даже выходных. Это лавочники, работники мелких предприятий и фирм. Возможность отдохнуть два-три дня выпадает им лишь на Новый год.

В этих семьях никогда не ведут разговоров о предстоящем отпуске. Многим просто невдомек, что можно вдруг остановить работу и куда-нибудь уехать.

Когда мы, работники советских учреждении в Японии, сообщали своим знакомым японцам о том, что собираемся домой в отпуск, те с улыбкой переспрашивали:

— Значит, через неделю вернетесь?..

— Нет, возвратимся месяца через полтора...

— Не может быть!..

Глаза наших собеседников округляются. Всегда невозмутимые, на сей раз они просто не могли сдержать изумления...

Чувствовалось, что вопрос об отпусках задел ребят за живое. Из сорока человек одиннадцать полностью отказали советским людям в отпуске. Одиннадцать ребят, правда, написали, что отпуск в СССР составляет две недели, очевидно, месячный срок показался им совсем уже недопустимой роскошью. К сожалению, они тоже оказались правы, потому что именно таков пока отпуск у значительной части наших рабочих и служащих, что явно недостаточно в условиях возросшего темпа жизни. Однако относительное большинство — восемнадцать человек — все же ответили правильно.

Абсолютное большинство ребят — семьдесят процентов — своими ответами подтвердили то, что им известно о полном отсутствии в СССР безработицы.

Их ответы о виновнике хиросимской трагедии также развеяли мои опасения. Лишь один из школьников почему-то указал в этой роли... Японию. Все остальные написали в свободной графе анкет: «Бэйкоку», «Амэрика гассюкоку», или по-английски, «Ю Эс Эй». В переводе все это значило одно и то же — «Америка»...

С какими только интонациями не произносят здесь это слово! С возмущением и ненавистью — те, кто борется против засилья американской военщины. С умело скрытым раздражением оно вылетает из уст руководителей деловых кругов, которых американские конкуренты норовят схватить за горло. Представители правящей верхушки произносят это слово с подчеркнутым чувством дружбы.

О глубоких экономических противоречиях между Японией и США хорошо известно. Порой их соперничество принимает довольно неожиданные формы, выдавая неукротимое стремление американцев не уступать своему дальневосточному другу даже в мелочах...

Несколько лет назад в городе Ураясу, недалеко от Токио, американцы при участии японских фирм построили огромный детский комплекс аттракционов «Диснейленд». Все в этом парке сделано с большим вкусом, выдумкой, размахом. Знакомясь с ожившими героями диснеевских мультфильмов, путешествуя по искусно воссозданной стране Тома Сойера или по бутафорским поселениям индейцев, отдаешь должное умению американцев не экономить на мелочах.

Однако в то же время убеждаешься в том, что у создателей этого сказочного парка существовала еще одна, скрытая цель. В нем ничто не может напомнить вам, что вы находитесь в Японии. Даже в его закусочных вы не найдете ни одного японского блюда. Под лозунгом борьбы за чистоту японцам запрещено приносить сюда свои традиционные лаковые коробочки с едой — рисом, рыбой, овощами... Все вокруг: и беспрерывная джазовая музыка, и надписи на павильонах, и безвкус-

ная жареная курица — исконно американские. К этому парку с успехом подошел бы девиз: «Ничего японского!»

Видимо, «Диснейленд» призван играть роль форпоста американской культуры в Японии, с детства воспитывать у жителей страны благожелательное отношение к США...

Очевидно, это и не понравилось японцам — большим ревнителям своего национального духа. С чисто восточной тонкостью они решили исподволь изменить американский колорит «Диснейленда», привнеся в него некоторые элементы японской культуры.

В качестве объекта наступления был избран один из самых посещаемых павильонов парка — дом с привидениями, в котором мастерски использованы достижения электроники, голографии.

Дом этот построен в виде старой американской усадьбы. Населяющие его призраки также имеют хотя и жутковатое, но англосаксонское обличье.

Перед открытием парка глава мощного японского электротехнического концерна «Мацусита дэнки» Коносукэ Мацусита обратился к его устроителям с шутливым пожеланием, чтобы американские обитатели дома с привидениями немного потеснились и впустили новых постояльцев — лис-оборотней, красоток с рогами ведьм, плачущих демонов — персонажей японских сказок и средневековой литературы.

Мацусита — один из самых влиятельных промышленных монополистов Японии. Слово этого человека здесь значит больше, чем слово иного министра. Каждая его просьба, выраженная в виде намека-пожелания, воспринимается как приказ...

Однако американцы нашли в себе силы не исполнить его.

Престарелому магнату ответили с улыбкой, что у японских призраков, как явствует из произведений классической литературы, судьба всегда складывается трагично, а в «Диснейленде» все должно быть веселым.

Хотя, честно говоря, и нынешние обитатели дома с привидениями откровенного веселья не вызывают...

Но вернемся в школу Мусасигаока. Окончив заполнять анкеты, ребята сложили их на учительском столе аккуратной стопкой. Дополнительно разровняв и разгладив листы,. Вакана с поклоном вручил их мне.

Результаты опроса сложились так: двенадцать с половиной процентов учеников дали верные ответы. В относительной доле это немного, однако в два с половиной, раза больше тех, кто ответил на все вопросы полностью ошибочно, в реакционном духе. Положительная тенденция все же возобладала...

В анкете было еще два вопроса — о том, что и лечение, и учеба в СССР бесплатны. Поверить в это отказалось больше половины учеников!. Особенно много несогласных было в вопросе о медицинском обслуживании — шестьдесят процентов.

Эта цифра не случайна — в ней как в перевернутом зеркале отразилась дороговизна лечения и высшего образования в Японии.

Увы, и у нас в этих сферах же благополучно. Страшная техническая отсталость и медицины,, и вузовской подготовки, их бюрократическая обезличенность, когда и врачам и учителям вместо того, чтобы лечить и учить, приходится писать бесконечные отчеты, — все это дает мало основании для гордости.

Многие из широких возможностей, заложенных в природе социализма, не получили у нас развития, и реализовывать их предстоит только сейчас. Но даже в существовавшем виде они способны были оказывать ошеломляющее воздействие на людские души. Вот о каком случае рассказал мне пожилой японец, с которым я случайно познакомился, на одном из вечеров японо-советской дружбы.

— Жаль, что в Японии не продается махорка, особенно моршанская! — сказал он, подойдя ко мне и дружески подмигнув.

— Вы, наверное, были у нас в плену? — спросил я.

— Да, был, был! — обрадованно согласился он. приятельски похлопав меня по плечу. — Картошка, печка, ложка, норма! — с гордостью выложил он сорокалетней давности запас русских слов, прибавив еще несколько таких, которые до сих пор не пропускают на страницы печати. После этого он удовлетворенно рассмеялся. Чувствовалось, что мысль о сибирском плене доставляет ему удовольствие. Это не было новым для меня — именно так вспоминают о нем очень многие из старых японцев.

— Неужели вам так приятно было сидеть в плену? — спросил я. — Ведь это все-таки неволя, да еще на чужбине!...

— А все очень просто! — ответил мой собеседник, лукаво поглядев на меня. — В плену нам было лучше, чем в японской армии! Во-первых, нас там не били, а в армии это случалось очень часто, особенно к концу войны. Более того, прибыв в лагерь, мы увидали, как солдат из охраны сам двинул в ухо офицера, который за что-то ударил его! В Квантунской армии это было немыслимо. Офицеры ни во что не ставили солдат, и потому, лишь очутившись в плену, мы привыкли жить без зуботычин, обрели чувство личного достоинства. Да и работать там приходилось меньше, чем в армии.

Нас уводили на работы далеко за пределы лагеря, и местное население относилось к нам дружелюбно. Мне никогда не забыть, как одна старушка налила нам, нескольким пленным японцам, по кружке чаю — больше у нее ничего не было.

Во-вторых, — продолжал он, — кормили нас в плену, по тогдашним японским меркам, неплохо. Ведь до этого в течение нескольких лет мы сидели на одном лишь «патриотическом пайке» — коробочке вареного риса, в середине которой лежал кружочек сырой моркови. Это, конечно, очень напоминало наш флаг Восходящего Солнца, но никакого подъема национального духа вы-

звать не могло — на пустой желудок это, как известно, не всегда получается. Кроме того, мы видели, что советские люди тоже голодают, и с благодарностью понимали, что нас могли бы содержать в плену гораздо хуже... И все же нам было голодно. Особенно тяжело сказывалось отсутствие овощей, к которым мы, японцы, так привыкли. Потому и пришла однажды ко мне мысль о том, чтобы развести огородик, тем более, что земли вокруг было море. Я растолковал это, как мог, солдату из охраны, и обомлел, когда этим же вечером меня вызвали к начальнику лагеря.

Сейчас отправит в карцер! — решил я, но начальник, который был так же молод, как и я, хмуро кивнул на дверь: «Пошли!» — и вывел меня за пределы ограды из колючей проволоки.

— Выбирай землю!

— Ну вот и все! Сейчас расстреляет! — подумал я и приготовился к смерти. Вероятно, на моем лице промелькнуло что-то, заставившее начальника усмехнуться:

— Да землю, говорю тебе, выбирай для своего огорода!..

— А сколько можно? — спросил я.

— Да сколько хочешь, хоть до самого горизонта!.. — И он широко махнул рукой.

— Да нет, мне столько не надо! — смутился я. — Мне бы вот совсем немножко, на одного...

— На себя работать хочешь? — посуровел начальник, — так у нас не полагается. Если уж разводить огород, то на всех!..

И вскоре я насадил большой огород, спасая витаминами моих товарищей-японцев. Так я впервые почувствовал, что значит работать не на себя, а на общую пользу, и возвратился в Японию коммунистом!..

— С начальником лагеря судьба свела меня вновь, — хитровато улыбнулся старик. — И, как ни странно, в Японии! Овладев, общаясь с пленными, японским языком, начальник продолжил учебу и стал пре-

подавателем японского языка в Московском университете. Почти через сорок лет после нашего знакомства он приехал в Японию во главе группы советских стажеров. Мы увидали его, когда он давал интервью по телевидению, и сразу узнали, несмотря на прожитые десятилетия: ведь мы, японцы, отличные физиономисты, этому учит нас иероглифическая письменность! Мы позвонили бывшему начальнику лагеря по телефону — и следующим вечером сидели все вместе в одном из уютных тихих ресторанов, попивая сакэ и вспоминая свою безвозвратно ушедшую молодость, которой суждено было выпасть на годы войны...

СЕРЕБРЯНАЯ ХРИЗАНТЕМА

Сэйити задумался. Никогда в жизни ему не приходилось бывать в такой ситуации. С одной стороны, перед ним стояли представители полиции, мощной государственной силы, к которой принято относиться с почтительным уважением, а с другой — как-то странно все это... И пока он думал, полицейские окружили его, дружески подводя к к бежевой машине, а потом так ловко втолкнули в нее, что никто из прохожих этого не заметил. Двое полицейских устроились по бокам.

— В чем дело? — ошалело спросил Сэйити, оглядываясь и видя, как его машина уплывает назад, сиротливо притулившись у обочины.

Меня всегда удивляло, как много действует в японских университетах всякого рода добровольных обществ и кружков, в чьих окнах порою не гаснет свет до глубокой ночи.

В их создании никто не чинит препятствий. Условие лишь одно: чтобы они не касались политики.

— Вы хотите организовать кружок русского языка? Пожалуйста, но только пусть это не будет пропагандой Советского Союза.

— Желаете открыть общество изучения Китая? На здоровье, но не надо подчеркивать, кому вы симпатизируете больше — красному Китаю или Тайваню.

— Собираетесь поставить в студенческом театре пьесу монгольского писателя? Желаем успеха, если, конечно, в ней не упоминается номонханский инцидент *.

Для того, чтобы отвлечь молодежь от политической активности, используется изощренный и мощный аппарат пропаганды, да и сама жизнь с мягкой настойчивостью убеждает в том, что достигнуть материального благополучия можно и без всякой борьбы.

Но полностью заглушить политическую деятельность молодежи все же не удается. Недаром уже в наши дни здесь родилась такая ее новая, чисто студенческая форма, как борьба за прекращение военно-прикладных исследований, проводящихся во многих вузах страны по заказам Управления национальной обороны. Активно подключились к этому движению и молодые ученые.

В феврале 1987 года на шеститысячном митинге, состоявшемся на главной площади университета города Нагоя, была принята Хартия мира. Ее подписали две трети преподавателей и студентов одного из крупнейших высших учебных заведений Японии. В Хартии говорится: «Никогда и нигде мы не будем принимать участие в милитаристских научных изысканиях — ни во имя национальных целей Японии, ни ради других государств.

* Так в Японии официально именуют события на Халхин-Голе.

Мы не допустим проведения в Нагойском университете разработки научных концепций «звездных войн».

По инициативе работников этого университета в стране было начато движение ученых против участия Японии в американской программе СОИ.

Активную позицию в борьбе против использования вузовской науки в военно-прикладных исследованиях занимает и студенческая газета Токийского университета «Тодай симбун». Пишут в ней статьи и заметки, редактируют их и набирают в типографии сами студенты.

— Просим вас иметь в виду, что за работу в этой газете мы не только ничего не получаем, но и терпим от нее определенный финансовый ущерб! — предупредили меня молодые сотрудники газеты.

— Какой же? — удивился я.

— Урон от невозможности подрабатывать на стороне, как это делают все остальные студенты. Ведь обучение в Японии платное, а на приработки у нас не хватает времени...

Работа по временному найму широко распространена в Японии. Она выгодна предпринимателям, освобождает их от многих выплат, положенных по закону тем, кто нанят пожизненно.

Временный найм охватывает в основном сферу услуг — от магазинов и ресторанов до вычислений на ЭВМ по заказам фирм.

Помню, когда я двадцатилетним студентом впервые приехал в Японию, меня поразило то, как молоды здешние официанты. Узнав, что они такие же, как и я, студенты, я удивился еще больше, потому что своей вышколенностью, услужливостью и полными достоинства поклонами мои ровесники ничем не отличались от куда более старших профессиональных официантов...

Может быть, они так старались потому, что боялись потерять работу? Но они и так нанимались всего на неделю. Очевидно, причины этого феномена лежат глубже, в системе традиционного воспитания японцев. Види-

мо, плохая работа наносит ущерб авторитету человека, роняет мнение о нем в глазах окружающих.

Труд тех, кто нанят временно, по своему качеству ничем не уступает труду тех, кто работает здесь же, бок о бок, на постоянной основе.

Все это воспринимается здесь как норма. И оттого в последнее время в Японии расплодились мелкие фирмы, состоящие только из одного человека — президента. Штат его фирмы находится «за штатом», он как бы не существует. Все сотрудники наняты временно и меняются с быстротой калейдоскопа, но, что самое удивительное, на качестве работы и приращении капиталов фирмы это не отражается никак...

На работе по временному найму держится более третьей части всей мощной японской индустрии обслуживания...

Опыт истории показывает, что политическая борьба требует не только финансовых жертв. Список их может длиться бесконечно...

15 августа 1988 года в Токио проходил ежегодный традиционный Марш сторонников мира. Длинная колонна демонстрантов, растянувшаяся на несколько улиц, вышла к середине дня на самую широкую магистраль Синдзюку-дори, оживленную и прямую. Вдали ее показались серые каменные стены императорского дворца, на фоне которых четко выделялись зеленые ветви сосен.

Вдоль проспекта нескончаемой чередой маячили группки полицейских в элегантных серых мундирах да возвышались по углам выкрашенные зеленой краской броневики ультраправых организаций. Мегафоны на их крышах молчали.

Вдруг в одном из броневиков открылась дверь, из нее выбежал невысокого роста крепыш в темно-зеленом комбинезоне и пулей врезался в толпу демонстрантов.

Подбежав к одному из них, он, не размахиваясь, двинул его носком своего кожаного ботинка под колено. Тот молча согнулся и упал на асфальт.

Появившийся словно из-под земли корреспондент телекомпании Ти Би Эс поднес к глазу видеокамеру, готовясь запечатлеть для общественности этот возмутительный эпизод, но крепыш, недолго думая, ударил ногой и его, а когда репортер, вскрикнув, выпустил камеру из ослабевших пальцев, вспрыгнул на нее и молниеносно растоптал. Было слышно, как хрустнули стекла... Все это не заняло и минуты. Полицейские, стоявшие рядом, упорно смотрели вбок, но искоса наблюдали за происходящим.

Шедший в колонне демонстрантов студент университета София Синдзи Сасаки, в отличие от полиции, решил прийти избиваемым на помощь. Не раздумывая, он бросился к крепышу и попробовал обхватить его руками за плечи.

Синдзи Сасаки был худощавым интеллигентным юношей, никогда не стремившимся к участию в уличных схватках, и крепыш легко и насмешливо смахнул с шеи его тонкие руки, а потом развернулся и ударил его в челюсть.

Очки студента разбились, и кусочки стекол попали в глаз. Не в силах совладать с острой болью, Синдзи Сасаки рухнул на колени...

И только тогда полицейские нехотя приблизились к крепышу, ухватили его за локти, поддели к патрульной машине и усадили в нее. На крыше темно-синего лимузина загорелся красный фонарь, завыла сирена, и он, пустив облачко теплого газа, нырнул в один из ближайших переулков...

Участники Марша мира помогли студенту подняться, отвели в больницу, где ему вынули осколки из глаза, забинтовали челюсть.

Сасаки решил возбудить против боевика-террориста из ультраправой организации судебный иск, требуя возмещения физического и морального ущерба.

— В этом мною руководит не столько стремление получить денежную компенсацию за унижение и боль,

сколько воспрепятствовать росту насилия ультраправых, — пояснил он участникам маленькой пресс-конференции, созванной нанятым им адвокатом. — Я не могу примириться с тем, — продолжал он, — что на центральной улице Токио члены наиболее реакционных организаций, ни от кого не таясь, избивают беззащитных людей. Предавая деяния ультраправых широкой огласке, я стремлюсь хоть немного, в меру своих скромных сил, помешать тревожащему меня росту реакционных тенденций в политической жизни страны. Однако, когда я обратился к полицейским, которые увезли террориста с Синдзюку-дори, они не только отказались назвать его имя, но и разговаривали со мною так, словно это я организовал уличную стычку. Как выяснилось, они не только не арестовали хулигана, но и отпустили его прямо в соседнем переулке. Все это удивило меня: неужели японская полиция, с детства внушавшая нам уважение, известная на весь мир безукоризненным исполнением служебного долга, становится теперь вновь, как и в предвоенные годы, орудием политической реакции?..

Адвокат студента предъявил журналистам его очки с расколотыми стеклами и белую сорочку, на которой отчетливо выделялись бурые пятна засохшей крови. Вертя в руках треснувшую оправу, он подробно объяснял, как Виндзи Сасаки мог лишиться зрения, если бы вовремя не зажмурил глаза...

Да только многих ли удивят в наши дни разбитые очки и залитая кровью рубашка, если тысячи людей погибают в несправедливых войнах, мучаются в полицейских застенках, становятся жертвами жестоких и бессмысленных нападений, умирают от загрязнения окружающей среды, от невыносимых скорбей и волнений, вызванных неустроенностью всей нашей жизни...

И все равно это жертва. Малость ее и будничность приношения говорят лишь о том, что она может быть востребована каждый день...

Однажды утром Конти Агава, молодой рабочий су-

достроительной верфи Исикавадзима-харима, лежал на своей кровати, стараясь заснуть после ночной смены. Заложив руки за голову и устремив взор в дощатый потолок, он размышлял о том, что пора бы съехать с этой квартиры и перебраться на окраину, где больше зелени и не так слышен шум машин.

Все постояльцы общежития были на работе, и в двухэтажном деревянном домишке стояла блаженная тишина, в которой Конти отдыхал после ночного звона металла.

И он отчетливо услыхал, как внизу раздались шаги, и кто-то стал неторопливо подниматься по лестнице, остановившись подле его двери. Через секунду раздался звонок.

— Кто бы это мог быть? — подумал Конти и крикнул: «Кто там?»

— Агент по переписи населения, прошу простить за беспокойство! — ответил из коридора солидный мужской голос.

— Сейчас открою! — громко сказал Конти, спрыгнул с матраса, лежавшего на полу, босыми ногами шагнул в холодную крошечную прихожую и, запахнув на груди юката *, щелкнул замком.

На пороге стоял, почтительно склонив голову, немолодой человек в блеклом темно-синем костюме, узком черном галстуке, тускло блестевших ботинках — словом, типичный клерк из второсортной фирмы.

— Сейчас в доме никого больше нет, и пришлось обратиться к вам, — произнес он извиняющимся тоном. — Вы позволите задать вам несколько вопросов по поводу переписи?..

— Конечно, конечно, проходите, пожалуйста, — заторопился Конти, как бы извиняясь за то, что заставил гостя так долго стоять у порога, и с поклоном пропустил его в дверь.

* Легкое домашнее кимоно; пижама.

— О, благодарю! — еще ниже поклонился мужчина, проскользнул в прихожую и ловким движением сбросил ботинки.

Оставшись в белых носках, он вошел в комнату и сел на пол, аккуратно поджав ноги.

Конти подошел к стоящему у окна белому термосу с краном, нацедил из него пиалу зеленого чая и поставил перед гостем на маленький столик.

— О, безмерно благодарен, хо-хо-хо! — восхищенно протянул агент по переписи населения, словно ему предложили невесть какое угощение. Кроме термоса, стола да матраса, в комнате ничего не было. Лишь на вбитых в стену гвоздях, на проволочных плечиках, висели рубашка и брюки.

Отхлебнув крошечный глоток чая, гость достал из портфеля дешевый блокнотик и положил перед собой.

— Итак, ваши имя, фамилия?

Конти назвал.

— Есть ли у вас визитная карточка, чтобы сверить написание иероглифов?

— Да нет, зачем мне она, я же простой рабочий! — смущенно улыбнулся Конти.

— А работаете где?

— На судостроительной верфи Исикавадзима...

— Отлично, отлично! — улыбнулся клерк, записав. — А сколько вам лет?

— Двадцать восемь...

— О, такой молодой? У вас же все впереди! Еще не поздно ничего изменить!..

Накрутив колпачок на свою авторучку, мужчина спрятал ее во внутренний карман пиджака и низко склонил над столом голову, показав начинающую лысеть макушку.

— Очень рад, если был вам полезен, — сказал Конти.

— О нет, это я должен благодарить вас за уделен-

ное мне драгоценное время!.. Позвольте откланяться!

Вздохнув, Конти пошел проводить гостя до двери.

Тот наклонился над ботинками, по потом выпрямился.

— Молодой человек, не позволите ли задать еще один вопрос? — спросил он и, не дожидаясь ответа, занес ногу в белом носке над порогом комнаты, и при этом глаза его насмешливо блеснули...

И тут Конти, наконец, догадался: это был полицейский!

Друзья рассказывали ему, что в шестидесятые годы, в разгар социальной борьбы в стране, сотрясаемой демонстрациями против войны во Вьетнаме, против военного присутствия американцев в Японии, полицейские также имели обыкновение ходить по домам активистов и дружески убеждать их отказаться от борьбы, отойти в сторону.

Хотя полицейские были в штатском, они каждый раз официально представлялись и даже показывали удостоверения личности. Но потом накал борьбы спал, и хождение прекратилось. Неужели оно возобновилось снова?..

— Да, я слушаю вас, — холодно произнес Конти.

— Я хотел бы призвать вас прекратить участие в демонстрациях. Подумайте сами: к чему вам они?

— Но ведь демонстрации не противоречат нашим законам?..

— Разумеется, нет, — подхватил гость, — но ведь вы же знаете, что правительство не одобряет выступлений против размещения у нас крылатых ракет. Они нужны для нашей безопасности...

— А вы что, из полиции? — спросил Конти.

— Предположим, что и из полиции, — согласился гость, — не усматриваю в этом ничего плохого. Кто-то ведь должен работать и в полиции, не так ли? — но документов предъявлять не стал.

— А вот я как раз усматриваю: вы, как представи-

тель власти, оказываете на меня давление, требуя изменить политические взгляды, что недопустимо в свободной стране.

— Ну какое же давление? — широко улыбнулся полицейский. — Я только дружески советую вам поостеречься как старший товарищ, как такой же подданный нашей Японии, наконец...

— Но ведь вы незаконно пользуетесь чужим именем, выдаете себя за другого. А если я сообщу об этом в газеты?...

Полицейский распустил складки на лице, придав ему безразличное, каменное выражение. Молча отступив к двери, он надел башмаки, сам легко отпер замок и вышел в коридор.

— Еще раз убеждаю вас, одумайтесь, — произнес он оттуда, аккуратно прикрывая дверь, — у вас могут быть неприятности...

Вскоре, в августе 1985 года Конти Агава со своими товарищами организовал антивоенный круиз по странам Юго-Восточной Азии, оккупированным в годы второй мировой войны японцами. Небольшое судно, на котором они путешествовали, было нанято на средства общественности.

Вернувшись на родину, Конти узнал, что полиция предупредила всех его соседей, что он уезжал для встречи с международными террористами, и посоветовала компании, где он работал, избавиться от неблагонадежного служащего. Конти уволили, и он долго не мог найти себе новую работу...

За три последних года, как отмечают газеты, 172 активиста борьбы за мир было арестовано по надуманным обвинениям и упрятано за решетку. Журнал «Асахи дзянару» сообщает, что полиция ведет досье на сторонников оппозиционных левых сил, постоянно наводит о них справки у соседей. Такие же досье хранятся и в сейфах Управления национальной обороны, которое накапливает сведения обо всех потенциальных противни-

ках режима на случай «чрезвычайных обстоятельств»...

Молодой социалист Сэйити Каваками, член Лиги демократической молодежи Японии, мчался жарким летним утром в своем крошечном автомобиле по скоростной высотной автодороге, ведущей на юг страны, в Китакюсю — огромный город, сливший воедино несколько стоявших здесь раньше средневековых городов.

Внизу проносились аккуратные белые домики, квадраты желтеющих рисовых полей, а на горизонте нескончаемой темной чередою тянулись горы. Горячий запах полей не проникал сквозь наглухо закрытые окна машины, и струйка ледяного воздуха, тянущаяся из кондиционера, приятно холодила шею.

«Съезд в Китакюсю» — показалась зеленая табличка со стрелкой, и Сэйити, сбавив ход, вырулил на дорожку, на асфальте которой было написано крупными желтыми иероглифами: «Выход».

Там уже скопилось много автомобилей, и Сэйити пристроился в хвост неторопливой очереди, ожидающей сигнала светофора. Никто из шоферов не пытался прорваться вперед.

И вдруг одна из машин вырулила из общего ряда и понеслась к выходу.

— А ну, давай назад! — захрипел голос из неизвестно где спрятанного динамика. — Ты что себе позволяешь?

Невольно вздрогнув, Сэйити оглянулся и нигде не обнаружил синих автобусов полиции. Однако присмотревшись, выделил машину, из которой лилась ругань.

Она ничем не отличалась от остальных, обычная бежевая «тойота», да и сидевший за ее рулем человек в коричневом костюме выглядел так же, как и другие шоферы, если не считать маленького микрофона, который он держал перед губами.

Застыв на лету, нарушитель шоферской этики, сгорая от стыда, попятился вверх по склону и послушно втиснулся задом на прежнее место...

«Четко работает наша полиция!» — с удовлетворением подумал Сэйити, барабаня пальцами по рулю. Как и все люди труда, он уважал хорошую работу.

Съехав наконец со скоростной дороги, Сэйити нажал на газ и понесся по широкому шоссе, которое было в тот утренний час почти пустым. С тайным ликованием в душе он готов был отдаться столь редко испытываемому здесь чувству безграничной свободы, но чувство непонятной, смутной тревоги мешало ему...

Он с недоумением огляделся по сторонам, и в зеркале заднего вида заметил бежевую «тойоту», следовавшую на порядочном расстоянии.

«Странно...» — подумал он и прибавил газу, и бежевый автомобиль сделал то же самое...

Скоро на улице прибавилось машин, и ехать стало труднее, приходилось искусно лавировать в их густой толпе, надолго останавливаясь в заторах.

Когда Сэйити пережидал медленный поток пешеходов на одном из узеньких перекрестков, бежевый автомобиль ловко обошел его и застыл впереди как вкопанный.

Сэйити в испуге ударил по тормозам, решив, что автомобиль сломался, и начал подавать назад, чтобы объехать его. Но сзади путь ему преградила другая машина, также вставшая намертво.

«Что за чертовщина?..» — Раздраженно хлопнув дверью, Сэйити вышел из машины...

И тут шоферы обоих автомобилей тоже показались из дверей и бросились к Сэйити с таким видом, словно хотели сообщить ему весьма интересную новость. У него неприятно защекотало под сердцем...

— Доброе утро! — поздоровались они с легким и радостным поклоном. — Мы из полиции, отдел общественной безопасности!.. — Тут к ним присоединился еще один, вынырнувший из толпы прохожих, и все трое расстегнули пиджаки, показав привязанные к поясам ма-

ленькие кожаные кошельки с полустершимися золотыми иероглифами: в них лежали удостоверения.

— Не стоит беспокоиться! — жестом остановил их Сэйити. — Я и так уже все понял! — и указал на блестевшие в лацканах их пиджаков серебряные значки в виде хризантем — эмблемы полиции.

— Ну вот и отлично! — понимающе расхохотались они, застегивая пиджаки, и приятельски похлопали Сэйити по плечу.

— Ну что, проедем с нами в участок? — спросили они.

— А по какому случаю? — удивился Сэйити.

— Да так, ничего особенного, просто поговорим полчаса, да и все тут. Ни один честный японец не должен бояться полиции!...

Сэйити задумался. Никогда в жизни ему не приходилось бывать в такой ситуации. С одной стороны, перед ним стояли представители полиции, мощной государственной силы, к которой принято относиться с почтительным уважением, а с другой — как-то странно все это...

И пока он думал, полицейские окружили его, дружески подводя к бежевой машине, а потом так ловко втолкнули в нее, что никто из прохожих этого не заметил. Двое полицейских устроились по бокам, а тот, что был в коричневом костюме, сел за руль. Не торопясь, он завел мотор.

— В чем дело? — ошалело спросил Сэйити, оглядываясь и видя, как его машина уплывает назад, сиротливо притулившись у обочины.

— А как же моя машина? — продолжал он. — Ведь полиция увезет ее за стоянку в неположенном месте, и мне придется платить штраф!...

— Никто ее не увезет, постовой полицейский предупрежден по радио. А вот тебя самого полиция уже увезла! — пошутил коричневый, и полицейские расхохо-

тались, и даже Сэйити не смог удержать недоуменной усмешки.

— Немедленно выпустите меня! — сказал он вдруг твердым голосом. — На каком основании вы меня задержали?

— Да никакое это не задержание, брось ты, — махнул рукой коричневый. — Что, тебе плохо ехать в машине?... Так просто поговорим и отпустим...

В одном из узких переулков полицейский заметил, как таксист высаживает пассажиров, переехав за желтую ограничительную линию, и строго погрозил ему пальцем и даже стукнул кулаком в стекло дверцы. Таксист презрительно скривился, но, углядев полицейскую хризантему на пиджаке водителя, сморщил щеки в извиняющейся улыбке...

Ехать пришлось недолго, и скоро бежевая «тойота» остановилась во дворе белого четырехэтажного здания с огромной металлической хризантемой над входом. Пятеро ее лепестков сужались к концам, образуя звезду.

Выйдя из машины, трое полицейских и Сэйити направились к двери, словно прибыли одной дружной компанией. Девушка в голубой пилотке, сидевшая за столом в прихожей, взглянула на них внимательно, спокойно и не произнесла ни слова.

В фойе водитель «тойоты» подвел Сэйити к металлической таблице с указанием комнат и сказал:

— Почитай! Тебе будет интересно узнать, чем мы занимаемся...

«Отделение квартирных краж, транспортный отдел, отделение по борьбе с наркотиками», — машинально пробежал он глазами ряды четко выбитых квадратных иероглифов.

— Ты вверх смотри, вверх, — подсказал полицейский, — на четвертый этаж. Видишь, комната № 408 — отделение по борьбе с ультралевым терроризмом? Вот сюда мы сейчас поднимемся... Лестница в конце коридора. Прошу...

И, сделав вперед указующий жест рукой, зашагал по коридору. Сэйити, деликатно подталкиваемый двумя полицейскими, двинулся следом, удивленно озираясь по сторонам.

На первом этаже было шумно. По коридору бегали взволнованные старшеклассники в мотоциклетных шлемах, торопливо проходили, помахивая жезлами, девушки в голубых форменных платьях. Очевидно, здесь находился транспортный отдел.

Двери одной из комнат были распахнуты настежь, и Сэйити услышал, как твердый голос приказал кому-то: «Встаньте, пожалуйста».

Обернувшись, он увидел, как полицейский, нагнувшись, быстро обмотал белый шнур вокруг пояса стоящего перед ним молодого человека в спортивном костюме, надел ему на запястья наручники, сверкающие никелем, и громко щелкнул замком. Лицо бедняги, до сих пор по-японски непроницаемое, на секунду обмякло и выразило ужас.

— Это злостный нарушитель, — пояснил, не оборачиваясь, коричневый. — Вчера он сбил на мотоцикле человека и удрал, да разве у нас скроешься куда-нибудь?! Теперь получит по суду до пяти лет, будет содержаться в транспортной тюрьме в Сайтама. Там, впрочем, неплохо...

Комната № 408 не отличалась ни от какой другой комнаты ни в полицейском участке, ни в любом ином учреждении этой страны — от поликлиники до приемной парламента. Несколько столов стояли в ней в ряд, как в студенческой аудитории, а желтовато-коричневый пол, серые стены и зеленоватый потолок создавали любимую здесь мягкую цветовую гамму, в которой даже яркий свет электрических ламп не раздражал глаза. Здесь было очень тихо.

Коричневый вошел в комнату первым и со вздохом опустился за главный стол. Двое других полицейских сели поодаль.

— Прошу садиться, господин Каваками! — указал он на полукресло перед собою.

— Требую предъявить постановление суда о моем задержании, а в противном случае немедленно отпустить! — сказал Сэйити, усаживаясь.

— Ты лучше расскажи о своей ультралевой террористической деятельности! — возвысил голос полицейский и, включив настольную лампу, направил ее свет в глаза Сэйити. Тот невольно зажмурился.

— Давай, выкладывай! — продолжал полицейский, не отводя лампы.

— Я не имею отношения ни к одной ультралевой террористической организации, — твердо заявил Сэйити.

— И что же, может быть, ты даже не состоишь ни в одной из них?

— Я являюсь членом Лиги демократической молодежи Японии. Мы стремимся к установлению в стране подлинного равенства и демократии легальными методами.

— Так это и есть левачество! — обрадовался коричневый. — А теперь расскажи, зачем ты приехал в Китакюсю.

— Повидаться с друзьями, — сказал Сэйити, с детства приученный подробно и четко отвечать на все вопросы, задаваемые представителями властей.

— Фамилии, адреса?...

— А вот этого я вам не могу сказать. Дача сведений на других людей нарушает права их личности.

— Тогда придется тебя обыскать!

— Вы не имеете права делать этого без решения суда, — произнес Сэйити.

— Да мы ведь и не обыскиваем, а так просто, интересуемся, что в карманах, — улыбнулся полицейский. — Встаньте, пожалуйста!

— Я отказываюсь выполнять ваши незаконные требования и прекращаю отвечать на вопросы!...

Тут двое полицейских тихо поднялись со стульев, подошли к Сэйити и взяли его за локти. Он резко отдернул руки, но они снова мягко подхватили их и так уважительно приподняли его тело над полукреслом, что он сам не заметил, как встал на ноги. Аккуратными движениями полицейские ощупали карманы его брюк и вытащили все, что в них было: шоферские права, носовой платок, ключ и записную книжку.

— Молодец, не нарушаешь! — одобрительно заметил коричневый, разглядывая права. — Пересними! — кивнул он одному из полицейских на записную книжку, и тот, натянув белые матерчатые перчатки, взял ее со стола и скрылся в соседней комнате.

— Вы не имеете права снимать копию с моей записной книжки! — крикнул ему вслед Сэйити, опускаясь на стул, а сам машинально подумал: «Ведь они могли обыскать меня и иначе!» — и, представив, как именно, густо покраснел...

— Да не обижайтесь вы! — примирительно махнул рукой старший полицейский и выключил наконец яркую лампу. — Ведь в полицейских участках Японии обыскивают ежедневно тысячи людей! У многих из них при этом приходится брать пробу мочи, чтобы проверить в ней содержание наркотиков, а при нашей японской щепетильности в этих вопросах это не всем нравится!...

И полицейский добродушно захохотал, внимательно наблюдая за выражением лица Сэйити, а тот вдруг почувствовал, что у него от пережитых волнений предательски защекотало внизу живота.

— Где у вас туалет? — твердым голосом спросил он.

— Не беспокойтесь, сейчас вас проводят!...

Третий полицейский, интеллигентного вида молодой человек в очках в тонкой золотой оправе, улыбнувшись, поднялся из-за стола и жестом пригласил Сэйити следовать за собою.

Туалет находился в конце коридора. Едва Сэйити

вошел в его белую кабинку, молодой человек втиснулся туда вслед за ним и не дал запереть дверь.

Когда Сэйити возвратился в комнату № 408, его записная книжка лежала на прежнем месте.

— А что это у вас за ключ? — спросил старший полицейский.

— Я уже сказал, что даже па такие простые вопросы не буду отвечать, и вы меня не поймаете на слове!

Полицейский усмехнулся, покачав головою.

— Да вы садитесь, садитесь! — снова указал он Сэйити па кресло, — и подумайте, сколько врагов у нашей великой державы! Сколько народов, ленивых и бесталанных, завидует ее успехам! Особенно опасны государства коммунистического лагеря, не знающие демократии и переживающие серьезные трудности в экономике. Через своих подставных лиц из числа некоторых ничего не подозревающих молодых людей они мечтают насадить у нас свои порядки, установив диктатуру идеологов-бюрократов и бесправие перед ними народа. Тогда экономика лишится стимулов для развития и резко пойдет вниз. В этих условиях не могут не пошатнуться наши национальные устои, а ведь ты знаешь, как для нас это важно: нам больше нечем сплотить нацию, ведь у пас нет пи достаточной территории, ни природных богатств...

— Подумай сам, — продолжал оп, — для чего Советскому Союзу необходимо такое огромное посольство в Мамиана *, занимающее два десятиэтажных дома, в то время как японское посольство в Москве умещается в одном маленьком старинном особняке? Как ты думаешь, для чего это? Почему их у нас здесь так много?... И вот представим, что к тебе где-нибудь на улице подойдет советский товарищ, или китайский, или болгарский и предложит: «Давайте бороться вместе!» Как ты

* Район Токио. Его название нередко используется как иносказательное обозначение советского посольства.

поступишь в этом случае: сделаешь, как он сказал, или придешь к нам?

— Мы действуем самостоятельно, без какой-либо иностранной помощи, легальными методами, — повторил Сэйити.

— Ну, допустим, что это так, хотя опыт истории показывает, что любая революция заканчивается еще худшим террором и обострением внутренних разногласий,— кивнул полицейский. — Однако вернемся к нашей теме. Что делать, если иностранный шпион подойдет не к тебе, а к кому-нибудь из твоих товарищей? (Тут он кивнул на перефотографированную записную книжку). Как уберечь его от страшной ошибки? А ведь в этом состоит наш патриотический долг!

— Что ж, способ только один, — вздохнул полицейский, как бы отвечая самому себе, — мы должны знать все, что происходит в их группировках!

Не спорьте! — поднял он ладонь, увидев, что Сэйити пытается возразить ему, — в этом нет ничего позорного. Вы знаете, что у нас есть крупный отдел по связи с общественностью, как и на любой фирме. Тысячи людей звонят туда днем и ночью, сообщая обо всем подозрительном и заслуживающем внимания, вплоть до мелких нарушений дорожных правил. Сколько опасных преступлений помогли нам предотвратить эти люди! Почему бы и тебе не последовать их истинно гражданственному примеру? Только номер телефона мы тебе дадим другой...

— Вашим осведомителем я никогда не стану! Немедленно выпустите меня отсюда! — закричал Сэйити. — Предупреждаю, что о нашем разговоре я расскажу товарищам, напечатаю в газете!...

— Что ж, принуждать вас мы не имеем права, как не можем и больше задерживать здесь... пока. Но помните: ваша деятельность наносит ущерб мировому экономическому положению нашего государства. Она на руку только врагу. Если нам удастся провести через пар-

ламент закон о борьбе со шпионажем, то мы сможем привлечь вас к суду за пособничество иностранной державе...

Ничего не ответив, Сэйнти сгреб свои вещи, рассовал по карманам и быстро вышел из комнаты.

Девушка в голубой пилотке, сидевшая за столом в прихожей, проводила ето долгим, внимательным взглядом...

«Вот мерзавец! — думал Сэйити, сбегая по ступеням лестницы. — Отпустил, словно нашкодившего мальчишку. А еще к национальным чувствам взывал, сволочь... Впрочем, так же любили изъясняться и наши правители в тридцатые годы, когда готовили народ к войне...»

Каждое поколение японцев осмысливает опыт войны по-своему. Старшее — с тоской подавляя в себе чувство национального позора, полное надежд приступало к новой жизни, среднее — вообще уделяло этой теме мало внимания, как бы забыв о ней и посвятив себя бурному послевоенному экономическому возрождению страны, младшее же пытается осознать, как его деды разрешили превратить себя в пушечное мясо.

«Юность 1945 года» — так называлась пьеса, маленькое объявление о которой я случайно увидел в одной из газет. Премьера должна была состояться следующим вечером где-то в Сибуе, известном квартале вечерних развлечений, и крошечная площадь заметки говорила о том, что отыскать место премьеры будет не просто.

Я долго бродил вдоль ярко освещенных, извилистых и шумных переулков, силясь отыскать указанный в газете адрес, пока в темноватом дворе не нашел бумажный листок, приклеенный липкой лентой к каменной стене дома. На нем было аккуратно выведено: «Театральная студия Даккс. Вход через подвальное помещение».

Несколько бетонных ступеней вели вниз, в маленький зрительный зал, где было удушающе жарко, и отсутствие воздушного охлаждения говорило о том, что у

молодежного театра не было меценатов, а актеры наняли помещение на свои деньги.

Перед дверью полагалось снять обувь и, положив ее в прозрачный полиэтиленовый мешочек, выдаваемый тут же, во время спектакля держать на коленях. Честно говоря, входить в театр босиком было непривычно...

Весь зал был заставлен тесными рядами алюминиевых стульев. На первом был прикреплен листок с надписью: «Для почетных гостей». Туда я был проведен по праву иностранного корреспондента, и несколько общительных старичков дружелюбно потеснились, освобождая мне место. Все они были участниками японской агрессии, друзьями автора пьесы. Сам он тоже сидел среди них, отличаясь пытливым и грустным взглядом, — похоже, что он, как и герои его пьесы, был взят на войну из студентов. Звали его Таканори Ямамото.

А между тем публика все прибывала. Все стулья давно были заняты, и зрители без лишних церемоний усаживались на полу, прижимаясь локтями к самому краю сцены. Последней пришла женщина в длинном шелковом платье, с бриллиантами па обнаженной шее, дорогим букетом цветов в руках, но и она примостилась в углу, свернувшись в комочек.

В зале погас свет, и искусно расставленные прожекторы создали иллюзию того, что небольшая сцена находится где-то далеко, отделенная от нас быстротекущей рекой времени...

На ней показались молодые лица актеров. Шла скромная вечеринка военных лет — на столе лежала пара лепешек и блестела бутылка сакэ, оставшаяся с довоенных времен. Это собрались одноклассники в честь своего приятеля, отправляющегося на фронт. Ему еще нет и шестнадцати, и потому он уходит добровольцем, ничего не сказав родителям. Он уже и одет по-военному — в кургузой фуражечке, в зеленом кителе и галифе, в больших башмаках с обмотками.

— Тэнно хэйка бандзай! Да здравствует его величество император! — высоким, резким голосом кричит он, поднимая чашку сакэ.

Его патриотический порыв не остывает даже тогда, когда добровольца избивают вбежавшие с улицы жандармы, привлеченные шумом подозрительного ночного сборища, ведь картонные стены японских домов ничего не скрывают. Крики заглушает бравурный военный марш, в котором слышны отзвуки самурайских песен, преисполненных обреченности. Этот марш знаком многим — он и сейчас часто звучит на улицах, доносясь из репродукторов на броневиках ультраправых...

Близится конец войны. Разными путями приходят к осознанию ее агрессивного характера, ненужности ни Японии, ни народам всего мира, герои пьесы. Последним прозревает юный фанатик. В эпилоге на заднике сцены загораются иероглифы изречения Будды: «Не тот герой, кто тысячу раз выходил на поле битвы, а тот, кто сумел победить самого себя».

— Эта пьеса и обо мне, — говорит Таканори Ямамото. — Написать ее побудила тревога за будущее нашей молодежи, которая подвергается все более откровенной милитаристской пропаганде. Хотелось бы верить, что народ Японии не даст обмануть себя милитаристам еще раз...

Выстроившись вдоль перил лестницы, артисты весело прощались со зрителями. Отовсюду слышался смех, радостные возгласы — премьера удалась. Вспоминая их сегодняшнюю игру, вполне профессиональную, трудно было поверить, что все они были обычными студентами, школьниками, молодыми рабочими...

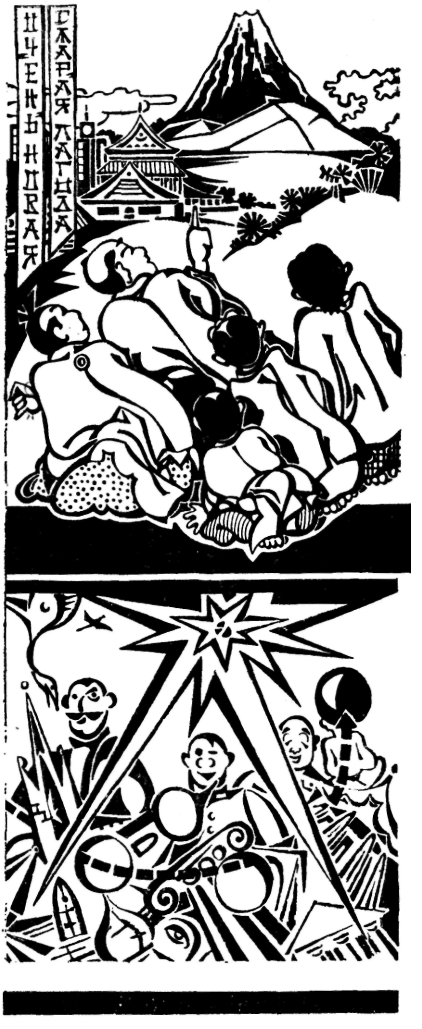
На улице, несмотря на поздний час, еще держалась влажная жара, и серебристое марево плавало в переулках вокруг фонарей и разноцветных огней рекламы, — но мне не было душно...

ОЧЕНЬ НОВАЯ СТАРАЯ ПАГОДА

С детства помню: англичане — большие любители традиций. И японцы тоже. Такое у них хобби, достойное дружелюбной усмешки.

У нас же есть дела поважней: ковать, ковать новое железо, пока оно горячо!

Но почему так часто слетает молот с нашей наковальни, словно стоит она на песке? Почему все дальше отстаем мы и от японцев, и от англичан, и от многих других народов? Может быть, потому, что сумели разрушить неразрушимое — и в основании наковальни, и в душе своей?..



В Японии многие стереотипы мышления поневоле меняются, и то, что на первый взгляд представляется невозможным и даже несерьезным подчас, здесь оказывается вполне приемлемым и обычным.

Когда за окном пасмурно, а в стекло бьют струи дождя, не стоит одеваться тепло: наоборот, лучше обойтись минимумом одежды, выходя на улицу, потому что лицо облепит горячая влага, а сыплющиеся с неба капли воды вызовут не свежесть, а духоту. Но если зимним днем оконное стекло раскалится от веселых солнечных лучей, а за окном возникнет иллюзия прекрасного летнего дня, не забудьте про пальто, потому что стоит вам зайти в тень, как промозглый холод пронижет до костей.

Когда из огнедышащего Токио, с его характерным сладковатым запахом, электричка переносила нас, советских студентов из института стран Азии и Африки при МГУ, в деревню, где помещался университет Токай, — от станции пассажиры шли по влажным аллеям. Среди них много было молодых секретарш, одетых в никем не установленную, но строго соблюдаемую форму: длинные шелковые платья — белые или черные. Казалось, платья вот-вот испачкаются в придорожной грязи, и в ней безнадежно завязнут каблучки. Но одежда оставалась хирургически чистой, словно девушки парили по воздуху.

Шквал новых, никогда не испытанных ранее, а потому и не очень приятных в своей новизне ощущений, ошарашивает и лишает душевного равновесия. Вот почему так много иностранцев покидает Японию удивленными, но так и не разобравшимися полностью в своих впечатлениях.

Чувство непостоянства и призрачности, ненадежности окружающего поначалу тревожит сильнее всего.

Много раз я покупал еду в небольшой лавочке на повороте лесной дороги. Рядом с нею возвышалось не-

сколько таких же двухэтажных домов с подслеповатыми окошками. В один из дней я не нашел маленькой лавки: она исчезла. Вместо нее стоял другой приземистый дом, и иные хозяева жили в нем, но ничем не торговали. Куда делись прежние хозяева? Этого не знал никто.

Работая однажды переводчиком выставки «Сибирь» в Токио, я каждый день, идя на работу, проходил мимо крошечной лавки поддельных китайских товаров. В ней продавались картины, грубо написанные на дешевом шелке, зонтики, которые ломаются вскоре после того, как их раскроют, и затвердевшие орехи. У раскрытой двери, покачиваясь, всегда стоял хозяин. Лицо его было красным, и терпкий запах сакэ распространялся далеко вокруг.

— Вы китаец? — опросил я у него ^однажды.

— Нет! Я японец! — гордо ответил «он. — Купите эту резьбу! Не хотите? Тогда купите эту русскую ложку!

И он указал на разукрашенную деревянную ложку, лежавшую на небольшом возвышении: (Очевидно, ее подарил ему кто-то из работников нашей выставки.

Через год, снова приехав в Токио, я зашел в китайскую лавку. Хозяин, все так же (покачиваясь, стоял у порога. На возвышении, где прежде красовалась ложка, сейчас громоздились пыльные старые книги.

— У вас здесь должна лежать деревянная ложка! — обратился я к хозяину. Он отрицательно мотнул головой — и чуть не упал от резкого движения.

Тогда я раздвинул картины, убрал старые книги — и увидел прежнюю ложку. Запыленная, она стояла, грустно прислонившись к стене. Хозяин подозрительно посмотрел на меня. По его глазам легко было понять, что он видел меня впервые.

На выставке «Сибирь» молодой клерк павильона,

нанятого под экспозицию, никогда не забывал приветливо раскланиваться с каждым из нас при встрече, а встречались мы каждые полчаса. Через год я вновь пришел в старый павильон. Там было светло, неудержимо гремела музыка, продавались лыжи. Среди разноцветных отполированных лыж и бамбуковых палок все так же бегал суетливый клерк. Его глаза были полны заботы: очевидно, лыжи занимали все его мысли. Пробегая мимо меня, он рассеянно оглянулся — и не узнал! Прошел год, и много событий прогремело в видавшем виды павильоне. Не упомнишь всего!

В японских городах не по чему ориентироваться, потому что дома и вывески меняются слишком быстро, и только по светофорам вы можете найти дорогу. Может быть, потому японцы так любят динамичные украшения — вывески из блесток, мерцающих на ветру, букеты из шариков, дрожащих на тонких проволоках.

Даже древние памятники старины имеют здесь подозрительно новый вид, потому что старинные деревянные пагоды регулярно перестраиваются через каждую пару десятков лет. Триста лет назад, во время перестройки одной из самых древних пагод, руководитель работ забыл на галерее свой зонтик. До сих пор деревянная ручка его, источенная дождями, чернеет на фоне деревянных завитушек и стройных карнизов. Внизу, у входа, висит объявление: «Забытый зонт», и стрелка указывает наверх. Молодые историки, мы были потрясены этим объявлением: можно ли найти более тонкий и острый способ указать на извечную связь времен? Может быть, она и заставляет японцев так нежно любить свою непрочную землю, тихие горы, пологие и неизменные? Не она ли превращает их, веселых и раскованных, в робких и серьезных, когда они оказываются в обществе иностранцев?

Связь времен — это традиции, древние и вечно новые, подчас архаичные, но неизменно обновляющиеся и потому живые. Словно дышащие свежим древние пагоды.

Был у меня знакомый студент Сигэаки Мано.

Его имя я сразу запомнил, потому что при первой встрече он вручил мне аккуратную визитную карточку. И потому я был несколько озадачен, когда однажды он спросил о том, известно ли мне его имя.

— Конечно, ведь тебя зовут Сигэаки, не так ли?

— В общем, ты прав! — улыбнулся он. — Но у меня есть и второе имя. Меня зовут Давид.

Сто пятьдесят лет назад в нашем доме остановился русский купец и подолгу беседовал с моим прапрадедом. О чем они говорили, никто из домашних не знал, а спрашивать запрещала конфуцианская традиция, по которой вопросы задают старшие, а младшие лишь отвечают на них. В один из дней глава семьи объявил домочадцам, что семья принимает православие. Разумеется, все молча поклонились ему, потому что, как говорил Конфуций, когда наверху говорят, внизу склоняются. Купец пригласил священника, окрестил семью, и после этого все знакомые и соседи отвернулись от нас. К счастью, к тому времени принявших христианство уже не сжигали и не сталкивали в жерла вулканов, но все равно натерпелись мы немало, потому что нарушили традицию. Но это нарушение традиции само стало нашей семейной традицией, и вот я ношу христианское имя. И когда придет время свадьбы, то я буду венчаться в православном соборе, в «Никорай-до», соборе Воскресения Христова в Токио. Там же я буду крестить своих детей.

К тому времени я уже достаточно представлял себе место традиций в жизни японцов и потому мог понять, каким необычным и волевым человеком был прапрадед Давида — Сигэаки. Ведь он решился на то, что заведомо не завещали ему предки, чем обрек семью на ост-

ракизм окружающие. Но для его потомков это стало законом, и они свято блюли его.

Хотя, очевидно, православие не мешало семье Мано исправно посещать буддийские и синтоистские храмы.

Однажды я зашел в букинистическую лавку. Озабоченный хозяин стоял у полки и щелкал пальцами по корешкам книг.

— Продаются ли у вас книги по истории? — спросил я.

— Книги по истории? Ах, да, да... — улыбнулся он и начал проворно рыться в книгах.

Я стоял рядом и ждал.

Наконец он поднял голову и сказал подошедшей девице в сером халатике:

— Двести пятьдесят шесть!

Девица тут же записала это в блокнот, и оба, отвернувшись от меня, перешли к другой полке. Очевидно, у них шел переучет. Я не обиделся на хозяина, потому что знал, что с точки зрения традиционного поведения он поступил правильно, а я сам должен был все заметить и не приставать с ненужными в данный момент вопросами.

Рядом с букинистической лавкой приютилась маленькая мастерская очков. На стеклянном прилавке поблескивали модернистские оправы для людей средних лет и старинные, в форме велосипеда — для молодежи; толстые черные баранки — символ студента-зубрилы и массивные черепаховые коромысла с золотыми ободками — их носят солидные чиновники. Выбрав очки-велосипед, я водрузил их на нос.

— Ну как, идет? — спросил я у продавца.

— Да, красиво, но... некрасиво! Очень некрасиво! Видите ли, закрыты брови. А если у человека не видны брови, значит, он что-то скрывает, и это наводит тоску и страх на окружающих. Наверное, лучше бы была такая. — И он указал на свои маленькие очки, держащиеся на кончике носа.

Часто, когда разговариваешь с незнакомыми японцами, они отводят глаза в сторону и словно что-то высматривают на полу. Это удивляет, настораживает, разговор становится напряженным. Но и это традиция, по которой не принято смотреть в глаза собеседнику.

Когда японцу что-то рассказываешь, он то и дело перебивает вас восклицаниями, не имеющими никакой связи: с содержанием рассказа: «Ха-ха! О-о! Вот это да! Да не может быть?» Это сбивает с толку и раздражает, потому что у нас так поступают, когда хотят создать видимость внимания. А в Японии — наоборот. Слушать, не издавая таких восклицаний, считается неуважением к собеседнику. Встретив знакомого, японцы здороваются и говорят:

— Сегодня холодно, да?

И не дай бог ответить, что сегодня совсем не холодно; ведь это то же самое, что на наше «здравствуйте» ответить: «А вы не здравствуйте!» Вопрос о погоде — тоже приветствие, и на него нужно отвечать:

— Да, в горах, наверное, полно снега (если вам сказали, что не холодно).

Даже в европейских нововведениях подчас отчетливо слышен мощный голос старины. Например, боксеры, окончив тренировку, становятся в круг, молитвенно опускают стриженые головы и долго стоят в молчании, а потом кланяются друг другу. В это время остальные спортсмены, вместе тренирующиеся в большом зале, прерывают свои шумные игры и терпеливо ждут...

Когда перестраивают древние пагоды, то считается, что они ничем не отличаются от прежних. Но на самом деле неуловимые различия есть, их не может не быть, и поэтому в веках пагоды изменяются значительно. Так и традиции: они живут, умирают и возрождаются вместе с людьми. И может ли кто-нибудь сказать, как и в

какой старине появилась вдруг неведомая традиция «сиккари»? Да и существует ли она в самом деле? Тогда в чем ее суть, ведь японцы так необъяснимо широко употребляют это слово?

...Просторно было в поздней электричке, которая везла меня из Токио на маленькую станцию Онэ, где находится университет Токай. Обычно в вагонах бывает тесно, и перед глазами мерно раскачивается море совершенно одинаковых, стриженых черных затылков. Но в поздний час на синих бархатных диванчиках дремало только несколько пассажиров, и за черными окнами то и дело вспыхивали разноцветные огни полустанков. Японцы имеют привычку во сне класть голову на плечо соседу, и напротив меня, прикорнув на плече грустного старика, спал молодой парень. На его тонкой шее подрагивал яркий платок, на пальце тускло блестело дешевое кольцо, а запыленные ботинки были на непомерно высоких каблуках. По виду он напоминал официанта из ресторана средней руки. Когда пустой поезд сильно раскачивало на поворотах, официант начинал крениться на бок, и тогда до меня долетал острый запах виски. Вначале старик терпеливо подталкивал пьяного плечом, но потом вдруг сжал своими желтыми пальцами зонтик и с силой ударил им официанта по голове. Тот разлепил узкие глаза и оторопело посмотрел на старика, который тем временем ударил его еще и еще раз.

— А ну, будь «сиккари»! — громко кричал старик. — Ты не «сиккари», ты только позоришь все!

При этом оба посмотрели в мою сторону.

— Извините! — поклонился официант, поднялся с сиденья и, покачиваясь, побрел в другой вагон.

Спавшие до этого пассажиры проснулись и с одобрением поглядывали на старика. А его морщинистое лицо вновь приняло выработанные годами черты, и всякое выражение было тут же смыто с него. Ни гнева, ни печали, ни недавнего волнения уже не отражалось на нем.

Так впервые я услышал это слово. И очень скоро встретился с ним снова. Недалеко от нашего университета, за огородами и небольшой храмовой рощей, в которой привязана к колышку коза, возвышаются несколько квадратных пятиэтажных домов, принадлежащих жилищному кооперативу. Каждое утро на балконах домов хлопало, словно разноцветные паруса, выстиранное белье. А во дворе между домами сдержанно шумел базар. Там был продовольственный магазин, несколько овощных лавок, а на маленькой площади горками красовались аккуратная капуста, длинные огурцы и огромные сладкие луковицы. При входе на базар на каменных столбиках покачивалась черная дощечка с надписью: «Въезд транспорта воспрещен». Неизвестно, для кого предназначалась эта запретительная доска, потому что вряд ли нашелся бы сумасшедший грузовик, который вздумал въехать на эту площадь и раздавить нежные горы овощей и бегавших вокруг них ребятишек.

Так думали мы, когда, лавируя между капустными горами, ехали по этой площади на велосипедах. На следующий день, когда мы приехали в лавку за бананами, нас ждала новая доска: «Въезд абсолютно всех видов транспорта запрещен!»

— Слово это написано специально для нас! — удивлялись мы, слезая с велосипедов и оставляя их у входа на площадь.

Конечно, мы не могли предположить, что так оно и было. И, разумеется, не знали, что все это можно назвать одним непонятным именем «сиккари».

На базаре продавалось пианино. Много дней оно молча стояло под прозрачным навесом, но в один из дней, проходя неподалеку, я остановился, привлеченный звуками нежной музыки.

За пианино сидела молодая женщина в толстой до-

машней кофте и играла. Дети, только что с криками носившиеся по площади, теперь столпились вокруг пианино и внимательно слушали, забыв про разноцветные палочки мороженого, зажатые в руках и таявшие на жаре. Вначале женщина играла попурри из русских песен, потом какую-то итальянскую мелодию. Она играла профессионально. Во всей этой музыке было что-то неуловимо общее. Она была монотонной, не быстрой и не медленной, предпазначаясь не столько для слушания, сколько для создания звукового фона для людей, занятых другим. Очевидно, женщина была тапершей в ресторане, довольно шикарном, если судить по европейской музыке и по тому, что играла ее настоящая живая пианистка, а не музыкальная машина, несравненно более дешевая.

Скорее всего у женщины не было денег, чтобы купить собственное пианино, и она приходила сюда разучивать новые пьесы. В Японии вообще не принято стыдиться бедности, потому что ни в ком она не вызывает эмоций. Конечно, если эта бедность не чрезмерна и не вызывает брезгливости. Такую бедность довольно часто можно наблюдать на вокзалах. Там тепло, и можно переночевать тем, кому негде спать.

В дальних углах подземных вокзальных залов, в укромных полутемных закутках, которых не достигает завихряющийся людской поток, по ночам можно увидеть спящих людей. Один из них спал в простенке между двумя закрытыми ларьками, в которых днем продавалось доступное ему пиво и недоступное жареное мясо. Человеку на вид было лет около пятидесяти, и нелепой была его жиденькая бородка. Ужасны были рваные брюки, сквозь которые проглядывало белое костлявое тело. Он спал, неловким пьяным движением закинув руку за голову, и сбилась набок его засаленная черная фуражка, а на широком, смуглом, лоснящемся от грязи лице застыло усталое и озлобленное выражение. Он лежал прямо на грязном, холодном кафельном полу и,

чтобы не простудить почки, подгреб под себя обрывки прозрачных пластиковых пакетов.

В двух шагах от спящего остановилась стайка веселых школьниц в длинных синих платьях с матросскими воротничками. Одна из них что-то громко рассказывала резким и сильным голосом, а подружки то и дело перебивали ее взрывами оглушительного хохота. Как глухи они были в своем веселье! При каждом взрыве смеха лицо спящего болезненно морщилось, и он переворачивался на другой бок, но можно ли забыться, лежа на боку в холодном и гулком зале? Кто оп, этот спящий — бывший ли заключенный или одинокий больной человек; крестьянин, неудачно продавший свою землю или кто-нибудь еще? Он был слишком беден, и девочки не замечали его, словно что-то непристойное.

...Бедность женщины была недопустимой, и поэтому ее сильные пальцы, бегая по клавишам, не дрожали.

Прямо за ее спиной кричали, подзывая своих детей, строгие матери, оглушительно завывали хитрые лавочники, чтобы обратим, на себя внимание покупателей. Покупатели с каменными липами бесцеремонно рассматривали пианино, толкая женщину локтями, громко стучали по полированному корпусу инструмента и тыкали в клавиши пальцами. Они не замечали пианистки, а она не замечала их и внимательно смотрела в ноты, упрямо нажимая ногой на обернутую в целлофан педаль.

— Ах, какая она «сиккари», — сказала стоящая поодаль женщина своей маленькой девочке, — вот и ты будь такой же!

И пианистка чуть заметно улыбнулась.

Подальше, в зарослях лиан, висело желтое объявление: «Будем совместно пресекать шалости детей и бросание камнями! Совет жилкооператива».

— Видишь, что написано? — обратилась мама к дочке. — Ты должна быть «сиккари» и не шалить!

И преподаватели в университете прежде, чем войти в аудиторию, обязательно стучат в дверь, даже если она распахнута настежь. Этот стук, громкий и требовательный, словно командует: «Сиккари!»

У входа в универмаг «Мицукоси», у подножия его широких эскалаторов, у зеркальных дверей просторных лифтов — всюду стоят девушки. С утра до вечера они маршируют, поворачиваются и делают заученные движения руками, словно солдаты в юбках.

— Наша фирма «сиккари», — объяснил нам один из управляющих и ловко откусил кусок пирожного, которое стояло перед каждым из нас. — Это наша давняя традиция: «камбан-мусмэ» — «девушка-вывеска»!

Надо признаться, что такое название слегка шокировало нас — студентов. Тогда мы еще не привыкли к пронизывающему все в Японии прохладному духу «сиккари».

— Девушки-вывески, — продолжал управляющий, — целыми днями должны были стоять у входа в лавку и своей красотой, поклонами и улыбками приманивать покупателей. Была даже такая песенка: «Камбан-мусмэ»...

И он тут же спел ее, хлопая в такт ладошами и ритмично покачивая круглой головой.

— Платили им, правда, мало. Но им и сейчас платят не так уж много. Мы выработали для них целый комплекс движений и слов, и если они отступают от них, то мы их штрафуем. Если девушки начнут своевольничать, люди подумают, что наша фирма сдает позиции.

В зале погас свет и начался рекламный фильм об истории фирмы Мицукоси. Присутствовавшие в зале представители фирмы смотрели этот фильм, наверное, в тысячный раз, и как только экран засветился яркими красками, все они как по команде уснули. Чтобы не терять времени даром.

— Вот это называется «сиккари»! — восхищенно прошептал один из наших японских преподавателей.

При входе на перрон, у билетной кассы на подземной станции электрички красуется большой аквариум. Раньше там светились едким синим огнем рыбы-полумесяцы, потом сновали морские коньки, а сейчас шевелятся два огромных, не очень красивых краба. Железная дорога частная, по ней ездит много пассажиров, и хозяева могут позволить себе такую, казалось бы, ненужную роскошь, как этот аквариум. Начинался январь, и из репродукторов тихо потренькивали струны кото, нежной японской арфы, игравшей новогоднюю музыку. Вдоль прохладного и сумрачного перрона похаживали строгие молодые железнодорожники в серой форме. Их руки в белых перчатках сжимали небольшие жезлы. В полу, у самого края платформы горели на равном расстоянии друг от друга красные огоньки. От каждого из них тянулась длинная и молчаливая колонна пассажиров. Я выбрал ту, которая была короче всех, и пристроился в хвосте.

Наконец послышался далекий свисток, и загрохотал, приближаясь, поезд. Железнодорожники заволновались. Когда электричка, пыхтя, остановилась, оказалось, что каждая из очередей стояла как раз напротив закрытой пока двери. Конечно, это был заранее задуманный эффект, и виноваты в нем были красные огоньки в полу. Это было несомненным «сиккари» и в общем, удобным и хорошим.

Одна из очередей почему-то оказалась не там, где надо: очевидно, не тот красный огонек зажегся под ней. Очередь томилась напротив окна и молча недоумевала. Но тут явился строгий железнодорожник, указал жезлом на ближайшую дверь, и вся очередь послушно сделала шаг вправо, как колонна солдат.

Очередь возглавлял толстый чиновник с холодным взглядом из-под очков. За ним стояла девочка с порт-

фелем, и, как только двери раскрылись, она попыталась юркнуть в них первой, но толстая рука чиновника оттолкнула ее, п девочка послушно вернулась на свое место: «сиккари» есть «сиккари». Чиновник первым вступил в вагон и опустился па мягкое сиденье. За ним, молча и сильно отталкивая друг друга, ринулись в дверь остальные пассажиры, и в мгновение ока все места в вагоне оказались занятыми, кроме одного, к которому с разных концов вагона устремились двое: пожилая полная женщина и молодой мужчина спортивного вида. Как и следовало ожидать, молодость победила, и мужчина, в последний момент оттолкнув женщину, с деловым видом уселся и закрыл глаза. А женщина подняла брови и сделала вид, что вовсе и не собиралась садиться, а так просто прибежала сюда. Стоя, она то и дело переступала ногами на тонких каблучках: очевидно, ей было трудно стоять. Молодой мужчина вскоре вышел из вагона, и на сиденье снова оказалось небольшое пространство.

— Извините, пожалуйста! — поклонилась женщина сидевшим пассажирам, и тогда те молча сдвинулись и дали ей место.

Это тоже было «сиккари». И таким бездушием веяло от него, что становилось не по себе.

Рядом на шоссе шли дорожные работы. На каждом из стоявших там грузовиков было написано: «Вход в кабину в грязной обуви запрещен!» Это значило, что шофер каждый раз, прежде чем сесть за руль, должен сбрасывать уличные ботинки и надевать стоящие в кабине чистые матерчатые тапочки. И можно было поклясться, что шоферы все до единого именно так и поступали. Это было то же «сиккари», и, несомненно, это было очень хорошо.

В Японии царь улицы — пешеход. Машины здесь уступают дорогу велосипедам, велосипеды — пешеходам, но уж последние не уступают ее никому.

К горной стене прилепилось несколько крестьянских домов с запыленными красными крышами. Окна и двери выходили прямо на шумное шоссе, и у раздвинутых бумажных дверей сидели две старушки и увлеченно беседовали. Около их ног ползал младенец, и постепенно он оказался на самой середине шоссе, благо ему это было не очень трудно сделать, потому что шоссе было очень узким, так что две машины едва разъезжались на нем. Старушки продолжали болтать и с улыбкой посматривали на младенца, который спокойно возился па середине гудящего от многотонных грузовиков и быстрых кадиллаков шоссе, а машины вмиг образовали вокруг ребенка молчаливую пробку и спокойно ждали своей очереди, чтобы протиснуться в щель между ним и горным обрывом. Несмотря на жару, внутри у меня все похолодело, когда я увидел эту сцену. Опять «сиккари»! Ведь все машины спешили по своим неотложным делам, но это не помешало им строго соблюдать правило: «Пешеход — царь улицы». И это тоже был пример очень хорошего «сиккари».

Но что же значит это волшебное слово? Бессмысленно смотреть в словарь, потому что там против этого слова написано: «крепко, твердо, настойчиво, решительно». Согласитесь, что этого явно недостаточно. Это слово употребляется лишь японцами и понятно, близко и дорого, наверное, только им одним.

— Кимура-сэнсэй, — спросили мы на лекции старенького профессора, — что же все-таки значит «сиккари»?

— Ах, «сиккари»? Очень просто! Это наша сравнительно новая традиция, которую мы сами развили в себе. Ну, вспомните хотя бы шотландский «Вальс свечей» — трогательную и печальную мелодию, которую играют в каждом магазине перед закрытием, в порту — перед отправлением корабля. В мое время это был гимн окончания школы. Его музыку придумал шотландский композитор Мэтсон. А японские слова к нему написал

Идзава Дзюдзи. (Тут профессор быстро набросал на доске иероглифы его имени, и мы прилежно переписали в тетради это малозначительное имя: «сиккари»!)

— В этой песне поется о том, что упорные и прилежные ученики не останавливаются ни перед трудностями, ни перед бедностью. Летом они учат иероглифы при свете ночных светлячков, а зимой читают в лунные ночи при светлых отблесках снега. Вот это и есть «сиккари»! Ну, понятно теперь?

— Ну, конечно, понятно! Большое, большое спасибо! — отвечали мы, наученные небольшим опытом жизни в Японии, и хмуро улыбались, потому что понимали как-то не совсем.

Однажды во время Международного конкурса балета в Москве, сердца мастеров и опытных ценителей поразила молодая японская балерина Кумико Маэда. Отбросив привычные, устоявшиеся в десятилетиях классические нормы времени и темпов учебы, она добилась успехов. Солист Большого театра Николай Федоров писал о ней в «Комсомольской правде»: «Наша пара с Кумико Маэда образовалась стихийно, за неделю до конкурса. Японцы перед отъездом в Москву прислали телеграмму. В ней сообщалось, что Кумико нужен партнер. Раньше я видел Кумико Маэда на VIII Международном конкурсе артистов балета в Варне. Тогда был аналогичный случай: Кумико приехала на конкурс без партнера. Мы репетировали иногда по пять часов без перерыва. Минута отдыха — только поменяет балетные туфельки, посидит секунду, спросит: «Коля, ты устал?» — и все сначала, от первого до последнего па». («Комсомольская правда», 17 июня 1977 года.)

Может сложиться впечатление, что удивительная работоспособность, невиданное умение танцевать без партнера — это всего лишь индивидуальные особенности, даже странности бедной Кумико.

Но нет, она просто была «сиккари»... Если бы она не развила в себе путем страшного, изнурительного труда

этих редких качеств, ни один антрепренер не стал бы иметь с нею дела. И телеграмма, присланная ровно за неделю до конкурса, и необъяснимое отсутствие партнера, и «аналогичный» случай на предыдущем состязании — все это не было случайностью. Это была серия продуманных шагов деловых людей, антрепренеров и финансистов, с молоком матери впитавших прохладный дух «сиккари». «С тех пор, как наша страна стала «сиккари», мы добились очень больших успехов», — написано в школьном учебнике истории. Может быть...

А между тем время шло... Зеленые тихие горы стали покрываться красными и желтыми заплатками, и это было бесконечно красиво. А однажды утром фиолетовая Фудзияма оказалась такой белой и сверкающей, что на нее было больно смотреть.

На улице притаился удивительный, непостижимый день. Прохладный воздух остановился, непонятная сила сделала его хрустальным, и разноцветные лучи солнца тихо преломлялись в нем. Неужели и здесь первоначальной осенью бывают хрустальные тютчевские дни? И неужели так возможны они?

Чувство детской радости сообщалось всему, и легко было идти по узким улочкам, спавшим в этот день. Казалось, вскоре испарится эта радость, а хрустальный воздух растает, но время шло, и не кончался волшебный день. Возвратившись домой, я раздвинул окна, и тихая радость беззвучно вошла в комнату. Вдалеке загадочно переливался свет на золотистых горах, а под окном вдруг хлопнула дверь: это из маленького дома вышел молодой крестьянин и начал копаться в огороде. Далеко разносились неторопливые удары лопаты в хрустальном воздухе.

Наша кожа приобрела характерный сероватый оттенок, как иногда бывает у европейцев, которые долго живут в Японии. И начались удивительные вещи.

Избавившись от напряжения первых дней, мы научились шестым чувством улавливать какие-то новые для нас ощущения, которые не смогли бы выразить и словами.

Однажды я зашел в придорожную закусочную. Она была тесноватой и чистой, на сером листе бумаги у входа пестрели названия блюд, и вскоре передо мною поставили поднос, на котором красовалась голубая чашка риса, тарелочка с квашеными овощами и блюдце с мелко нарезанной капустой, поверх которой темнело немного жареной свинины. Рядом дымилась пиала с коричневым супом из перебродившей сои и ракушек. Еда была свежей и приготовлена не хуже, чем в любой другой закусочной. Но что-то беспокоило меня здесь, незаметно резало взгляд, как раздражает слух фальшивая нота.

Хозяин и хозяйка оба были пожилые, отяжелевшие, нерасторопные, и вместо того, чтобы внимательно смотреть на немногих посетителей, они неловко топтались у плиты и толкали друг друга боками. Во всех других закусочных и лавках, когда входит новый посетитель, хозяева и продавцы громко и отчетливо кричат: «Добро пожаловать!» Эти, правда, тоже кричали, но тихо, упавшими голосами. Видно было, что и в будни, и в праздники хозяевам приходится подниматься в самую рань, чтобы не упустить редких гостей, и целый день суетиться, а это им уже не под силу. Сквозь раздвинутые бумажные двери виднелись на полу неубранные постели. На пороге комнаты зеленела начатая пузатая бутылка виски: очевидно, из нее отпускают виски гостям, и к ней же втихомолку прикладываются хозяева. Но самое тягостное впечатление оставляли разноцветные пластмассовые наклейки на окнах, гордость любого торговца и лавочника: они наполовину отклеились и почернели.

Все это так диссонировало с тем, что называется непонятным словом «сиккари», что стало грустно.

Было жалко бедных хозяев, потому что их ждало разорение, которое уже началось...

Однажды, выйдя на прохладную улицу из здания, где занимались синхронным переводом, мы опустили в автомат несколько серебряных монет с изображением хризантемы, и из автоматов высыпались банки пива и прозрачные пакеты со сладкими сушеными усами каракатицы,

— Что это вы едите? — спросили нас подошедшие маленькие дети, — пиво и сушеные усы каракатицы? Это же невкусно! Мороженое лучше!

Мы были приятно удивлены. Дети не пытались говорить с нами на ломаном английском языке, не смеялись искусственным смехом и не кричали «Хеллоу!». Вместо этого они спокойно обращались к нам по-японски.

— Дети! — спросили мы, — откуда вы знаете, что мы говорим по-японски? Ведь мы же иностранцы!

— Ну и что же? — загадочно ответили дети и ушли.

На вокзале в Синдзюку толпа пассажиров изучала схему движения поездов. Стоявшая рядом сгорбленная старушка обратилась к одному из пас:

— Прочитай-ка мне иероглифы! Что-то я не разберу!

Тот, конечно, прочитал, но спросил:

— Я ведь иностранец, не правда ли? Откуда же иностранцу знать иероглифы?

— Ты-то знаешь! — с улыбкой отвечала старушка.

Но самое невероятное ждало впереди.

Это произошло недалеко от общежития. Я шел по деревенской улице между рядами приземистых домов. Меня обогнал японец средних лет и оглянулся с озабоченным видом.

— Вы не подскажете, как проехать на машине до Хирацука? — спросил он меня.

— Поезжайте вдоль реки, потом переедете мост, затем сделаете два поворота налево — и будете в Хирацуке! — ответил я слегка дрожащим голосом. Я не стал задавать ему вопросов, а просто посмотрел в стоявшее на повороте огромное зеркало для машин: не изменился ли у меня разрез глаз?

ВЫЗОВ
ТРАДИЦИИ

Наши журналисты любят писать о том, что выпускникам японских вузов бывает трудно найти работу. При этом они забывают добавить: бывшим троечникам, отражая этим ориентацию всего нашего образования на среднего, посредственного студента, на которого и рассчитан поголовный охват всем — и работой, и знаниями, и убеждениями, и культурой. Отличникам же и нестандартно мыслящим людям в нашем вузе неуютно — они не укладываются в схему. Здесь же они нарасхват, и фирмы не на шутку воюют друг с другом, чтобы заполучить их в свой штат.

Токийские переулки! Неисчислимой сетью разбежались они от небольшого здания ТАСС. Вечерами я любил выходить на его плоскую крышу. Дневная жара спала, но влажный воздух не несет прохлады. Кругом тишина, в соседних домиках погашен свет, и из темных садов доносится сладкий запах магнолий.

А невдалеке, из-за зыбкой завесы, возвышается целая роща небоскребов, сверкающих огнями. От ее подножия поднимается зарево. Там, в районе увеселений Сипдзюку, идет суетная ночная жизнь...

Но чуть подальше, где зарево не такое яркое, находится и Культурный центр Синдзюку — «Синдзюку бунка сэнта». Он просторен и нов, чист и аккуратен, в нем прекрасная акустика, таких концертных залов в Токио немного.

Как близко он расположен, как легко дойти до него пешком, но как трудно доехать на машине! В перенаселенном Токио ощущается резкая нехватка земли, и к каким только ухищрениям не прибегают градостроители!

К огромному зданию Культурного центра, выстроенному из розового кирпича, плавно закругляющемуся, ведет лишь неширокая дорога с односторонним движением. Для того, чтобы выехать на нее, надо промчаться по нескольким темным переулкам, обреченно вздохнув, протащить свой автомобиль между овощных лавок, рискуя раздавить кочаны белой капусты, разложенные в тарелочках прямо на проезжей части (ибо тротуара тут нет, для него просто не хватило бы места), — и из подворотни, сделав снайперский поворот, въехать на стоянку машин, светлую и просторную, потому что подземную...

Кто только не выступал в этом зале! Европейское музыкальное искусство пришло в Японию недавно, и потому нет ничего удивительного в том, что своих выдающихся исполнителей здесь пока немного. Однако интерес к зарубежной классической музыке огромен.

— Пришлите нам скрипача не моложе пятидесяти лет! — с таким необычным требованием обращаются японские импресарио к зарубежным концертным фирмам. — На концерт молодого артиста мало кто пойдет, как бы талантлив он ни был. Зато выступление пожилого мэтра будет принято как эталон искусства. Таково уж восприятие нашей японской публики! — поясняют они.

И действительно, престарелые скрипачи, пианисты, дирижеры, многие из которых давно ушли на покой у себя на родине, в Японии порой переживают второе рождение. И хотя их исполнительская техника уже не та, что была лет двадцать-тридцать назад, залы на их концертах бывают заполнены до предела.

Как говорят сами японцы, чтобы достигнуть здесь успеха в чем-либо, и прежде всего в области национального искусства, надо стать очень пожилым человеком. Лишь тогда к твоей работе начнут относиться серьезно...

— Я еще слишком молод, чтобы лично разговаривать с президентом нашей фирмы, — с грустной улыбкой поведал мне один бизнесмен, — ведь мне всего сорок лет, а в Японии этот возраст считают чуть ли не мальчишеским. Вот когда пройдет еще лет двадцать, я стану полноправным работником...

Следует отметить, что восьмидесятилетние президенты фирм здесь не редкость, правда, в государственном аппарате для каждой должности существует возрастной предел, обусловленный с точностью до года, и соблюдается он очень четко. Старики в Японии умеют очень долго сохранять свою жизнеспособность. Причиной этого служат и рациональное питание (в основном вегетарианское), и своеобразный культ старости, издавна процветающий на Востоке, а главное — спокойное отношение к жизненным трудностям, восходящее к буддизму. Он учит, что всякого рода мелкие неприятности неизбежны, а раз так, то не стоит принимать их во внима-

ние. А то, какие неприятности считать большими, а какие малыми — это личное дело каждого...

Иностранные корреспонденты нередко попадают впросак, пытаясь задавать молодым собеседникам вопросы обобщающего характера. Инженера они просят охарактеризовать темп заводской работы, ученого — отозваться об уровне научных разработок университета, приказчика старейшего торгового дома — рассказать о двухсотлетней истории фирмы. И бывают очень удивлены, когда те в ответ лишь смущенно посмеиваются, словно их спросили о чем-то неприличном, или поспешно отходят, сославшись па нехватку времени.

Им, как считается по традиции, еще рано иметь свое мнение о том, что выходит за пределы прямых обязанностей, а тот, кого оно интересует, может пройти в отделенный стеклянной дверью кабинет, где словоохотливый шестидесятилетний человек подробнейшим образом ответит на все вопросы.

Иногда фирмы, желая увильнуть от беседы, нарочно высылают к интервьюеру самого молодого из сотрудников, и он добросовестно повторяет на все лады одну и ту же фразу, надолго замолкает и упрямо глядит в сторону, краснея лицом...

Положение молодежи в японском обществе издавна было низким, и многим, наверное, хотелось, чтобы оно оставалось таким всегда. Однако в наши дни молодые люди с каждым новым поколением чувствуют себя все свободней, заставляя старших всерьез считаться с собой.

В апреле каждого года на тысячах фирм проходят торжественные церемонии приема новых сотрудников. В основе своей все они одинаковы.

На узких алюминиевых стульях, тесно приставленных друг к другу и заполняющих ровными рядами актовый зал, сидят, напряженно вытянув спины, молодые люди, устремившие на сцену настороженный взор и прилежно сложившие руки на коленях. Их выглаженные темные пиджаки кажутся одинаковыми, как мундиры.

Все они были приняты сюда не случайно, хотя не являются сыновьями министров или президентов соседних фирм. Их начали подбирать давно, в самом разгаре веселой студенческой жизни, когда они еще ничего не знали о своем будущем и, как и все, ощущали о нем неясную тревогу.

Их имена сообщили на фирмы университетские профессора, за долгие годы научившиеся безошибочно распознавать в бесшабашных пареньках, упивающихся послешкольной свободой, добросовестность и терпение, пытливый ум и богатое сердце.

Когда студенты переваливают за третий курс, фирмы начинают потихоньку обихаживать их, приучая к себе, — присылают рекламные проспекты, справочники телефонов, брошюрки с изложением своей истории.

Администрация университетов, узнавая об этом, бывает недовольна, считая, что студенты пока должны набираться знаний, а не искать работу, однако никаких действий она не предпринимает, хорошо зная о том, что так повелось издавна, и плетью обуха не перешибешь.

Впрочем, эти сведения доходят до администрации редко, потому что фирмы стараются не афишировать свой интерес к тому или иному студенту, опасаясь того, что конкуренты переманят его к себе.

Наши журналисты часто пишут о том, что выпускникам японских вузов порой бывает трудно устроиться на работу, но забывают упомянуть, что за подающих надежды студентов идет такая же ожесточенная борьба, как и за рынки сбыта. Этим они механически отражают ориентацию нашего высшего образования на количество, но не па качество молодых специалистов.

Перед каждыми выпускными экзаменами фирмы дружески договариваются между собой о том, чтобы не наступать друг другу на ноги в охоте за выпускниками, и для взаимного одергивания даже создают мощный консорциум, размерами своими превышающий иное министерство, а масштабом общенационального предста-

вительства напоминающий о революционной ситуации или международном демарше, но никак не о борьбе с мелким жульничеством в деле подбора кадров. В этот совет, кроме ректоров множества государственных и частных университетов, входят руководители пятидесяти ведущих организаций промышленников страны во главе с Японской ассоциацией предпринимателей (Никкэйрэн).

Номера телефонов этого грандиозного органа общественного контроля широко сообщаются в печати для того, чтобы каждый, заподозривший любую фирму в нарушении джентльменского соглашения, мог немедленно сообщить об этом. И звонки начинают поступать наследующий же день, едва фирмы приступают к охоте.

Они наперебой приглашают талантливых выпускников в рестораны, где, угостив их обильным ужином, норовят еще и засунуть в карман пиджака продолговатый белый конверт, на котором написано: «Расходы на такси». «Так положено у нас на фирме!» — приятельски объясняют кадровики, хлопая по плечу будущих кандидатов.

Иные из фирм не останавливаются перед тем, чтобы убрать нужных им выпускников на пару недель из поля зрения конкурентов, сплавив их в одну из соседних стран. Они предлагают дипломникам прокатиться на корабле до Гонконга или Тайваня, чтобы пройти там учебный курс начинающего клерка, перемежая его с посещениями кварталов ночных увеселений, чьи нравы отличаются гораздо большей свободой, чем в Японии.

Но члены консорциума тотчас узнают обо всем этом...

Кто же спешит оповестить их? Может быть, изнывающие от зависти нерадивые студенты, у которых вызывают приступ праведного гнева циничные, но столь соблазнительные предложения фирм их товарищам в стремлении залучить тех к себе на службу? Нет, звонят сами же выпускники, ударники учебы, недрогнувшей ру-

кой набирая номер телефона, ибо с детства знают о том, что любое соревнование должно быть честным.

Несмотря на всю свою мощь, консорциум карает нарушителей довольно мягко, по-хорошему предлагая им не повторять ошибок...

Церемония приема новых сотрудников на фирму продолжается часа два. Распорядок ее, известный всем, изложен крупными иероглифами на листе бумаги и вывешен за спинами президиума — дюжины старичков в серых фраках с пышными хризантемами в петлицах. Переступая негнущимися ногами, они один за другим подходят к микрофону и обращаются к молодым с приветственным словом, как две капли воды похожим на предыдущее.

Только президент позволяет себе отойти от стандарта. В своем выступлении он говорит не столько об успехах фирмы, что могло бы показаться наиболее подходящим, но, наоборот, о ее неудачах и провалах. Словно получая болезненное удовольствие, он подробно описывает все истории и скандалы, в которых была замешана фирма. Глава авиакомпании рассказывает о крушении самолетов, руководитель торговой фирмы — о продаже негодных товаров и фактах невежливого обслуживания, председатель промышленного концерна повествует об утечке из него инженерных секретов.

Все они заканчивают свои выступления так:

— Без вас нам не обойтись. Мы все должны совершить дело нашего возрождения...

Церемонию завершает краткая речь лучшего из принятых. Голосом, звенящим от молодого задора, он клянется в общем стремлении посвятить делу фирмы всю жизнь, после чего зал оглашают механические звуки фирменного гимна.

Все тотчас встают и подносят к глазам розданные листочки с текстом и поют его хором...

— Всем новым сотрудникам собраться у выхода, — раздается из репродукторов команда, произнесенная

вкрадчивым женским голосом, и университетские выпускники, смущенно поглядывая по сторонам, начинают пробираться к выходу меж рядов стульев, вежливо пропуская друг друга вперед, ибо все еще мало знакомы.

Через несколько минут они набьются в огромный автобус, поджидающий их на улице, и, задремав в мягких креслах, забудут скованность, вызванную церемонией приема, а тем временем автобус, по-слоновьи покачиваясь на поворотах, будет забирать все выше в горы — до тех пор, пока уже под вечер не остановится у небольшой деревянной гостиницы. Изогнутые углы ее крыши тонут в густом сумраке леса. Здесь свежо, прохладно.

Из дверей с оханьем выбегут пожилые служительницы в темных кимоно и, кланяясь, станут протягивать к гостям свои слабые руки, словно стараясь выхватить у них дорожные сумки и втащить их в дом, но те, отрицательно помахав ладонью, мужественно вскинут сумки на плечо и поднимутся по поскрипывающим ступеням на второй этаж, в огромную комнату с соломенным полом, на котором ночью все будут спать, расстелив матрасы аккуратными рядами.

Сейчас, переодевшись в легкие гостиничные кимоно, молодые гости спустятся в обеденный зал и рассядутся там, поджав ноги, за длинными столами из темного дерева.

Они уставлены множеством тарелочек и пиал с японской закуской — сладкой маринованной редькой, сырой рыбой, коротенькими куриными шашлычками. Повсюду белеют фарфоровые графинчики с сакэ, темнеют пузатые бутылки виски и высокие, тонкие — пива.

Представители администрации фирмы, одетые в такие же полосатые кимоно и отличаясь от всех только солидной плотностью фигуры, сидят во главе. По-хозяйски оглядывая зал, они произносят первый тост, затем второй.

Терпкий запах подогретого сакэ легкой струей раз-

летается по залу, вызывая в дальних углах его взрывы смеха, делая громкими разговоры, заставляя многих гостей устало откинуться на бок и возлежать за столом, опираясь на локоть, словно римские патриции.

И вот из репродукторов раздается ритмичная и резкая музыка народного танца, странным образом сочетающая в себе и торжественность, и безудержное веселье.

Представители администрации первыми пускаются в пляс. Осторожно переступая босыми ногами, они медленно двигаются меж низеньких столов, стараясь не задеть стоящую на них посуду. Ритмично взмахивая руками, в одной из которых зажат белый веер, они то делают шаг вперед, то пятятся назад, нарочито покачиваясь. Этот танец пьяного самурая любят исполнять на мужских вечеринках уже несколько сотен лет подряд, и все тотчас запевают протяжную песню, помогая себе хлопками в ладоши. Гулянье продолжается до поздней ночи.

Наутро, одевшись по-деловому, все снова собираются в зале и рассаживаются вдоль тех же столов, теперь чисто убранных, приготовленных для занятий.

Начинается краткий курс обучения, который не только крайне прост, но большей частью предусматривает то, что, кажется, никакого изучения и не требует.

Например, новых сотрудников фирмы учат кланяться, для чего те поочередно выходят на середину, и штатный инструктор по поклонам, положив им ладонь на затылок, сгибает шею под тем углом, который положен в общении с клиентурой. Все остальные живо наблюдают за этой сценкой, одобрительно посмеиваясь, хлопая в ладоши, хотя каждый с детства овладел несложным искусством поклонов, придумать в котором что-нибудь новое уже невозможно.

Им объясняют также, как пользоваться телефоном, звонить самим и отвечать на чужие звонки, соблюдая и деловой стиль, и традиционный этикет.

А еще их учат писать цифры от одного до десяти, что скорее подобало бы первоклассникам. Правда, на сей раз цифры изображают не простыми иероглифами, а усложненными, с целью избежать случайной ошибки, однако совсем нетрудными для запоминания.

Иногда, отложив нехитрые учебники, все рассаживаются вдоль тонкой деревянной стены, поджав ноги пли ловко закинув их одну на другую, сцепляют руки на животе и закрывают глаза, а потом запрокидывают голову и надолго замирают в блаженном забытьи.

Эта поза духовной концентрации и расслабления,путешествия по бесчисленным закоулкам своей души, была привнесена в страну дзэн-буддизмом. Как старинное восточное снадобье, она сама намечает область своего воздействия па человека. Средневековым самураям она позволяла преодолеть страх перед битвой, у современных японских спортсменов рождает чувство уверенности в победе, бизнесменам помогает приобрести спокойствие духа...

У новых сотрудников фирм она призвана вызвать чувство нерасторжимой связи друг с другом и с компанией, где они будут работать...

Несколько дней учебных сборов проходят для них необременительно и легко, да и фирме почти ничего не стоят, зато возвращаются новобранцы сложившимся, живым, сознательным коллективом, производственная отдача от которого будет гораздо выше.

Фирмы прогорающие и дышащие на ладан не устраивают торжественных церемоний, но набирают новых сотрудников и они.

Хмурый президент, собрав группку выпускников в своем кабинете, голосом унылым и строгим, но полным внутренней силы, рассказывает им о своих злоключениях, а те, слушая, виновато склоняют головы, словно к этим бедам причастны и они. Так демонстрируется верность своей фирме, пусть она уже лишена права подписывать свои финансовые документы пастой черногоцве-

та, а должна делать это красной, говорящей о долгах, неуверенности и тревоге.

Система пожизненного найма, процветающая и сейчас в большинстве японских компаний, считается одной из причин стремительного экономического прогресса страны. Глубоко традиционная, она уходит корнями в жесткую структуру феодального клана с беззаветной преданностью самураев своему князю. Эта система побуждает сотрудников фирмы работать так, словно дело фирмы стало их личным делом.

Психологическая стойкость этой традиции еще не изучена до конца, но экономически ее подкрепляют очень активно: зарплата год от года возрастает и под старость порой достигает такой внушительной суммы, что компании становится невыгодным выплачивать ее, и она переводит ветеранов на дочернюю фирму или предлагает им уйти на пенсию. Нередко фирмы обеспечивают своих работников льготным жильем, бесплатным медицинским обслуживанием, предоставляют скидки на покупку товаров. Покинув фирму, человек разом теряет все это и потому действительно начинает трудиться не за страх, а за совесть. Место работы, а не должность, определяет для него все.

«О, вы из Мицубиси!» — с уважением скажут уборщице из этого знаменитого на весь мир торгово-промышленного концерна.

И ни у кого из молодых постояльцев расположенного на окраине Токио холостяцкого общежития министерства иностранных дел не вызывает и тени усмешки то, с какой торжественностью старик вахтер берет трубку зазвонившего телефона и возглашает в нее: «Японский МИД слушает!...» Да, здесь действительно расположено одно из подразделений внешнеполитического ведомства страны, и все его социальные гарантии распространяются в этом доме на каждого до конца его жизни.

И потому здесь издавна было принято считать работу главным делом жизни, а все остальное, в том чи-

еле семью, второстепенным. Это было скорее чертой психологического настроя, поскольку работа и семья никогда не входили в противоречие друг с другом, по и это давало неисчислимый материальный эффект стране.

Однако в наши дни эта черта стала истончаться, и в 1988 году три четверти молодых мужчин, принятых на крупные фирмы, отвечая па вопросы интервьюеров, посчитали семью важнее службы, а девушки перещеголяли их, отдав предпочтение семье почти все до единой.

Впрочем, это заявление было пока чисто декларативным, потому что ни у кого из них семьи еще не было — ею здесь принято обзаводиться на пороге тридцатилетия, создав материальную базу.

Большинство из опрошенных сказало также о том, что не исключает возможности ухода с фирмы и открытия собственного дела, что тоже пока могло быть только мечтою, поскольку огромная волна неожиданно появившихся мелких компаний неизбежно обречена на спад...

И тем не менее, даже такая, пока чисто умственная, переоценка ценностей не на шутку перепугала японский предпринимательский мир, увидавший в ней возрастание роли личности и усыхание традиционного японского коллективизма, несущие стране непредсказуемые последствия...

Впрочем, новые взгляды не замедлили проявиться в поступках. Молодежь все реже трудится с полной самоотдачей, более свойственной ее отцам, и начинает работать так, чтобы начальники не имели формальных причин придраться. Но главное заключалось в том, что молодые люди с непостижимой легкостью принялись оставлять едва насиженные на фирмах места и нырять с головой в безудержно несущийся поток жизни.

Такой обычай пожизненного найма впервые в истории этой страны начал давать трещину. По мнению молодых, он стал для них слишком тяжелой обузой, неимоверно сужающей жизненную перспективу и в своем

архаизме совершенно недопустимой в канун XXI века.

2,65 миллиона молодых специалистов переменило место постоянной работы в 1988 году и еще 6 миллионов решили сделать это в следующем. Такого здесь еще не видали...

Природа бизнеса очень мобильна и позволяет ему приспосабливаться к любым явлениям жизни. Так произошло и сейчас.

Стоило молодежи едва отшатнуться от практики пожизненного найма на фирмы, как здесь сразу же родились тысячи других фирм, занимающихся для своих клиентов поиском новой работы. Так возникла еще одна профессия — охотник за головами...

Ведущее положение среди них заняла компания со звучным иностранным именем, которые так любит молодежь, — «Кембридж».

— Еще несколько лет назад лишь каждый десятый из тех, кому мы предлагали новое место службы, соглашался разговаривать с нами, — рассказывает ее вице-президент Хироси Окава. — Ведь тогда потеря работы означала крах, и человек без места рассматривался в общественном мнении как неудачник. Сейчас же наши предложения охотно принимают семеро из каждых десяти молодых людей...

За последние два-три года в Японии появилась масса новых журналов с предложениями о найме, чей общий тираж составляет невероятную сумму в три миллиона экземпляров в неделю, хотя число страниц в иных доходит до восьмисот.

Издатель главного из журналов «Бипг» Коудзи Фунацу, в недавнем прошлом профессиональный музыкант, считает, что в возрасте двадцати с небольшим лет человеку еще трудно сделать свой главный выбор в жизни, которая стала столь многообразной. Здоровое общество должно предоставить ему такую возможность еще и еще раз, до тех пор, пока он не уверится в том, что нашел наконец свое предназначение...

В двенадцатимиллионном Токио зарегистрировано более 80 тысяч фирм. Большинство из них мелкие, порой состоящие из одного человека. Не знаю, исчисляют ли здесь средний возраст их президентов, но за последние годы он должен был ощутимо понизиться, потому что молодые все чаще стали на собственный страх и риск открывать свое дело.

Движет этими людьми не одна только жажда наживы. Наоборот, уйдя из принявшего их крупного бизнеса, они лишились немалых благ и жизненных гарантий.

— Когда после окончания института я устроилась на большую туристскую фирму, многие знакомые склонны были считать, что мне повезло, — рассказывает тридцатипятилетняя Сумико Хираката. — Но вскоре я поняла, что больше не могу бесцельно просиживать за столом от девяти до пяти, независимо от того, есть ли мне чем заняться. Не имея возможности полностью проявить себя на фирме, я с тоской думала о том, что лучшие мои годы уходят впустую. И вот, наконец решившись, я вырвалась на свободу!...

Сумико Хираката открыла бюро переводов, чтобы обслуживать многочисленные международные конференции, симпозиумы и семинары, проходящие в японской столице.

— Я ходила по университетам и подыскивала ребят, умеющих свободно разговаривать по-английски, — говорит она, улыбаясь. — Это помогло мне познакомиться со множеством людей. Непринужденно общаясь с ними, организуя им ощутимый заработок, я чувствовала также удовлетворение и свободу, каких никогда не испытывала на фирме. Конечно, вначале я беспокоилась за судьбу моего предприятия, но сейчас дело наладилось и идет хорошо. Главное, что я ценю в нем, — это возможность иметь дело с теми людьми, с кем я хочу, а это недоступное счастье для тех, кто служит на большой фирме!...

— Проработав два года на всемирно известном

электротехническом концерне Мацусита, я чуть не погиб от тоски, — поведал мне молодой человек в серой спецовке, устанавливавший новый телефон в моей квартире. — Я ощущал себя маленьким винтиком в огромной машине и не испытывал никакой радости от того, что распевал вместе со всеми гимн. Но стоило мне заикнуться об уходе, как мне строго ответили, что я еще слишком мало поработал для фирмы и еще не до конца оправдал оказанное мне доверие. Но все равно я ушел оттуда, ушел со скандалом, и теперь служу на крошечной фирме «Ди Ди Ай», которая, конечно же, никому не известна. Но я сам создаю ее историю и потому чувствую себя человеком! — И он с гордостью указал пальцем на свой рукав, где оранжевой нитью были вышиты **три** английские буквы. То, как расшифровываются они, никто не знал...

Пожизненный найм дал трещину даже в банках, исподволь руководящих всей экономикой, а значит, и политической жизнью страны, и считающихся наиболее консервативными структурами в обществе.

— Я рад, что покинул банк Фудзи, где моя жизнь была невыносимой, — признался двадцатисемилетний Томомити Накаяма, ставший репортером газеты «Иомиури»...

Впрочем, пожизненный найм начал терять свою ценность и в глазах руководителей крупных фирм. В условиях набравшего непреодолимый темп научно-технического прогресса свежие знания недавних студентов, приобретших к тому же небольшой практический опыт, значат гораздо больше, чем беззаветная преданность старых кадров.

И потому здесь перестают считать летунов врагами производства. Напротив, фирмы становятся заинтересованными в том, чтобы таких летунов прибывало к ним все больше, особенно тех, кто владеет электроникой, информатикой, генной инженерией.

Недавно японский филиал мощной промышленно-на-

учной корпорации «Ай Би Эм» впервые решила принять в свой штат пятьсот молодых специалистов, покинувших своих прежних хозяев. Японская компания по цифровому обеспечению электронной техники — триста, страховая фирма Ямаити — сто...

И все же почти три четверти японских предпринимателей считают, что изменение взглядов молодежи на пожизненный найм угрожает стране, потому что неизбежно скажется потом на умалении ее роли в международном сообществе...

РОДНИК ЖИВОЙ воды

(Вместо послесловия)

После возвращения в Москву я часто вспоминал широкий и серый, сверкающий стеклами окон небоскреб «Касуми-гасэки билдинг». Он расположен в центре Токио, недалеко от дворца императора и комплекса правительственных зданий. Скоростной лифт быстро поднимает вас на тридцать третий этаж.

Отсюда, из небоскреба, сквозь наглухо запаянные стекла окон хорошо смотреть вдаль, где сливаются в разноцветный ковер крыши тесно стоящих домиков, где уходят за горизонт бесконечные улицы, на которых зажигаются и гаснут алые точки автомобильных фар.

На закате дня машины идут медленно, нескончаемой чередою, и ритм их огней кажется неуловимым, странным, словно отражающим в себе глубинное дыхание огромного города...

Тридцать третий этаж принадлежит университету Токай. Сегодня вечером здесь состоится чествование бейсбольной команды, завоевавшей первенство страны.

В ярко освещенных коридорах тесно, и в глазах рябит от черных студенческих мундиров. Отовсюду слышны подобострастные и громкие приветственные крики, которыми студенты младших курсов встречают членов победившей команды, своих старших товарищей. Победители ходят гордые и строгие, словно не замечая приветствий, и держатся кучкой...

В центре зала длинные столы белеют свежими скатертями. Тощие повара в белых куртках расставляют серебряные жбаны с гречневой лапшой, официантки в синих кимоно семенящей походкой без устали вновь и вновь обходят столы, поправляя фигурные блюда с разноцветными лепестками сырой рыбы, раскладывают аккуратными полукружьями палочки для еды.

В небольшом фойе стоит молодой студент-первокурсник. Тесный воротник нового мундира обхватил его шею. В торжественно приподнятых руках, словно букет цветов, он держит лакированные черные полуботинки. Видно, что они слегка поношены.

Вначале вокруг студента двигалась толпа гостей, потом в фойе не осталось никого. А он все стоит, и взгляд его спокоен и безучастен. Так он и простоит весь вечер, а в конце приема легко согнет свою спину и бережно положит ботинки к ногам наставника, бейсболиста-победителя. А тот неторопливо сбросит свои легкие туфли и наденет черные полуботинки, наденет их спокойно и небрежно, словно только что достал их из ближайшего ящика для обуви...

Когда на приеме к микрофону подойдет ректор, откуда-то сбоку прозвучит гортанный возглас, и все во-

круг склонят свои черные стриженые головы. Затем к микрофону будут по очереди выходить победители и, не забыв отвесить по два глубоких поклона, выступать с краткими речами благодарности. Эти речи ни словом не будут отличаться друг от друга, но собравшиеся внимательно выслушают все двенадцать...

Когда торжественная часть закончится, победители и их друзья-старшекурсники соберутся в кружок, выпьют пива, закусят его маринованными щупальцами осьминога, но студенты младших курсов, тесной толпой стоящие у двери, не притронутся к еде. Потея в своих мундирах, они будут ждать победителей и с поклонами проводят их до выхода из небоскреба...

Все они почти ровесники, студенты одного из лучших вузов Японии, будущие инженеры и врачи, конструкторы новейших ЭВМ и создатели роботов. Однако достижения современных наук и заветы самурайской старины мирно живут в их душе бок о бок...

А неподалеку отсюда, на маленьком стадионе, зажатом меж высоких серых домов, заканчивается футбольный матч. И пока молодые игроки забивают последние голы друг другу, их подруги, оживленно переговариваясь, наполняют холодной водой из кранов огромные, ярко раскрашенные, металлические банки из-под пива.

Когда футболисты, возбужденно дыша, придут с поля, веселье вмиг оставит девушек; посерьезнев, они низко поклонятся и, произнеся вполголоса ритуальную фразу, поднесут спортсменам фляги с водою. Выщелоченная в водопроводе, она давно уже стала мертвой, но пьется, наверное, как живая...

Все мы живем сейчас в мире мертвой воды. Сколь прозорливыми оказались наши предки, разделившие ее на мертвую и живую!

Впрочем, в их время всякая вода была живой. Ныне она убывает, и вот уже и из рек ее нельзя стало пить. Постепенно мертвеет воздух, и от беды, которая грозит нам, не способна защитить ни одна армия.

Как же велика была мудрость японцев, в предвидении сегодняшнего дня догадавшихся сохранить для потомков живую воду! Даже в Токио можно найти десятки ее источников, прохладных и теплых, бьющих из-под земли. Они находятся в старых храмовых парках, окруженные вековыми деревьями, тишиной и покоем.

Может быть, из-за этого японцы, первые удивившие мир загрязнением земли, сумели быстро ее очистить, в то время как другие страны, недавно ступившие на неправедный этот путь, мечутся в тупике и не могут найти выхода.

Не потому ли Япония, вырвавшись впереди всех государств на пути к новому, ищет духовную силу в источнике древней влаги, а размывание и распад, грозящие сейчас всем большим нациям, обходят японцев стороною?..

Они не засыпают своих колодцев, словно издавна зная о том, что, если залить бетоном древний источник у монастырской стены, вода с течением времени снова промоет себе путь, и родник откроется в другом месте, но на месте прежнего останутся лишь серые сгустки бетона.

Взамен уничтоженной традиции редко вырастает что-нибудь стоящее. Там, где стояли снесенные старинные церкви и маленькие особнячки, наивно украшенные крепостными мастерами, не могут возникнуть более великолепные здания. Там следует ожидать появления лишь многоэтажных унылых коробок, хуже и бездарнее которых трудно что-либо создать.

Когда нарушается связь поколений, ломается народный праздник, то на смену ему приходит беспробудное пьянство. Когда умирает народная песня, ее заменяет отупляющая какофония, своим грохотом словно стремящаяся заглушить тоску по утраченной задушевности.

Иссушая души людей, уничтожение традиций неизбежно приводит и к экономическому упадку.

Выступит ли японская молодежь против своих на-

циональных традиций? Едва ли: ведь и сегодня любой ее бунт против них тотчас приобретает традиционный характер.

Традиции сохраняют нашу память. Сейчас, когда уклад жизни меняется так стремительно, что жизненный опыт родителей подчас неприменим к их детям, роль традиций становится особенно важной. В их благотворных лучах ощущаешь себя не только человеком двадцатого века, но просто человеком, просто сыном или отцом, просто русским или японцем. Пробудившаяся в душе связь времен делает жизнь осознанной, наполняет ее новым смыслом, и тогда в звуках автомобильных гудков можно услышать голос древнего рога, и понять, почему цветет сакура...

Токио — Москва
1975—1988 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Цветов. Предисловие 3

Мир японского детства 7
В школьном мундире 51
Ненадежная улитка 103
Каратэ начинается с поклонов 129
Под черным знаменем . 159
Балалаечник Китагава 205
Серебряная хризантема 223
Очень новая старая пагода 245
Вызов традиции 265

Родник живой воды *(вместо послесловия)* 281

Преображенский К. Г.

П 72 Как стать японцем — М.: Мол. гвардия, 1989.— 284[4] с, ил.

ISBN 5-235-00870-7

Автор книги, проработавший несколько лет в Японии, знакомит читателя с жизнью японской молодежи, рассказывает об условиях, в которых она формируется, учебе, труде, досуге, о том, как воспитываются в молодых японцах с детских лет такие черты характера, как духовная стойкость и коллективизм, усердие и национализм, умение не поддаваться трудностям жизни и поддерживать свое физическое здоровье. Адресуется массовому читателю.

П $\frac{1102050100—313}{078(02)—89}$ 052—90 ББК 66.75(5Я)

ИБ № 6710

Преображенский Константин Георгиевич

КАК СТАТЬ ЯПОНЦЕМ

Заведующий редакцией В. Ильин
Редактор Л. Курин
Художник А. Кузьмин
Художественный редактор С. Курбатов
Технический редактор Н. Носова
Корректоры Н. Овсяникова, Л. Четыркиина

Сдано в набор 29.05.89. Подписано в печать 21.08.89. Формат 70Х108'/з2. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,95. Учетно-изд. л. 13,2. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Изд. № 1554. Заказ 9—539.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38-44.

ISBN 5-235-00870-7

65 коп.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — ИЗВЕСТНЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК. РОДИЛСЯ В 1953 ГОДУ В МОСКВЕ, ОКОНЧИЛ ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ ПРИ МГУ, СТАЖИРОВАЛСЯ В ЯПОНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ТОКАЙ. В 1980—1985 ГОДАХ — КОРРЕСПОНДЕНТ ТАСС В ТОКИО.
АВТОР КНИГИ «СПОРТИВНОЕ КИМОНО» (МОСКВА, 1985), МНОГОЧИСЛЕННЫХ ОЧЕРКОВ И СТАТЕЙ О ЯПОНИИ.